

АТУНА КОЙДЕРГЕМ

18+

ГОРЛИНКА ХОЛЬМГАРДА

КНИГА 2

Княжна для викинга

Атуна Койдергем

Горлинка Хольмгарда. Книга 2

«Автор»

2022

Койдергем А.

Горлинка Хольмгарда. Книга 2 / А. Койдергем — «Автор», 2022 — (Княжна для викинга)

Продолжение книги «Горлинка Хольмгарда». IX век нашей эры. Русь раздроблена на множество княжеств, в каждом из которых свой собственный правитель. Несмотря на кажущуюся обособленность, уделы связаны между собой. Внезапная смена княжеской династии в Новгороде несет перемены и для его соседей. Изгнанная княжна возвращается домой, где ее тепло встречают, и кажется, будто все наконец пошло на лад. Однако враги не собираются отступать, они намерены разрушить ее хрупкое счастье. К тому же не все ладно и в княжестве, где назревает бунт против нового правителя. Древнерусская сага не оставит равнодушным читателя, привыкшего к эпическим жанрам литературы. Множество героев, городов и событий захватывает внимание и держит в напряжении на протяжении всего прочтения.

© Койдергем А., 2022

© Автор, 2022

Содержание

КНИГА 4	6
Глава 1. Да исчезнет твой след	6
Глава 2. Мститель	16
Глава 3. Дома	25
Глава 4. Мечи, копья, сулицы	45
Глава 5. Беглецы	55
Глава 6. Гости, гости	60
Глава 7. Пир и прочие неприятности	81
Глава 8. Утро	86
Глава 9. Долги	99
Глава 10. Коварные	108
Глава 11.хлопоты	119
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Атуна Койдергем

Горлинка Хольмгарда. Книга 2

Вдохновлено реальными событиями...

КНИГА 4

Глава 1. Да исчезнет твой след

Это был первый ясный день после продолжительных дождей, посетивших и без того страдающий от подтоплений Дорестагт. В сопровождении Торвара и Льёта Синеус гулял по воскресной ярмарке, с досадой подмечая, что рынок, кажется, от раза к разу становится все более скудным. Исчезают горластые лавочники и их развалы. Все меньше ремесленников приходит на торжище со своими изделиями. Даже охотники стали реже появляться с мехами и кожами. Что до дворов – они нищали буквально на глазах. У людей не было многочисленной скотины и птицы, как в былые времена. Раньше Дорестагт служил перевалочным пунктом для рейнских судов, вывозивших из глубин континента зерно и вина, которые отсюда поступали на рынки, расположенные по берегам Варяжского моря. Тут имелись гостиные дворы для купцов и доки для ремонта их кораблей, множество людей было занято в обслуживании участников торговли. Но теперь это место стало неинтересно и как порт: что это за порт, где и не причалить толком?! Когда-то давно Дорестагт был процветающим городом. За обладание им боролись между собой франки и фризы. А теперь не то что фризы и франки – даже покупателей на базаре становится все меньше – в основном приходят лишь менялы. Заборщиков с настоящими деньгами днем с огнем не сыщешь. А откуда им взяться? Ведь собственный монетный двор Дорестагта, где чеканили монету еще первые Каролинги, заглох, а поступления через торговлю до смешного скромны.

– Дорестагт свое отжил, – мрачно констатировал Синеус, обходя гигантскую лужу, расползшуюся на всю дорогу грязным мутным пятном.

– Как цветок вянет по осени, так и этому городишке с обмелением реки пришел неминуемый конец, – подытожил Льёт, крадущийся вслед за Синеусом мимо лужи.

– Этим можно будет утешиться, когда обиженный Эйрик придет сюда, чтоб утащить остатки добра! – пошутил Торвар.

– Ну уж, это вряд ли, – отозвался Льёт, который даже на смешное отвечал серьезно.

– Этому северному народу нельзя доверять, – загадочно и неясно изрек Синеус, оказавшись перед новой лужей, правда, не столь обширной. Кажется, можно даже наступить в нее и спокойно пройти дальше, тут совсем мелко.

– А что! Вдруг он обидится, когда узнает, что княжна Новгорода вернулась к мужу! – Торвар был мастером самых невероятных теорий. Но что хуже всего, его нелепые, на первый взгляд, прогнозы иногда сбывались.

– Из-за какой-то глупой бабы войско не теряют, – Льёт же напротив всегда мыслил трезво, избегая каких-то домыслов и предположений. Наверное, потому эти двое викингов и были всегда при Синеусе, что удачно дополняли друг друга.

– Эйрик ни о чем не узнает, – сказал свое слово Синеус. И тут же провалился в жижу по самую лодыжку. Неглубокая с виду лужица оказалась коварной. – Проклятье! – выругался Синеус себе под нос. – Он ведь думает, что на Диву и его людей напали по дороге в Хедебю.

– А вдруг он все-таки как-то прознает?! – не унимался Торвар.

– Если прознает, то нужно будет постараться разминуться с ним, – усмехнулся Льёт в шутку.

– О, отменные аксамиты! – Синеус остановился возле одного из торговцев, воодушевленно разглядывая пестрящий цветными материями прилавок. Коли тут нашлись греческие ткани, значит, все-таки торговля еще жива и даже процветает.

– Самые наилучшие! – похвалил лавочник, проведя пухлой ладонью по ворсистой ткани из шелка и пряденой золотой нити. – Забери последний лоскут, скидку дам!

– Почему последний?! – не понял Синеус. Неужто уже все раскупили?! Это неплохо. Совсем неплохо. Кажется, он зря переживал за торг.

– Да потому как сюда уже не возят таких. Это у меня из старых запасов еще схоронилось, – похвастался купец. – Забирай, недорого отдам.

– Тьфу ты, олень, – выругался Синеус и пошел дальше. Худшие опасения сбылись, мелеет не только река, но и рынок. Люди, может, и не покинут окрестности, но сытой жизни тут уже не будет. Тяжело быть правителем такого города. Тяжело и даже как-то унижительно.

– Смотри-ка, Трюгви бежит, – издали заметил Льет слугу Синеуса.

Со всех ног к викингам мчался худощавый парень: было видно, что он оббегал всю ярмарку прежде, чем нашел своего хозяина.

– Что такое?! – Синеус смотрел на запыхавшегося взволнованного слугу и уже наперед чувствовал неладное.

Залитое солнцем поместье пестрило восхитительными красками еще не отцветших растений. Дворовые девушки перебирали семена, попутно обсуждая вполголоса что-то между собой. Одна из работниц, рыжая болтуня, то и дело громко заговаривала, не взирая на опасливые взгляды подруг, напоминающие о том, что шуметь не следует. Расхаживающие по двору куры стучали клювами по земле, выбирая опавшие зерна, маленьких жучков и травку. Иногда они поднимали головы и крутили ими по сторонам, словно прислушиваясь к разговору, звучащему из-под навеса. Курам на смех, что называется.

– Повезло тебе: не всем такая удача выпадает! – возгласила рыжая, обращаясь к светловолосой бледненькой девушке, мечтательно поглядывающей время от времени в кружево облаков. – Скоро возвысишься... Может, даже станешь главной женщиной этого града!

– Говори тише, – цыкнула бледненькая девушка на громогласную подругу. – Услышит еще кто-нибудь...

– Так и пусть слышат, – усмехнулась третья девица, кудрявая и улыбчивая. – Это же правда! Родишь правителю сына и сделаешься враз его женой. Вместо Ефанды! О нас, уповаю, тогда не забудешь, Трюд?

– Не позабуду... – пропищала бледненькая девушка.

– Заберешь нас со дворов в горничные! – замечталась кудрявая.

– Еще чего! Пусть сделает нас своими наперсницами! – у рыжей быстро разыгрывались аппетиты. – Как у всех богатых положено: чтоб жена не одна сидела и не со слугами. А с подругами, которые в ее доме живут и помогают ей коротать досуг!

– И долго мы так сидеть с ней будем? Замуж пусть нас выдаст тогда, – придумала кудрявая.

– Это само собой. Приданое нам даст и замуж за каких-нибудь феодалов с землями и слугами. Но все по порядку! – сообразила рыжая.

– А вдруг я не стану его женой? Куда же он Ефанду денет? – раздался разумный глас худой и бледной Трюд.

– Станешь. Нашему правителю нужны наследники. А от принцессы толку нет: говорят, она пуста, как рыбий пузырь... – нагло заявила рыжая, усмехнувшись.

– Ага, а тебя сама Умила на руках носить станет, если внука ей родишь! – предрекла кудрявая. У слуг излюбленной темой для обсуждений были господа. – Будут у тебя собственные покои и платья из парчи. Станешь спать до обеда и есть мясо каждый день!

– А Ефанде они пинка отвесят под ее исхудалый зад, как давно уже следовало с ней поступить! – подытожила рыжая.

Трюд приснула смехом, довольная картинками будущего, написанными ее подругами. Но ничего ответить по существу не успела, так как в разговор вмешалась четвертая собеседница. Ее внезапное появление заставило трех подруг затихнуть.

– Ты о ком это чирикаешь, бессовестная? – обратилась пришедшая девушка к рыжей.

– Ни о ком... – смутилась рыжая, уткнувшись в мешок с семенами. Дело в том, что четвертой девушкой была Хильд, служанка Ефанды.

– Ни о ком?! – переспросила Хильд, покачав головой. Она на самом деле уже слышала все, что нужно. – То-то я и гляжу... Что ж... Хватит болтать! За работу! А ты... – Хильд остановила взгляд на бледнеющей героине сего дня. – Выходит, ты брюхатая...

– Хильд, тебе послышалось... – проблеяла Трюд, переглянувшись с подругами.

– Пойдем-ка со мной... – строго кивнула служанка Ефанды.

– Я не могу, дело у меня... Зерна выбираю... – испугалась Трюд, поглядывая на подруг. Рыжая обычно везде возмущалась, но сейчас сидела смирно. А кудрявая и вовсе уставилась на свои деревянные башмаки, будто глядеть больше не на что.

– Да ты что, спорить станешь? Живо! – прикрикнула Хильд, удаляясь.

И Трюд неохотно поплелась следом за ней, не имея никакого выбора. Ведь не послушать помощницу госпожи – это чревато.

– Хильд, ты куда меня ведешь? – промямлила Трюд, следуя за служанкой Ефанды.

– К госпоже тебя веду. Там и разберемся, что есть правда, а что мне лишь «послышалось»...

– Прошу, не говори ей ничего, смилуйся, – взмолилась Трюд, опасаясь наказания от суровой хозяйки, коей слыла Ефанда. Принцесса могла и ударить и под замок посадить.

– Будешь знать, как в иной раз языком чесать о супруге хозяина, – отругала Хильд.

Ефанда собиралась на прогулку. Любительница лошадей, она часто выезжала верхом и каталась по окрестностям. Ей нравилась быстрая езда, поэтому одежда принцессы для подобного досуга оказывалась простой и удобной. Вот и сейчас на кровати ее ожидал темный костюм: узкий верх и очень-очень широкий низ. Юбка была настолько просторной, чтобы закрыть целиком щиколотки наездницы от сластолюбивых взоров. Однажды давно, еще будучи неопытной наездницей, Ефанда попала в крайне неловкое положение, перекидывая ногу через седло. С тех пор она не стыдилась надевать почти мужские шаровары, однако скроенные по ее фигуре. Ефанда была равнодушна к украшениям, будь то драгоценности, одежда или убранство комнаты. Превыше красоты она ставила собственное удобство. Она бы никогда не надела неудобное платье, каким бы красивым то ни казалось.

Ефанда почти закончила одеваться, когда раздался стук в дверь. Оказалось, что это пришла Ума. Гостя выглядела дружелюбной, вопреки манере держаться свысока. Даже служанке она улыбнулась как-то ласково.

– Приветствую тебя, Ефанда, – поздоровалась Ума, приветливо улыбаясь. – Я пришла поздравить тебя с твоим праздником...

– С каким еще праздником? – без воодушевления уточнила принцесса, закрепляя поверх основного подола платья грубую распашную юбку.

– Синеус сказал, что нынче ты празднуешь день своего рождения, – Ума растянулась в широкой улыбке, такой же притворной, как и всегда. С Ефандой подругами они не были. И даже враждовали, недолюбливая друг друга.

– Ах, это... Верно. Благодарю, – безразлично глядя на гостью, Ефанда небрежным жестом предложила той присесть в кресло Синеуса.

– Я приготовила для тебя дар... – Ума протянула принцессе широкий золотой браслет с ярко красными яхонтами.

Ефанда вопросительно оглядела гостью, словно не желая принимать подарка. Возникла заминка. Тогда Ума взяла запястье принцессы и аккуратно приладила к нему украшение. Браслет, бесспорно, стоил бы дорого на любом рынке: количество золота и крупные драгоценные камни имели высокую цену. Однако вкус мастера не сумел придать этому изделию дополнительную стоимость. Выполненный очень грубо, этот браслет не был гармоничной или изящной вещью. Надевая такой, краше не станешь.

– Прими в знак моих теплых чувств...– выдавила из себя Ума, которая была рада, что нашла применение ценной вещи, которую не собиралась носить сама.

– Весьма любезно с твоей стороны...– Ефанда оглядела браслет без особого восторга: подарок от Умы был ей не нужен, особенно столь аляповатый.

– Я хотела пригласить тебя прогуляться по саду...– предложила Ума, пришедшая к жене Синеуса с определенной целью. – Погодка дивная...

– Я ухажу кататься на лошади...– ответ Ефанды предполагал отказ.

– А, понятно...– Ума испытывала к невестке неприязнь, но теперь уже понимала, что без ее участия в некоторых вопросах не обойтись. – Какой дивный вид из твоих покоев. И река видна...Кстати, ты знаешь, что вот-вот начнется уборка урожая?

– Мне-то что с того? – Ефанда не заботилась подобными вопросами.

– Матушка только об этом и тревожится...– Ума не знала, как ловчее подвести к интересующей ее теме. – Синеус говорил тебе, что хочет отправить вечером к Рарогу какую-нибудь девушку? Он считает, что наш племянник уже готов к тому, чтобы сделаться мужчиной...

– Конечно, говорил, – кивнула Ефанда, поглядывая на Уму с усмешкой. Ее забавляли неуклюжие попытки дочери Умилы подступиться к заветной теме. Ясно же, что Ума не просто так пришла сюда размышлять о племянниках да украшениях.

– Кто бы мог подумать, как быстро летит время...– размышляла Ума. – Скоро уже будем искать Рарогу невесту.

– Да, в этом вы мастера: Эйрику уже нашли невесту, – едко усмехнулась принцесса, глядя в окно, а не на собеседницу, смотреть на которую ей было неприятно.

– Вот как...Значит, ты знаешь об этой истории? – неподдельно удивилась Ума. Она не думала, что у Синеуса и Ефанды доверительные отношения.

– Конечно, знаю. У Синеуса нет от меня тайн, – заявила Ефанда. На самом же деле Синеус доверялся Ефанде только потому, что иногда по пьяни ему хотелось выговориться. А от принцессы можно было ничего не скрывать – она малоречива, подруг у нее нет, и к тому же она побоялась бы огласить его секреты. Частенько под вечер Синеус заваливался к ней с кувшином вина и своими бесконечными разглагольствованиями, которые она выслушивала молча, а после еще была вынуждена брезгливо принимать его омерзительные ласки. Ефанда привыкла к такому течению времени.

– Я рада, что мой брат, наконец, оценил сию жемчужину, как ты, по достоинству, – Ума старалась быть любезной. – Если бы Дива была такой же разумной, как ты...Матушка столько душевных страданий претерпела из-за нее, – памятуя о размолвке жен двух братьев, Ума решила воспользоваться этим обстоятельством. Наверняка, Ефанда захочет обсудить ненавистную ей особу. Подобные беседы иногда сближают.

– Что те «душевные страдания» твоей матушки в сравнении с той опасностью, которая грозит всем вам, послежде Рёрик узнает, как вы решили распорядиться его княжной...– злорадствовала Ефанда.

– Он не узнает, – уверила Ума, все еще будучи изумленной тому, что принцесса столь подробно осведомлена о том, что придумали Умила и Синеус. – Дива не осмелится на толико тяжкие обвинения. Она ему не расскажет, так как никто не подтвердит ее слов...

– Инда ты? Вы ведь добрые подруги, – напомнила Ефанда с издевкой.

– О нет, я просто старалась быть гостеприимной к жене Нега... – пояснила Ума, попутно раздумывая над тем, зачем брат разболтал все Ефанде. Такие вещи в большей безопасности, чем меньше людей о них извещены. Но есть и другая сторона вопроса. Если Ефанда и Синеус столь близки, как та утверждает, то он мог запросто насплетничать также и о чувствах Умы к принцу. – Любопытно... А как же Олег? – осторожно подошла Ума к волнующей теме.

– А что он? – уточнила принцесса, словно не зная о любовных томлениях гостыи.

– Даже Рарогу уже скоро подыщут невесту. А Олег... Он вернется к вам на родину, двинется в путешествия или останется при тебе? – кашлянула Ума для непринужденности.

– Он скоро уедет... – соврала Ефанда, переведя взгляд с зеленого луга на претворяющуюся равнодушной Уму.

– А как же тогда его невеста? – набравшись сил, выдавила из себя дочка Умилы, стараясь выглядеть как можно более безразличной, будто все эти вопросы – лишь случайность беседы.

– Невеста? – впервые бледные губы принцессы тронула улыбка. Ефанда умышленно бросила Синеусу эту выдуманную сплетню про неведомую невесту.

– Синеус сказал, что у Олега есть невеста, – Уме хотелось как-то выпытать из Ефанды сведения, но при этом, чтобы та не догадалась, к чему все эти разговоры.

– Там пока все не толико однозначно... – расплывчато ответила принцесса.

– Ежели Олег отбудет, то ты, вероятно, будешь огорчена. Я понимаю это, понеже сама всегда была под приглядом моих братьев. Расставания всегда так печальны...

На подстрекательскую речь княжны Ефанда никак не ответила: не опровергла и не подтвердила.

– Олег отменный воин и добрый друг... Мы все вместе с тобой огорчимся его отъезду... – мямлила Ума. Холодная принцесса смущала ее своим мерзлым взглядом. Смотрит так, словно все знает... А вдруг болван Синеус ей все рассказал?!

– И ты тоже огорчишься? – усмехнулась Ефанда. Эта мерзавка Ума пришла для того, чтоб выудить новости про Олега, так пусть жертвует своей гордостью, а не пытается хитрить с теми, кто умнее нее!

– А как же иначе, – ответила Ума осторожно.

Ефанда молча разглядывала порозовевшую от смущения дочку Умилы. Приятно видеть ту такой расклеенной. Какой позор для потомницы знатного рода! Разве у нее, вообще, может быть возлюбленный?! Она же не простолюдинка, чтоб выказывать какую-то заинтересованность в тех или иных мужах!

– После такого восхитительного подарка, который я получила от тебя сегодня, я сохраню твою тайну, – ответила Ефанда таинственно.

– Если б Олег женился на ком-то из нашей семьи, то, точно, остался бы вместе с тобой, – дочка Умилы в самом деле считала себя намного умнее окружающих. Разговаривая с Ефандой, она полагала, что та не видит ее уловок.

– Это верно... Но на ком? – ответила принцесса, глумливо изображая недоумение.

– Ну... Надо подумать, может быть, у нас есть какие-то родственницы... – вела Ума свою корявую мысль. Второй год она пыталась подобраться к сердцу принца, но безуспешно. Всегда подчеркнуто вежливый, часто даже игривый, он все-таки держал ее на постоянном удалении от себя и не позволял приблизиться к нему.

– Думаешь, он влюблен в тебя? – неожиданно спросила Ефанда, которой нравилось дразнить Уму.

– Не знаю даже... Я и не думала о таком... – изобразила удивление Ума. – Впрочем, может, тебе лучше спросить об этом у него самого...

– О, непременно... – заверила Ефанда все с той же издевательской усмешкой. В этот момент обе женщины вдруг увидели Олега и его помощника на дорожке, ведущей к конюшням. К ним подошел Синеус с Торваром и Льётом. Все вместе они что-то горячо обсуждали, не

замечая наблюдающих за ними женских глаз. – Мы как раз собирались двинуться на конную прогулку вместе с Олегом сегодня...

– Может быть, в честь праздника мне присоединиться к вам? – предложила Ума.

– А как же тогда я поговорю с Олегом о тебе? – заволновалась Ефанда все с той же ехидной улыбкой.

– Ты права, мне лучше остаться, – согласилась Ума.

– Ты иди к себе. Пусть Олег не знает, что мы с тобой о чем-то говорили, – ради смеха посоветовала Ефанда нарочито заботливо. Ей было постоянно скучно, у нее не имелось занятий и интересов, которые смогли бы развлечь ее. Ее сундуки были полны тканей, но шить она не умела. Ей подарили нити, но ткать она не хотела. Вышивать, прясть, стряпать – она отвергала все, что могло бы придать смысла ее бесконечному досугу. И от этого все ее неистраченные силы выливались в злые мысли. Она уже ничего так не желала, как видеть униженными и несчастными своих новых родственников, особенно Диву и Уму.

Принцесса проводила дочь Умилы до дверей насмешливым взглядом. Ума обернулась, словно почувствовав на себе недобрый взор. Однако Ефанда тут же с притворной улыбкой кивнула на прощание.

После сей занимательной встречи Ефанде не терпелось рассказать Олегу эту новую потеху – Ума уже не знает, с какой стороны подбираться к нему, раз пожаловала к ненавистной невестке!

– Госпожа, есть кое-какие новости... – вошедшая служанка подоспела к Ефанде и шепотом стала что-то торопливо рассказывать ей. Очевидно, рассказ был о трех подругах, перебирающих зерна во дворе в окружении кур и мух, поскольку улыбка стерлась с лица Ефанды, вновь придав ему вид бесстрастного каменного изваяния.

– Введи ее... – внешне Ефанда оставалась невозмутимой. Но служанка заметила, как принцесса стиснула зубы.

Хильд вышагнула из комнаты. А Ефанда уже не могла оставаться на своем месте: такое славное настроение было еще каких-то несколько мгновений назад! Похождения Синеуса, быть может, не ранят ее сердца, но, тем не менее, неприятны ей. И, уж точно, ей тут не нужны толпы сопливой малышни.

Верная Хильд вернулась в комнату. За ее спиной с ноги на ногу переминалась бледнеющая Трюд, теребящая хвостик своей косицы.

– Госпожа, вот та самая девка, – Хильд указала на напуганную работницу поместья.

– Ты беременна? – спросила Ефанда, с отвращением оглядев дрожащую Трюд.

– Госпожа, я ничего дурного не делала, клянусь... – отпиралась Трюд.

– Немедля отвечай, – Ефанда не менялась в лице, оставаясь нерушимо спокойной. Лишь взгляд выдавал ее негодование и досаду.

– Клянусь, нет... – уже было не так важно, что изрекает дрожащая Трюд: было очевидно, что она обманывает. – Я говорю правду!

Ефанда встала со своего места и подошла к смущенной Трюд, оглядела девку внимательно. Кажется, Синеусу такие не по душе: она мелкая, бледная и худосочная, как недокормленная коза. Вон кости торчат. Он изменяет даже собственному вкусу.

– Надеюсь, ты сказала правду... – Ефанда подошла к сундуку, раскрыла его и извлекала ларец. В свою очередь из ларя она достала небольшую шкатулку. Трюд не сводила испуганных глаз с белых рук принцессы, быстро орудующих. А последняя тем временем вынула из ларца небольшой пузырек. В узких пальцах принцессы он смотрелся зловеще.

– Госпожа, умоляю, не надо... – взмолилась Трюд, предположив, что ее собираются отравить. – Я не хотела никого оскорбить. Это все они... – Трюд хотела объяснить, что сплетничали

рыжая и кудрявая. – Я ни при чем... Я молчала... Мне нужно перебирать семена... Меня уже ждут на кухне...

– Выпей это, – Ефанда протянула Трюд подозрительный сосуд.

– Госпожа, заклинаю пощадить! – на глазах напуганной Трюд выступили слезы. Она отказывалась взять в руки предложенную жидкость. – Это яд? Я умру? Что со мной будет?..

– Если ты говоришь правду, и ребенка, истинно, у тебя нет, то ничего с тобой не сделается. Но если наврала – то это другое дело... – покачала головой Ефанда.

– Прошу... – шмыгала носом девушка, которая, конечно, обманывала. – Что это?

– Это спорынья. Ты не умрешь. Теперь пей, – подгоняла Хильд.

Трюд оглядела пузырек, потом Ефанду, а после ринулась к двери. Но Хильд преградила ей дорогу, не давая покинуть покои. В следующий же миг служанка Ефанды бросилась на Трюд, прижав ту к стене и придавив собственным весом. Перебирательница семян попыталась вырваться, но Хильд цепко удерживала ее некрепкие руки.

Ефанда подошла к дрожащей сопернице и поднесла пузырек к ее губам.

– Синеус все знает! Я не таила от него! – вдруг взвизгнула Трюд, отворачиваясь от Ефанды и ее снадобья. – Я все расскажу ему!

– Как ты смеешь грозить мне? – прервала Ефанда невозмутимо. – Благодарю, что я не приказала утопить тебя в куче с навозом за курятником. А теперь пей...

– Госпожа, не надо... – смелость покинула Трюд, и она снова омылась ручьями слез. Надежды стать в будущем влиятельной персоной рушились. И все же Трюд попыталась уклониться от распития зелья, уткнувшись губами в свое плечо.

– Держи ее крепче, Хильд, – приказала Ефанда служанке. А после с брезгливым выражением лица зажала нос соперницы своими белыми перстами. – Будешь знать, как путаться с чужими мужьями, – последние слова Ефанда обратила к своей юной сопернице.

– Чужая шуба не одежда, чужой муж – не надежда! – поддакнула Хильд своей хозяйке.

Перебирательница семян пыталась высвободиться, вертела головой, но в итоге была вынуждена распахнуть уста, чтоб не задохнуться. И тут же ей в горло залилась противная горьковатая жидкость. Трюд подавилась и начала кашлять. А когда Хильд отпустила ее руки, выбежала прочь из покоев принцессы.

– Матушка, я принял все меры, как только слуга доложил мне, – Синеус скорым шагом проследовал в покои Умилы. Княгиня-мать стояла у окна с горячей кружкой заваренного кипятком корня цикория и наблюдала за двором, на котором царил переполох. – Не могу поверить, неужели викинги идут на нас?! Это какая-то шутка?!

– Можешь не сомневаться, сын, – Умила развернулась и оглядела запыхавшегося Синеуса. Она получила тревожное донесение лишь недавно, но уже успела постигнуть его смысл.

– У них нет ни осадных орудий, ни сноровки осадить укрепленное поселение! Зачем им это нужно?! – возмутился Синеус.

– Затем, что это не просто какие-то викинги, а Эйрик, – напомнила Умила. – Видимо, он как-то узнал, что Дива не была убита в лесу разбойниками и, даже более того, вернулась в Новгород к мужу.

– Не могу поверить, что он готов напасть на нас из-за нее! – возмутился Синеус.

– Его отец и раньше грозил нашим землям, – не забывала Умила.

– Да что тут брать?! Мы не толико заманчивая добыча! Наши ремесленники и землеробы теперь одни из самых бедных в этой части суши!

– В том-то и дело, что наши ремесленники и землеробы... Их можно угнать в рабство, к примеру. Да и тут в поместье найдется, чем поживиться, – Умилу больше всего пугала именно эта сторона вопроса. – У нас много золотой и серебряной утвари, мехов, янтаря и драгоценных камней. Эйрик был в этом доме и знает, что мы не бедствуем.

– Поместье хорошо укреплено. Этим летом я приказал обновить палисад, заменив сгнившие бревна. Да и ров вокруг стены полон воды. Эйрик должен понимать, что так просто он не подступится к нам. Готов ли он к длительной осаде?!

– Он-то, может, и готов... А мы? – Умила смотрела в окно, вдаль на созревающие поля. – Время для штурма он выбрал идеальное... Урожай еще не убран, а старые запасы продовольствия уже на исходе. Долго ли мы продержимся без еды?

– В наших амбарах кое-что осталось, – отозвался Синеус без воодушевления. – Должно хватить на какое-то время.

– На какое-то время, может, и хватит. А что потом? – насладившись глотком своего излюбленного напитка, Умила устала на сына взгляд проницательных очей. Она умела получать удовольствие от жизни даже тогда, когда мир рушился на ее глазах. – Что бы ты сделал на его месте первым делом, если б планировал осаду?

– Ну я не знаю... – задумался Синеус, почесав затылок. – Наверное, поджог бы поля... Отобрал бы скот у жителей... Лишил бы осажденный город возможности восполнить запасы еды и воды...

– Будь уверен, он поступит так же. Тем паче наше поместье – это не какой-то укрепленный каменный замок. И оно падет быстро, коль скоро враг окажется упорен и не отступится сразу.

– И что же делать, матушка? – Синеус нередко обращался за советом к своей мудрой родительнице, мнение которой было непререкаемым для него. А самое главное – она всегда знала, как следует поступать.

– Сперва мы должны разумно распорядиться тем, что у нас наличествует... – рассудила Умила, поставив опустевшую чашку на подоконник. Раздумья окончены. Пришло время принятия решений. – Ты еще не оповестил людей о том, что движется враг?

– Пока не успел, сейчас сделаю, – Синеус уже хотел бежать на улицу, но был остановлен.

– Обожди, этого не нужно. Как ты сам сказал, у наших землеробов нечего брать. Даже если они не успеют спрятать то, что у них есть – это не столь уж мощное обеспечение сил Эйрика. А вот лишние рты нам здесь не нужны. Прознав, что скоро здесь будут дружины викингов, они могут устремиться сюда, чтобы укрыться. Нам такого не надобно.

– Скоро они узнают о нападении и все равно прибегут сюда, – предупредил Синеус.

– Пушай не трать силы понапрасну. Прикажи закрыть ворота. А страже разреши пускать только тех, кто сможет оказаться полезен для обороны нашей твердыни, – распорядилась Умила, сохраняющая поразительное хладнокровие. По натуре она могла быть чаще вспыльчивой и эмоциональной, но сегодня понимала, что сын ищет у нее поддержки. Нельзя ей терять присутствия духа. – Отсюда из поместья вышвырни всех, кто не умеет сражаться. Пусть возвращаются в деревни. И вот еще что... Мы не знаем, сколько продлится осада... Необходимо также пополнить запасы питьевой воды: наш колодец может не справиться с тем, что нам предстоит. Жаль, не успели убрать с полей просо... Оно хорошо хранится. Ну, тогда пусть солят мясо. Мы встретим Эйрика и его дружины достойным сопротивлением.

– Матушка, они не смогут штурмовать нас годами, это не в духе викингов, – предрек Синеус.

– Сын, ну откуда мы знаем, как получится? А вдруг они, допустим, будут действовать сообща с нашими врагами, у которых есть осадные орудия и терпение? Не нужно делать скоропалительных прогнозов. Следует готовиться к худшему.

– Ладно, пойду готовиться к худшему... – Синеус был уже в дверях.

– Сын, и еще кое-что... – остановила Умила Синеуса на пороге. – Тебе следует отвести несколько кораблей в сторону от берега, чтобы их было не видно врагу.

– Надеюсь, до этого не дойдет... – Синеус понял для чего сия предосторожность.

– Если до этого дойдет, то нужно уже сейчас позаботиться о том, чтобы наша семья могла покинуть осажденное поместье... – Умила всегда учила своих сыновей видеть не только победу, но и помнить о возможном поражении и быть готовым к нему. Тогда это уже не поражение, а превратности судьбы.

Синеус не стал возражать. Утвердительно кивнув матери, он скорым шагом двинулся на улицу, где всюду шли приготовления к обороне. Правитель очень торопился: было необходимо собрать дружину и посоветоваться, обдумав военную тактику. В первую очередь на высокие деревянные башни будет нужно расставить часовых, а также вооружить луками всех, кто умеет стрелять более или менее далеко.

– Есть дурные новости, господин... – уже на улице сообщил Синеусу слуга. – Ручей, кажется, отравлен. Вероятно, в него бросили трупы выше по течению.

– Понятно... – Синеус старался сохранять спокойствие. – Лъёт! – позвал Синеус своего верного сподвижника. – Повесьте на воротах щит – пусть враг видит, что мы готовы к любому штурму и не собираемся сдаваться.

– Увидев укрепленное поместье, они уйдут, – не сомневался Лъёт, который помогал готовить оборону. Не в духе викингов осаждать что-либо: их добыча должна быть легкой и доставаться быстро.

– Как бы там ни было, пускай видят, что им не удалось застать нас врасплох, – Синеус не стал спорить с очевидной истиной, хотя после слов Умилы уже и сам сомневался. – Пусть наши воины будут готовы занять барбакан по команде и с копьями и мечами в руках защищать ворота, как только появится враг... – Синеус с сожалением оглядел некрепкие деревянные башенки возле ворот – самого слабого места в его деревянной крепости.

– Синеус, я еле нашла тебя! – Трюд повисла на руке правителя в тот момент, когда подготовки шли полным ходом. – Меня отравили, наш ребенок... Ефанда отравила меня!

– Уйди, не до тебя! – гаркнул Синеус, который, и правда, был слишком занят. Да и вообще, он не относился к тем мужчинам, которые жаждут получить своих наследников.

Холодный ветер угрюмо завывал, словно пророчествуя беду. Тепло одетая Умила стояла на улице возле высокой трехэтажной башни, расположенной в самом центре поместья. Башня эта была деревянная, на первом этаже не имелось ни дверей, ни окон – чтобы враг не смог пробраться в этот последний форпост защитников Дорестада.

– Дщери мои, я созвала вас потому, что когда придет беда, вы должны будете знать, как поступать, – обратилась Умила к Ефанде и Уме. – Это бергфрид – главная цитадель нашего замка, скажем так. Наш собственный донжон, подобный крепости Карла Лысого, – Умила любила приукрасить положение вещей. – Внутри имеется колодец с водой, оружейная комната и амбар. Попасть внутрь башни можно через мост, который скрыт от глаз, но вы должны помнить, где он находится, – Умила указала в сторону сооружения, напоминающего деревянную горку, и умело замаскированную зарослями. Лесенка эта шла с земли и доходила до второго этажа, где, собственно, и располагался вход в башню. – Имейте в виду, если враг прорвется в поместье, то этот мост будет разрушен нами почти сразу. Посему вы должны успеть первыми забежать в укрытие. Вы возьмете с собой только самое необходимое, поскольку внутри этой нежилой башни очень тесно, и там будет много людей – оборонителей нашей крепости.

– Матушка, Синеус сказал, что викинги обычно не штурмуют фортов, – возразила Ума, поглаживая хоряка, трясущегося на ее руках. Предостережения Умилы казались ей излишними.

– Обычно не штурмуют. Но в этот раз может быть всякое, – ответила Умила мрачно. – Эйрик хорошо знает наши возможности, понеже гостил у нас. И он может постараться взять нас осадой.

– И зачем ему это? – недоумевала Ума. – Ему проще пограбить пригород и уйти.

– А что если его уязвленная гордыня потребует от него больше, нежели смерти обычных жителей? – Умила видела глубинные причины происходящего и по старой привычке во всем винила любовь.

– И как он это сделает? Перелетит через ров и стену на крыльях? – усмехнулась Ефанда, которую не волновало происходящее – она понимала, что не будет оборонять город, а как это сделают другие – ее не заботило.

– Возможно. Ведь ему помогают твои братья, – Умила перевела взгляд ледяных глаз на невестку. – Кажется, Харфагр и его дружина также движутся сюда. И это твое упущение, Ефанда. Союз с твоим родом должен был обеспечить нам мир, а не поддержку наших врагов, – упрекнула Умила.

– Я не понимаю, как такое возможно, – неподдельно изумилась растерявшаяся Ефанда.

– Я тоже не понимаю, как ты это допустила, – обвинила Умила. – Но теперь главное не это. А то, как вы будете спасаться в случае, если атаки врага увенчаются успехом. – К тому моменту, как враг возьмет барбакан и прорвется через ворота – вы должны будете уже сидеть внутри донжона, аки две тихие мыши. А пока что возвращайтесь в свои покои. Закройте окна, которые выходят на город, чтобы к вам ненароком не прилетела стрела. Приготовьте теплую одежду и наденьте на себя все украшения, какие у вас есть. Эта ночь будет трудной... – предредила Умила, глядя на тревожный багряный закат.

Глава 2. Мститель

Уже не первый день в Изборске моросил дождь холодный и промозглый. На улице было зябко, солнце не выглядывало даже по утрам. Долгожданное лето словно отвернулось от города, а за его спиной резвились ветра, со свистом пронизывающие до самых костей. В домах топили печи, чтобы прогнать сырость и неприятную грусть, подкрадывающуюся к понурым жителям, уставшим от непогоды.

Ненастье порой успокаивает и располагает к размышлениям. Вот и Вешняк сегодня был задумчив. Он почти не замечал собственной жены, которая сидела напротив него за столом и вышивала, что-то рассказывая ему. Иногда он отвечал ей, но чаще молчал. Она давно привыкла к тому, что ее супруг много времени посвящает делам родного города. Что и понятно. Ведь глава вече Барма не отличается особенным рвением. Он старается нравиться новому правлению, порой в ущерб интересов земляков. Была же год назад история с варягом Торваром, который убил на рынке продавца за то, что тот продал коня не ему. Кроме торговца пострадало еще несколько человек. А когда приспели за помощью к Барме, он всячески отлынивал от решительных действий. Тогда воззвали к Вешняку. И он не отказал. Пошел с народом за правдой к наместнику, коим в те дни был Годфред. На деле выходит, что главный среди бояр и пользующийся доверием не Барма, а Вешняк.

Глухой стук в дверь едва пробился через гул дождя и ветра, нарушив покой дремлющей горницы. В этом доме вообще всегда было тихо – ни детских криков, ни беготни, ни суеты.

– Кто же это? – озадаченная жена Вешняка отложила рукоделие, собираясь двинуться в сени. В такую погоду никто на улицу не выходит.

– Я сам, – остановил Вешняк супругу. На его высоком лбу прошла борозда, вызванная сосредоточенностью.

– Ты ждешь кого-то? – сдвинула брови женщина, наконец, догадавшись, отчего ее муж серьезнее обычного.

Вешняк не удостоил жену ответом. Вероятно, он просто не расслышал ее слов. А может, не хотел, чтобы за первым вопросом последовали другие. Ведь так часто бывает. И лучше иногда промолчать, чтобы позже не пришлось ничего объяснять.

На крыльце стояло двое мужчин, изрядно промокших под дождем. Благо, на них были широкие плащи, защищающие остальной костюм от сырости. Одного из них Вешняк знал – сосед и друг по имени Буян. Второй, одетый неприметно, был Вешняку незнаком. Обычно боярин не впускал в дом чужих, но Буян не приведет к этому порогу дурного человека.

Отряхнувшись в сенях от капель дождя, вечерние гости проследовали в избу. Вешняк запер дверь, предварительно оглядев улицу. Войдя в горницу, он также затворил и ставни, словно желая, чтобы никто не помешал этой встрече.

– Голодны? – перво-наперво спросил хозяин дома, а его жена застыла в ожидании ответа. В печи томился горшок с гороховой похлебкой, приготовленной старой служанкой. Горох давно разварился, мясо стало мягким, а коренья отдали свои ароматы – получился сытный и вкусный ужин.

– Нет, – Буян отрицательно мотнул головой. После чего указал на своего спутника, представив его Вешняку. – Это и есть Водим, про которого я рассказывал тебе. Прибыл сегодня...

– Рад знакомству, – тот, кого называли Водимом, снял капюшон со своей курчавой головы.

– Ступай и отдохни в клети, – повелел Вешняк жене.

Хоромы боярина были просторными. К теплой горнице примыкали разные пристройки. В клети располагались светлые летние спальни, в подклети – полные кладовые и комнаты для прислуги. В нарядно отделанной повалуше, увенчанной затейливым восьмискатным шатром, принимали гостей и обедали. В этом доме даже сени, отделявшие крыльцо от жилых поме-

щений, были значительных размеров – в них стояли бочки, сундуки и корзины с добром и припасами. Широкое крыльцо переходило в навесы, под которыми кучковались столы и лавки для посиделок на свежем воздухе. Облик жилища говорил о зажиточности хозяина. Кажется, такой человек должен быть доволен своей судьбиной, не испытывая в чем-то недостатка и не ощущая тревог.

Жена Вешняка устала на мужа вопросительный взгляд, исполненный протеста. Однако боярин даже не смотрел на нее.

– Снимите ватолы и повесьте у печи, так быстрее высохнут... – обратился хозяин дома к гостям.

– Я не уразумею... Вешняк, что ты опять вздумал? Ты же обещал... – вдруг неожиданно плаксиво затянула хозяйка дома.

– Я сказал, оставь нас, – уже более сердито повторил боярин.

– Я не хочу, чтобы... – начала женщина, недоверчиво оглядев пришельцев.

Боярин взял жену под локоть и молча повел ее в клеть. Он не любил, когда она прилюдно возражала ему. Но она поступала так всегда. И даже сейчас она продолжала говорить громко, хотя он меньше всего желал, чтобы его перепалка с женой оказалась на виду у чужих глаз. Ведь нет ничего более оскорбительного для делового мужчины, чем непослушание жены.

– Сиди тут и не вздумай выходить, – повторил Вешняк свое указание, проводив супругу в клеть.

– Этот дом не должен стать прибежищем для бродяг, – возразила жена.

– Бояна, если ты высунешь свой нос, то в следующий раз я буду принимать своих гостей в другом доме... – погрозил Вешняк сердито.

– Ты и так все свое время проводишь в «другом» доме, – упрекнула жена. – А сюда приходишь только тогда, когда тебе нужно собрать каких-то проходимцев!

Вешняк ничего не ответил. Потому что она права. Этот дом – его лицо. Здесь степенная жена, известная всему городу. Они вместе с юности. Невесте было двенадцать лет, а жениху пятнадцать, когда родители вздумали их поженить. Бояна происходила из знатной семьи, считалась завидной невестой с изрядным приданым. Правда, в то время она всегда была под замком, и никто не мог видеть ее, тем более жених. После сватов в семью невесты была отправлена смотрительница, в обязанности которой входило вместо жениха познакомиться с будущей женой: поговорить с ней, обнаружить в ней ум, исключить косноязычие и прочие недуги. Смотрительницу приняли со всей широтой, однако невесту звать не захотели: дескать, благородную дочь отдают в жены, а не кобылу на рынке продают. И все-таки смотрительница настояла хоть на мгновение увидаться с девушкой. И получила согласие. Заглянув в светлицу, она увидела прилежную девицу, сидящую на скамеечке и занятую рукоделием. Едва успели они перемолвиться, как встречу объявили оконченной. Но и нескольких слов хватило, чтобы сделать вывод: невеста воспитана, ее речь благоразумна. Жаль только, что лицо ее во время беседы прикрывал полог. И это есть риск. Была же история, как точно таким же образом сосватали кривую невесту жениху, на один глаз слепую.

При сговоре Бояны также не присутствовало: от ее имени выступали родители, а ее сестра вручила Вешняку подарок от лица его будущей жены. Строгие правила были обусловлены особым положением невестинной семьи, требующей соблюдения приличий. А юному Вешняку уж очень хотелось на невесту поглядеть. Много раз он искал с ней встречи, но не так-то просто было увидеть ту, которая всегда скрыта от глаз посторонних. Упрямый с детства, он никак не хотел заключать союза, не увидев лица своей будущей жены. Обычно желания невесты и жениха не волновали строгих родителей, но на сей раз Вешняк добился своего: ему было обещано, что он увидит свою невесту, когда ее провезут в повозке по дороге мимо окон его дома. Вешняк сидел у окна полдня, чтобы не пропустить долгожданной встречи. И наконец, вдали показалась повозка. Лошади бежали трусцой, оставляя Вешняку мало времени для того, чтобы

разглядеть суженую. Но, о чудо, возле дома жениха будто подул ветер, сбросив ненадолго с лица невесты таинственный полог. Вешняк был рад увидеть красивую девушку с голубыми глазами и румяными щечками. Определенно, внешне невеста была пригожа, и Вешняк больше не упрямился.

И все же не зря ее столь усердно скрывали: имелся у нее серьезный недуг – она хромала от рождения. И хромала сильно. Опечалился тогда молодой муж, почувствовав себя обманутым. В мыслях он уже похоронил свою дальнейшую семейную жизнь. Однако хоть и кривы сани, да едут прямо. Молодая жена оказалась добра, смышлена и терпелива. И однажды Вешняк обнаружил, что влюблен в свою супругу, обладающую множеством достоинств. Так они и прожили немало лет в согласии и любви. Вот только не обзавелись детьми: болезнь жены не позволяла ей выносить плод, поскольку искривление костей, видимо, присутствовало не только в хворой конечности. И как-то так сложилось, что со временем у Вешняка появилась вторая женщина, не менее ему необходимая, чем первая. У них теперь и дети совместные имеются, которых он любит. Не такая уж это редкая история. Ведь случается, что один человек не в силах дать другому все, что тому нужно. Кто-то может жить, довольствуясь имеющимся, но кому-то всегда нужно больше. Больше внимания, больше любви, больше красоты, больше хлопот.

Захлопнув за собой дверь, Вешняк оказался вновь вместе со своими гостями.

– Твоя жена беспокоится, как бы ты ни влез в какое-нибудь мутное дельце, – усмехнулся Буян, развешивая промокший плащ на протянутую от стены к стене пеньку у печи.

– Я не ввязываюсь ни во что недостойное... – ответил Вешняк.

– Однако то, что мы пришли обсудить, иначе, как заговором, не назовешь, – пожал плечами Буян, усаживаясь на лавку.

– Теперь спасение родного города граничит с преступлением? – задался вопросом строгий хозяин дома.

– Мы вынуждены встречаться по темноте, словно разбойники, – заметил Буян. – Но вернемся к главному. Это Водим, и он с нами, – Буян указал на своего молчаливого спутника. – И кстати, он уже немало потрудился для нашего общего дела.

– Буян рассказывал о тебе, Водим. Он восхищен твоей храбростью и предприимчивостью, – Вешняк протянул загадочному гостю ладонь в знак знакомства. – Рад, что наша встреча, наконец, состоялась.

– Я тоже рад, – Водим пожал руку боярина. Открытая длань – признак доброхотных намерений. Ладонь, в которой нет оружия, благожелательна. Что до руки Вешняка – она крепка и уважительна. Ему можно доверять. Он, кажется, не размазняет и не отступит в решающий момент. – Скажу без обиняков. Я, истинно, с вами и всеми теми, кто недоволен Рюриком. Но я не люблю пустых бесед. Ежели что не по мне, то я привык действовать.

– Наши ряды ширятся, – заметил Вешняк довольно. – Я всегда служил собственному народу, заботился о городе и не помышлял ни о чем ином. Но вот как повернулось.

– Я и сам не помышлял, доколе варяг не убил моего брата, – раскрыл Водим. – Вороги заполонили наши земли, привезли сюда семьи и живут здесь, как хозяева, забыв о наших следах. И я вздохнул спокойно лишь тогда, когда отомщу за Пересвета и всех тех, кто пал от их рук.

– У вас с Буяном много общего. Он также потерял родного брата по вине варяга... – Вешняк устроился на лавке и предложил гостям расположиться напротив себя.

– Не только у нас двоих много общего... – Водим уселся на скамью рядом с Буяном. – Ведь если недовольных было бы всего двое, то я бы не сумел собрать множество людей, готовых нас поддержать. Я знаю, что Буян пытался убить подлого чужака, но у него ничего не вышло. Ведь так, Буян? – Водим оглядел друга.

– Так. Пытался, – согласился Буян. – Но меня преследовали неудачи. Сперва я много дней выслеживал его. Все хотел подстеречь где-нибудь одного. Но он всегда с гридями. Они не оставляют его ни на миг. Тогда я вспомнил о том, как избавились от Годфреда, – на этих

словах Буян оглядел Вешняка. Кто именно злоумышлял против племянника Рёрика, было до сих пор неизвестно. Многие думали, что женщина, которая убила его, имела на то собственные причины. Но некоторые считали иначе – она лишь убийца, кем-то подосланная. – Но из задуманного мне не удалось ничего. Я не смог подобраться к нему.

– Случай еще, может, и представится, – кивнул Вешняк. – Но не так просто сокрушить этого злодея, даже подступившись к нему. Я не заблуждаюсь во мнении, что он обычный человек, которого можно одолеть с наскока. Этот лиходея слывет искусным воином. Я не предпринимал бы подобных попыток, почти обреченных. Наш замысел еще опаснее. Но в трудном деле нет легких путей.

– Не будем пускаться в бесцельные рассуждения, – предложил Водим, который избегал праздной болтовни. – Ясно, что он не какой-то чахлый паренек. К тому же он под охраной, и добраться до него непросто.

– Ты прав, – согласился Вешняк. – Водим, я долго ждал нашего знакомства. И теперича хочу знать, чего ты успел добиться за все это время. Поведай нам.

– Я побывал в Новгороде, у Белого озера, а также в землях далекой Фризии. Везде я встретил единомышленников, сплывающих против пришельца, – повествовал Водим. – И знаете почему?

– Почему? – одновременно задались вопросом Вешняк и Буян.

– Потому что он везде чужак. Пришедший из неоткуда, – ответил Водим. И правда, никто не мог утверждать доподлинно о происхождении князя Новгорода, окутанного пеленой тайны. – Он хочет найти себе дом. Но пусть не ищет его в наших землях.

– Буян сказал, у тебя есть замысел, равного которому никогда не звучало, – напомнил Вешняк. – В чем он заключается?

– Он заключается в том, что мы поднимем народ и свергнем Рюрика, – коротко ответил Водим.

Воцарилась тишина. На лице Вешняка проступило разочарование. Он ждал большего от прославленного Водима, о котором давно слышал от своего соседа.

– Это не все, – усмехнулся Водим, прочтя мысли хозяина в его глазах. – Одновременно с этим взбунтует и Изборск, где княжит его брат – Трувор. Убьем Трувора! – решительно обозначил Водим. – Пусть князь Рюрик почувствует то же, что пришлось однажды испытать мне... – взгляд Водима застыл на бревенчатой стене избы. И лишь когда в углу зажужжала муха, он вышел из задумчивости. – У Белого озера оставлен наместник – его мы также свергнем. Таким образом, варяг лишится всех своих владений и собственной жизни в одночасье.

– Речь идет о чем-то повсеместном, охватывающем все земли, подвластные Рюрику, – пояснил Буян, видя, что слова Водима остались непонятыми.

– Что ж, все вроде ясно, – отозвался Вешняк шутливо. – Как, собственно, ты себе все это воображаешь, Водим? Возможно ли повернуть все это да к тому же в «одночасье»?

– Есть определенные люди, которые готовы выступить со мной в означенный день, – ответил Водим.

– И что за люди? Сколько их? Кто они, вообще, такие? Есть ли среди них воины? – Вешняк недоверчиво заложил руку за руку. Отчего-то гость пока не внушал ему доверия, видясь поверхностным.

– Не стану перечислять тебе поименно каждого. Среди них горожане, купцы и даже волхвы...

– Волхвы? – удивился Вешняк. – Не могу представить себе, чтобы хитрые ведуны поддерживали нас...

– А тебе и не нужно. Придет день, и ты увидишь все сам, – пообещал Водим. Его речь была скупой, но выражала уверенность. И эта уверенность вне зависимости от желания окружающих постепенно передавалась и им.

– Купцы, горожане, воины – возможно. Но волхвы... Нет. Они всегда пасутся вдали от неприятностей. А наша задумка граничит с оными весьма тесно... – засомневался Вешняк.

– Сам я родом из Новгорода... – начал Водим. – Имеется там пара ревнителей, истовых и смелых. Ягила и Умён. Они знают, кто есмь князь Рюрик и как он оказался во главе семьи, зовущейся Новгородом. Кроме того, Ягила не простой какой-то служитель Велеса, коим кажется неопытному взгляду. Яркие одежды, упитанность и улыбка делают его с виду безобидным и забавным. Но на самом деле он все равно что отец всех верующих...

– Если память не изменяет мне, самый старший и умудренный из всех волхвов в Новгороде – Веда. И таким образом, твоего Ягилу с трудом можно назвать отцом всех верующих, – вывел Вешняк.

– Веда – трус и приспособленец, – отрубил Водим, желая прекратить обсуждения того, что казалось ему очевидным.

– И все-таки именно его нужно считать отцом всех верующих, – настаивал Вешняк. – Его рука сплетает разрозненные прутья в единый сноп. Жрецы всех богов покорны именно ему, а не твоему Ягиле...

– Отец должен защищать своих детей. А Веде не до нас. Пришли чужаки. Со своими жестокими богами, требующими кровавых подношений. А он встречает их радушно, дескать, каждый может верить в то, во что хочет! А меж тем ему бы следовало воспротивиться чужакам, принесшим свои верования.

– Я не согласен с тобой, – Вешняк не имел привычки молчать, даже когда все окружающие немотствуют, как теперь Буян. Последний сидел, сцепив руки в замок, и слушал рассуждения своих товарищей, таких непохожих. – По мне, так Веда поступил мудро, проявив терпимость к пришлым. Было бы хуже, если бы варяги не только ворвались в нашу жизнь, но и в нашу веру, заставив принять их богов.

– А почему ты так уверен в том, что этого не произойдет позже? – Водим был на грани своего обычного взбудораженного состояния, жаждущего свершений. – Ведь, что хуже всего, сам Рюрик и вовсе безбожник, как говорят!

– «Как говорят»... Языками все горады чесать. А я вот слышал, что он христианин, – Вешняк пока не видел связи между верованиями князя и опасностью в этом для славян.

– Тем хуже. А буде однажды ему взбредет в голову призвать на наши земли крестопоклонников?! – Водим уже начинал горячиться, видя непонятливость Вешняка. – Он сам принял стороннюю веру, порожденную на чужой земле, и может возжелать заставить и нас почитать ее! Неужели мы отринем богов наших предков?! Нельзя допустить такого! Именно поэтому Ягила и поддерживает наш благой замысел! Во главе нашего княжества должен быть наш брат, который чтит наших богов, а не поклоняется распятию!

– Ужели Рюрик христианин?! – вмешался Буян, немотствующий доселе. – Я слышал, его дружины гоняли христиан... Мне говорили, он славянин. По крайней мере, его отец был славянским князем... Что-то здесь нечисто, как всегда.

– Если и не христианин, то какая разница?! – Водим не понимал, к чему эти рассуждения. – Не крест, так лютые северные боги захватят нас однажды! И Ягила понимает это. Он не глух к нашим мольбам! В отличие от жадного Веды.

– А я слышал, что за варяга сражаются бойцы разной веры, – припоминал Вешняк. – А он, как глава, объединяет их всех каким-то образом, может, под волей какого-то общего бога для всех воинов... В таком случае он должен оказаться самым веротерпимым владыкой, какого можно вообразить.

– На своей ладье он мог делать всякое, – Водим вперил в Вешняка суровый взгляд. – Но мы не позволим исказить саму суть веры ради оравы недружных громил.

– То, что говорят, может быть кривдой. Справедливости ради, скажи: построил ли он за эти два года хоть один христианский храм? Или храм северным богам? – уточнил Вешняк. – Я слышал лишь о храме Перуну.

– Еще похвалил его, – огрызнулся Водим, которому не нравилось то, что происходит в этой избе. О Вешняке ему было рассказано как о человеке, готовом поддержать восстание, но вместо этого боярин постоянно спорит и сомневается. Наверное, он лишь от скуки выразил готовность поучаствовать в замысле. Ведь у него все есть, что нужно для счастья, судя по его богатому дому. – Очнись. Он затаился лишь на то время, пока власть его не окрепнет. Придет час, и злодей еще покажет свое истинное лицо.

– У меня создалось впечатление, что он вообще безбожный нечестивец, коли построил ради любви к себе народа храм чуждому ему Перуну, – заключил Вешняк.

– Наконец, ты понял. Он сделал это ради выгоды. Но истинные стремления его еще проявятся! – предрек Водим.

– Возможно, ты прав. Кто знает...

– Мне довелось говорить с одним странствующим монахом, – вдруг вспомнил Буян, вмешавшись в затухающий спор. – Он рассказал мне, что греки и иудеи...

– Ты сдираешь лишь корочки, а я всегда вгрызаюсь в самую суть, – отрезал Водим, перебив говоруна. – Нам не важны чужие верования. И знать мы о них не хотим. Мы желаем служить тем богам, которые защищают нас на нашей земле.

– Мы отклонились от главного – Ягила и Умёна, – напомнил Вешняк. – Ты сказал, они согласились поддержать нас. После твоих доводов я вижу, что некоторые основания для опасений у них имеются... – Вешняк, и правда, уже по-иному взглянул на положение и был вынужден признать, что гость может оказаться прав. – Но в чем будет состоять их помощь?

– Перво-наперво, они помогут поднять людей. Тех, кому небезразлична судьба веры и собственных потомков. А во-вторых, они отразят в своих письменах истинную историю. Книга Велеса – ценный труд последних летий, освещающий происходящее. Ягила и Умён позаботятся о том, чтоб события эти были правдивы. Напишут, что Рюрик – не русич и не родственник Гостомысла, как велено было сообщить по всем соседям и в народе! – возмутился Водим. – Он варяг!

– А что значит «варяг»? – задался вопросом вдруг Вешняк. – Среди них встречается много разных людей, у каждого своя вера. Их объединяют не боги. А образ жизни. Они скитаются по свету в поисках наживы и приключений.

– За этими рассуждениями ты забываешь о сути. Он чужой. А мы не зовем чужаков! И принуждать нас к этому не позволим! – с жаром заключил Водим.

– И каким ты зришь ход вещей? – Вешняк хотел наконец услышать из первых уст детали плана, о котором ему вкратце рассказывал восхищенный сосед. – Я имею в виду, как мы поступим в тот заветный день, когда возжелаем свергнуть чужака?

– Достань карту, – воодушевился Буян, обращаясь к хозяину дома.

Вешняк потянулся к полке, повисшей над лавкой и уставленной плетенками разных размеров. И вскоре на столе растянулось полотно. На нем были нанесены извилистые полосы рек; домики, обозначающие города; елочки, символизирующие бескрайние леса.

– Вот здесь Изборск... – Вешняк указал на избушки, затем его перст скользнул правее, – а тут Новгород. Севернее располагается Белое озеро... Расскажи, что ты придумал, Водим? Какая-то особая хитрость?

– Мы окружим детинец. Дойдем до княжеских теремов. И сокрушим злодея, – даже не глядя на карту, ответил Водим. Водворилась снова пауза. Лишь Буян постукивал кончиками пальцев по столу, нарушая тишину.

– Вопросов больше чем ответов, – усмехнулся Вешняк. Он ожидал более развернутого ответа.

– Так задай их. Я не вития, а воин. И лишнего не скажу, – сурово ответил Водим.

– Окружение хором – дело непростое, – терпеливо пояснил Вешняк. – Там стража. Они отобьются столь же легко, что и осажденный город отражает штурм неумелого врага, карабкающегося на неприступные стены.

– Посему мы выберем *особый* день, когда охраны не будет в детинце. И нападём на рассвете, когда и брежатый задремлет на посту... – объяснил Водим. – А далее сокрушим всех княжеских приверженцев.

– Допустим, так и будет. Но как ты определишь, кто есть истовый княжеский приверженец, а кто лишь исполнительный слуга? Не предлагаешь же ты отправить к праотцам всех, кто нам повстречается, – недоумевал Вешняк.

– Наша цель – дойти до терема варяжьего. Сметем каждого, кто встанет на нашем пути, любого, кто покажется нам княжеским прихвостнем! – коротко пояснил Водим.

– Так не пойдет. Мы не можем полагаться только на свои ощущения, – рассудил разумный Вешняк. – Могут пострадать невинные.

– Мы сокрушим всех варягов: относительно них у тебя сомнений нет, я уповаю? Что касается остальных, то их имена можно обговорить заранее, если тебя волнуют их судьбы.

– Ты и на своих соотечественников готов поднять руку? – уточнил Вешняк. Он и сам пока не знал, как правильно поступить. И хотел услышать мнение этого человека, о котором был наслышан.

– Вот о чем я думаю... – начал Водим, прищурившись. – Множество моих земляков пришло к Рюрику в дружину наниматься. Князь ведь хорошо платит, балует подарками и своей милостью... Все знают, как он любит своих гридей. Их и закон обходит стороной. Им и почет. При скупом Гостомысле такого раздолья не было. Как не было и разбоя средь бела дня. И гриди не косили направо и налево всех, кто им не нравится. Удача, что Рюрик иной! Надо поспешить скорее на службу! – картинно провозгласил Водим. – Скажи, Вешняк, разве эти люди могут назваться нашими братьями после всего?

– Могут. Многие из них не ведают, что делают, – выразил уверенность Вешняк. – Я понимаю твой гнев. Но все мы лишь простые смертные. У нас есть семьи, о которых нам должно заботиться. Я и сам был вынужден состоять сначала при Годфреде, а теперь при Труворе. Мы все занимаемся тем, что умеем. И порой без выбора. Что велено, то и выполняем. Инда я не мог бросить вече и сделаться кузнецом или скорняком, лишь бы токмо не договариваться с чужеземцем. Посему, я полагаю, нам следует избегать неоправданной кровожадности.

– Неповинных мы не тронем. Только тех, кто встанет на защиту Рюрика, Трувора и наместника Белоозера... – подтвердил Водим.

– Знаешь, на их защиту могут встать и обычные люди, не только дружины, – заметил Вешняк. – В народе Рюрик слывет защитником, спасшим Новгород от захватчиков. А здесь в Изборске принято думать, что мы сами же его и пригласили на княжение. И всего несколько бояр знают, как совершалось «призвание» князя. Так что не будь строг к его помощникам, которые в большинстве своем заблуждаются...

– При Рюрике есть новгородцы, которые служат истовее тех, кто пришел с ним вместе два года назад, – сердито заметил Водим. – И мы должны избавить нашу землю не только от врага, но и от всех предателей.

– Не знаю, что сказать... Конечно, мы не пощадим тех, кто с ним и встанет на его защиту... – сдался Вешняк. – Однако собранных тобою людей, боюсь, может оказаться недостаточно. Как ты сам заметил, княжеские хоромы охраняются с тщанием. И не мирными землепашцами и ремесленниками. А свирепыми варварами... Наше начинание обречено на провал, если мы ограничимся только кучкой недовольных, – подчеркнул Вешняк. – Нужен взбунтовавшийся народ. Сотни людей. Которых будет не так-то просто усмирить горстке гридей.

– Я уже все обдумал, нам хватит сил, – заявил Водим.

– Нечего тут думать. С нами должен быть народ, иначе делу конец, – сурово заметил Вешняк.

– Народ будет с нами! – повысил голос Водим.

– Не будет, – возразил вечно-спокойный Вешняк просто. – Люд доволен Рюриком. Тот сделал все возможное, дабы простые смерды восхищались своим князем. По любому поводу закатывает празднества... Пишет для них законы. Строит храмы... Готов откликнуться на любой зов своих подданных. Вот, к примеру, водился тут у нас один разбойник. Емельяном звали. Это был не просто разбойник, а почти второй владыка. По крайней мере, боялись его не меньше. Всех угнетал. Люди уснуть спокойно не могли. Изяслав много лет бездействовал, а может, его сие устраивало... Так Рюрик поймал и убил того разбойника... Народ любит нового князя... А те несчастные, что потерпели от его нерадивых гридей... Кто они вообще такие эти пострадавшие? Сколько их?

– Ты заблуждаешься, – заявил Водим. – И я тебе это докажу. Любовь народа непостоянна, как любовь девицы. И память также коротка. Они вмиг забудут о его благих поступках, как только он ошибется. А хоть раз промахивается каждый. Наша задача заметить искру и раздуть из нее пожар! – возгласил Водим.

– Мы можем ждать эту искру еще десять лет, – заметил Вешняк.

– Искры уже летят от его яркого костра... Вот токмо раздуть их было некому. Но, исполать богам, есть мы с тобой и те люди, что я собрал за эти два года... – заключил Водим.

– Я буду признателен, если ты пояснишь более понятно, что нам нужно раздуть, – усмехнулся Вешняк. Гость казался ему восторженным и самоуверенным не в меру.

– Отвечу. Ты слышал, что приближенные варяга – Оскольд и Дир – отправились в поход?

– И не одни отправились. Вместе с ними ушли, между прочим, и наши земляки, – заметил Буян.

– Сие говорит о том, что Рюриком не все довольны, – приоткрыл Водим завесу истины.

– Либо они просто решили поддержать замысел своего любимого князя, – Вешняк любое утверждение привык подвергать сомнению.

– Нет, они недовольны им. Ушли многие из его бывших сторонников, – возразил Водим. – А тебе известно, что походу не хватило снабжения? Сбранного оказалось недостаточно...

– Мне такие тонкости неведомы. Отколь ты, вообще, это взял? – покосился Вешняк на Водима.

– У меня есть свой человек в гриднице. Боярин, верный нашему делу, – пояснил Водим.

– Ужели? – удивился Вешняк. Водим доселе казался ему горячей головой и бездумным смельчаком, но не тонким политиком.

– Я тебе и более скажу. Оскольд с Диром ушли, но они не хотят, чтобы тут был мир... И они на все готовы, дабы отвлечь внимание Рюрика от самих себя.

– То есть они помогут нам?

– Да, – подтвердил Водим.

– Мне даже жаль князя Рюрика. Оскольд и Дир платят ему отнюдь не добром за его поддержку их похода... – выразил суждение Вешняк. – Знаешь, я бы не хотел иметь дела с этими предателями. Они предали его, могут предать и нас.

– Они предали его, потому что им это было выгодно. Нас они не предадут. И помогут поднять народ. С их помощью наше восстание окажется успешным. А мы подстегнем бунт. Такой, чтоб охватил все земли! – глаза Водима вспыхнули.

– И как же мы это сделаем? – недоумевал Вешняк. Он глядел на Водима все еще недоверчиво.

– Обратим взоры на карту... Деревенька под названием Братигово...

Водим обстоятельно познакомил Вешняка с планом, который придумал. Буян уточнял речь своего покровительствуемого, когда тот в пылу обсуждений забывал о чем-то. В конце

беседы Вешняк был вынужден признать, что Водим вспыльчив и нетерпелив, но отнюдь не глуп и продумал замысел основательно.

– Я не понимаю одного, – задумался Вешняк после обсуждений. – Рюрик княжит в Новгороде. Почему ты не хочешь ограничиться своим городом? Для чего лично тебе Изборск и Белоозеро? Не пойми превратно. Я разделяю твой справедливый гнев. Иначе ты бы сейчас не был в моем доме. Но я не постигаю, к чему тебе этот размах.

– Если мы ограничимся Новгородом, то через несколько дней там уже будет Трувор с подкреплением. Я бы мог предпринять попытку прикончить одного только Рюрика. Но я избрал другой путь... Мы убьем всех варягов.

– Допустим, наше начинание увенчается успехом... – задумался Вешняк. – Что будет после? Мы свергнем Рюрика, Трувора, наместника у Белого озера... Кто займет их места?

– У Новгорода есть Есений – потомок Гостомысла и истинный князь. Я уже веду его поиски. Что до Изборска, то, наверняка, у Изяслава также имеются родственники мужского пола, достойные возглавить сей уважаемый град... – выразил надежду Водим.

– По линии супруги Изяслава до сих пор имеются, – подтвердил Вешняк. Лишь в мечтах князем мог сделаться каждый: в действительности, по закону, это место мог занять только потомок благородной династии. Никто из бояр даже самых зажиточных и влиятельных не смел бы предложить себя самого на этот пост.

Когда гости ушли, Вешняк еще некоторое время пребывал в задумчивости. Водим говорил с выражением. Его глаза сверкали, а речь, словно бушующий океан, захватывала. Он бесстрашный и непреклонный. Наверное, таким и должен быть вдохновитель восстания.

– Мне не понравился этот человек, – голос жены ворвался в думы Вешняка, развеяв их.

– Он необычен, но не плох, – Вешняк только сейчас прислушался к своим ощущениям, возникшим после встречи с Водимом. Должно быть, нечто подобное испытывает путник, оказавшийся на развилке с тремя камнями, невнятные надписи на которых не сулят ему ничего доброго. Путник топчется возле указателей, но не знает, какой выбрать. И тут вдруг появляется некто, уверенно указующий дорогу. И путник перестает колебаться. Он доверяет выбору попутчика и следует за тем не потому, что тот уже бывал на этой развилке, а потому что тот ступает без сомнений.

Глава 3. Дома

– Дитя мое, тебе предстоит отправиться в Хедебю, – вкрадчиво прозвучал голос Умилы в тишине мрачных покоев. За окном сияло солнце, ставни были распахнуты, однако в помещении оставалось сумрачно. В луче света, ударяющем об пол, хаотично плясали пылинки. – Люди Эйрика уже здесь, они прибыли за тобой сюда.

– Как это?.. – растерялась ошеломленная Дива, с изумлением глядя на свекровь. – Разве эти даны здесь, в Новгороде?! Да как такое возможно?!

– К сожалению, это так, – подтвердила Умила. – Ты же видишь, мы с Синеусом были вынуждены перебраться сюда, потому как Дорестагт отзде небезопасен. И во многом – благодаря тебе, – упрекнула Умила, вальяжно расположившись на массивном дубовом троне, напоминающем медведя, распахнувшего объятия. Это был трон Гостомысла. – Обаче тебе выпал новый шанс все исправить. Ты отправишься в Хедебю, уймешь Эйрика, и Дорестагт останется под нашей пятой. Да и Новгород окажется в большей безопасности...

– Нет, так не может быть... Нег не отпустит меня! – возразила Дива уверенно. После ее возвращения в Новгород между ней и Рёриком все наладилось. Они оба изменились за тот год, что не виделись друг с другом. От былых разногласий не осталось и следа. Они ушли, освободив место столь сильной привязанности, которая изматывала, кажется, не меньше вражды. Бессонные ночи страстных объятий обеспечивали сонливость по утрам и усталость после полудня. Дива и Рёрик много дней провели наедине друг с другом, почти не выходя из покоев. А разлучаясь даже ненадолго, уже взаимно скучали. Такие чувства иногда могут отвлекать слишком. – Нег ни за что не согласится!

– Ну, разумеется, он не согласится, – подтвердила Умила, откинув голову на спинку высокого трона. Распахнутая пасть хищника с угрожающими клыками разверзлась за спиной княгини-матери, указывая на то, что человек, сидящий на этом месте, есмь могучий властедержец, оберегаемый хозяином леса. – Именно поэтому я говорю с тобой, а не с ним... – раскрыла Умила, вздохнув с сожалением. – Ты благоразумна и мудра. Мужчины же готовы рисковать своей жизнью по пустякам, в том числе они бьются за женщин, которых порой почти не знают. Однако ни одна женщина, какой бы прекрасной она ни была, не стоит того, чтобы ради нее умер чей-то сын, – наставительно заметила Умила. – Или ты не согласна с этим утверждением?

– Вестимо, я согласна. Однако... – Дива не успела договорить: в планы ее собеседницы не вписывалось выслушивание речей подчиненной стороны.

– Однако сегодня именно ты можешь стать той костью, ради которой псы разгрызут друг другу глотки. Эйрик может убить Нега, Нег – Эйрика. Но этим ведь раздор не ограничится. Тебе следует осознавать, что вслед за ними сцепятся и их люди. Как бы там ни было, пострадает множество воинов, множество сыновей не вернуться к своим родителям. И виной тому будешь ты. Этого ты жаждешь?

– Нет, но я... – растерялась Дива, которой не пришлось в голову оценить положение с подобной стороны, то есть со стороны матери. – Я же ничего не сделала. Я лишь вернулась домой к мужу. Разве он не должен защищать меня и оберегать наш союз?!

– Должен. И будет. И может статься так, что из-за сего долга произойдут те беды, на которые я тебе указала, – напомнила Умила, с чего начался разговор.

– Да, но... – Дива запуталась вконец: свекровь во многом права, однако правильно ли, чтоб под подобным предлогом кто-то забрал жену у мужа? – Инда если бы я пошла на подобный шаг, то Нег не отпустил бы меня.

– Сегодня утром он отправился на охоту, пока ты еще почивала, – рука Умилы поглаживала лапу медведя – подлокотник, выделанный в форме звериной конечности – словно задаб-

ривая грозного покровителя. – Ты можешь быстро собраться и отбыть. Незаметно и тихо. Так будет лучше для всех.

– Но я не могу... – прошептала обескураженная Дива. Ее глаза машинально следили за десницей свекрови, все еще потирающей лапу хозяина леса. Кажется, Гостомысл поступал так же. Точно так же. Толкал Диву туда, где она не хотела быть. Возможно, из лучших побуждений.

– Можешь. И должна, – утвердила Умила.

Растерянная Дива не знала, что отвечать, будучи застигнутой врасплох не только скверными новостями, но и доводами Умилы, столь неожиданно убедительными. И все же Дива оказалась не готова дать положительный ответ на безумное в своей гениальности предложение свекрови.

– Зрю, ты отказываешься внять моим словам. Это лишний раз доказывает, что тебе здесь не место, – Умила неожиданно подняла руки и хлопнула в ладоши. И тут же за дверью послышался топот шагов. Такой громкий, что казалось, будто там не несколько человек лишь, а целая армия. Ладони Умилы, словно бронзовые, тяжело опустились на подлокотники трона Гостомысла. И в этот же миг растворились высокие двери, ворвалась стража. – Передайте ее нашим гостям на дальнейшее попечение. И шибче...

– Матушка, как же так?! – закричала Дива в ужасе. Почему ей нигде нет покоя! Даже в собственном доме, в доме своего отца, она не чувствует себя в безопасности!

– Таково мое решение, – постановила Умила сурово.

– А как же моя дочь?! Я не могу оставить ее! – Дива теперь думала не о каких-то выгодах для себя самой, а только о своем маленьком ребенке. Тем временем послушная слову княгини-матери стража уже подхватила Диву под руки, собираясь исполнить приказ.

Умила ничего не отвечала. Обычно словоохотливая, сейчас она хранила молчание. Ее неумолимый взгляд отвергал всякие надежды, какие только могла питать Дива.

– Я княгиня этого города! Меня нельзя трогать! – понимая, что Умила останется непреклонна, Дива силилась воздействовать хотя бы на тех, кто по положению ниже нее самой. – Князь вернется и накажет всех вас, если вы осмелитесь коснуться меня! – грозила Дива. Но ее речи не возымели действия: стража уже грубо волокла ее на улицу. Спотыкаясь и запинаясь, Дива в ужасе узнала повозку, подобную той, в которой ее должны были доставить из Дорестадта в Хедебю. – Отпустите меня! Не трогайте! Нельзя! Отпустите!..

Дива пыталась отбиться от стражи, один раз ей даже удалось вырваться. Однако ее ноги отказывались мчаться быстро, она бежала не стремительнее улитки, уползающей с мокрой дороги, политой дождем. Дива была уверена, что на дворище есть кто-то, смеющийся послушаться приказа княгини-матери – нужно лишь кричать громче, чтобы ее крик о помощи услышали. Но из горла, сдавленного опасениями, вырвался лишь хрип.

– Нет, не трогайте меня, отпустите... – в отчаянии шептала Дива, не представляя себе, как ей спастись от этой внезапной беды. Ее судьбу всегда решает кто-то, но не она сама. И это есть источник бед.

Вокруг стоял шум, буквально оглушающий Диву. Перед глазами темнело. В ушах звенело. Знакомые терема будто превратились в зловредных гигантов, окруживших ее темной стеной, грозящей обрушиться ей на голову. Еще немного и она, наверное, умрет от всего этого кошмара, который захватил ее в свои сети.

– Ну ну, это сон, – негромкий голос Рёрика ворвался в сновидение Дивы. Темная стена рухнула, жестокие стражи рассеялись, будто пылинки.

Дива открыла глаза, едва узнав свою опочивальню. Ее ум все еще продолжал бороться где-то там во дворах с приспешниками Умилы.

– Нег, ты здесь... – с облегчением прошептала Дива, убрав с лица волосы. Она никак не могла прийти в себя после ужасного видения, нахлынувшего на нее тяжестью своей реаль-

ности. Сколько еще ее будут мучить кошмары, сколько еще ужасов предстоит испытать ей в непредсказуемом мире ночных грез, где она не властна над собой.

– Я здесь, – сонный Рёрик обнял Диву. Еще мгновение назад он спал крепко, но ее вскрик разбудил его, и теперь он уже окончательно проснулся.

В распахнутую ставенку заглянул любопытный месяц, словно спрашивающий, что столь страшного приснилось самой княгине Новгорода, сумевшего напугать ее.

Дива встала с постели и подошла к окну. Обвела взбудораженным взором спящий двор, будто разыскивая доказательства того, что ей все приснилось. Няня учила, что если привидится дурной сон, нужно сразу после пробуждения выглянуть в окно, тогда он не сбудется. Вероятно, это правда. Ведь разве может исполниться такое, чтобы Умила оказалась на троне Гостомысла?!

– Нег, я хотела спросить... – облокотившись на подоконник, Дива смотрела на тот самый двор, где во сне у нее шла битва со стражей Умилы. Теперь эта полянка была безмятежна и пустынна. – Если бы на нас напал какой-то очень сильный враг, которого инда ты не можешь одолеть... – осторожно начала Дива. Несмотря на то, что они сделали с Рёриком очень близки, она так и не рассказала ему о своих злоключениях, произошедших с ней в Дорестаде. И в первую очередь ее останавливали угрозы Синеуса, которыми тот сопровождал ее в путь. – И, допустим, этот опасный и опытный враг согласился бы отступить токмо при условии, что ты отдаешь ему меня. Ты бы согласился?

– Ну и ну, нет, конечно. По крайней мере, не в ближайшие дни, – пошутил Рёрик, потянувшись к канопке с водой, стоящей на сундуке рядом.

– А если бы он пригрозил, что подожжет твои земли и убьет жителей? – Дива решила, что он не понимает серьезности вопроса, коли умудряется шутить.

– Ну, тогда ему довелось бы волноваться за свои земли и своих жителей, – усмехнулся Рёрик, сделав несколько глотков водицы, в которой плавал какой-то одинокий лист, приятно освежающий напиток.

– Ты бы так ему и ответил? – переспросила Дива, вернувшись обратно в постель.

– Ага, – подтвердил Рёрик, уложив ладони под голову и устремив взгляд в темнеющий свод над головой. – Но если этот воитель был бы столь опытен, то он и сам знал бы мой ответ наперед.

– И правда, – обрадовалась Дива, уложив голову на грудь Рёрика. Она теперь уже удивлялась тому, как легко напугать ее одними только словами, сказанными во сне приснившимся героем, пусть и похожим на реального. – А есть какие-то новости из Дорестада? – неожиданно спросила Дива, опасаясь того, что ее сон может оказаться вещим хотя бы частично. Вдруг Умила с Синеусом заявятся сюда в скором времени!

– Тебе лучше знать, ты же только оттуда, – Рёрику не казались подозрительными ее вопросы.

– После этого ужасного сна я не смогу уснуть, – Дива не стала раскрывать сюжета своего ночного видения.

– Боюсь, я тоже теперь не усну так просто. Но знаю одно средство, которое, скорее всего, может нам помочь... – признался Рёрик, подтянув к себе Диву. Они много времени проводили вместе, почти не расставаясь со дня ее возвращения домой. И все же пока не наступало того момента, когда бы они насытились друг другом.

День был ясный, солнечный, ветреный. Дива вышла прогуляться по милому Новгороду. Она так долго ждала этих дней, мечтала о них и боялась, что они никогда не настанут. И все-таки они наступили. Она снова на родине. Она снова княгиня. Она снова там, где ее любят. Теперь ее не передадут и не подарят. Впервые за долгое время она чувствовала себя нужной и важной.

– Можем посидеть у реки, – предложила Миравы, которая пошла на прогулку вместе с Дивой, чтобы помогать нянчиться с Ендвиндой.

– Комары дочку закусуют, у воды всегда их много, – забеспокоилась Дива, поправив кафтанчик на спинке ребенка. – Пойдем в беседку. Там ветерок всех мошек сдует. А приведи Росу! Мы так мало успели поговорить. Хочу видеть ее.

– Опасаюсь, что она не выйдет на улицу теперь. Княжна Роса обычно до самых сумерек дома, – раскрыла Миравы. – После того, что произошло в Изборске между ней и Трувором...

– А произошло ли?! – возмутилась Дива, которая уже слышала сию историю из уст этой же Миравы. – Вот так и рождаются сплетни! Больше не обсуждай мою сестру в подобных речениях.

– Прошу меня простить, – осеклась Миравы. – Но даже сам тиун...

– Да кто он такой, вообще, чтобы обвинять мою сестру?! – сдвинула брови Дива. Она так задумалась, что даже на миг забыла, где находится. – Он лишь слуга. И он ей не ровня. Ему непозволительно судить о ней.

– Он ее муж, – робко напомнила Миравы.

– Да, ему весьма повезло, что он ее муж, – ответила Дива, угрюмо сомкнув уста.

– Может быть, мне сходить за Млавой? – спросила Миравы, желая сменить неприятную тему беседы. – Она просила оповестить ее, когда княгиня вернется домой.

– Из-за ее наставлений я оказалась изгнанной из родного города, – Дива помнила ведунью и ее совет пригласить Любаву в Новгород. Известно, к чему это привело.

– «Из-за ее наставлений» княгиня вернулась домой оправданной и оказалась в объятиях любящего супруга, – подчеркнула Миравы.

– Ты зришь так? – удивилась Дива необычному видению помощницы.

– Вестимо, так и есть, – заверила Миравы. – Пока княгиня отсутствовала, ведунья помогала нам. Как-то маленькая княжна захворала, так Млава заговорила недужье, и все ушло. А еще она в тот день гадала. И сказала, что княгиня вскорости возвратится и станет хозяйкой города и сердца своего мужа! Млава наперед знала, что так все и будет! Иногда разлука сближает пуще ежедневных объятий.

– Хм, не верится что-то... – на самом деле после услышанных доводов Дива уже стала сомневаться в злонамеренности ведуньи. Дочь Гостомысла вообще верила в то, что добра больше и оно повсюду. Вдруг Млава, и впрямь, знала, чем все окончится? Разлука, на самом деле, сблизила супругов, примирив их. – Мне б тоже погадать...

– У Млавы? – Миравы была готова хоть сейчас привести ведунью.

– Ну а тебе она гадала? – Дива не стала отвечать на вопрос, не будучи пока готовой ко встрече с той женщиной. Нужна другая гадалыщица.

– И мне гадала. Сказала, что в моей жизни будет истинная любовь, – похвасталась Миравы.

– Не сомневаюсь, – улыбнулась Дива, уверенная в успехе бойкой помощницы.

Все, кого встречала Дива по пути, радовались ее возвращению, приветствовали ее радушно. И она поняла, что скучала не только по отчему дому, но и по тем людям, которые много лет жили возле нее. Пусть они не были ей близкими друзьями или родственниками, но после долгих скитаний приятно от встречи и с простыми знакомыми.

– Моя княгиня, приветствую... – смиренно прозвучал знакомый Диве голос.

– Васса, доброго утра тебе! – Дива обвела взглядом женщину, которую прежде никогда не видела вблизи. Кажется, Васса и Вольна разругались. По донесениям Рады.

– Благодарю, княгиня, – поклонилась ярко одетая Васса, улыбаясь. На ее плечах был цветастый платок, а на шее красовалась радуга бус. Подруга Вольны всегда была яркой, словно цветущий луг. – С благополучным возвращением!

– Гляжу, многое изменилось с того дня, как я покинула Новгород, – поддержала беседу Дива. Изначально ей не хотелось заговаривать с Вассой – та когда-то ратовала за Вольну. И даже лжесвидетельствовала в пользу той. Однако стоит ли теперь отказываться от столь полезного знакомства? Васса может знать нечто такое, что представляет интерес. Это обязательно. Ведь подруги всегда делятся секретами. Однажды Млава сказала так: «Ищи тайну». Она, Дива, запомнила эти слова, но, правда, тайны так и не нашла. Возможно, следует последовать совету ведуньи хотя бы теперь.

– Но кое-что осталось прежним, – по природе своей Васса была приветлива и дружелюбна. А после ссоры с Вольной смешливая Дива ей уже и вовсе нравилась больше, чем властная подруга. – Люди радуются возвращению своей княгини.

– Вероятно, не все люди, – пошутила Дива.

– Кого княгиня изволит иметь в виду? – нарочито удивилась Васса, словно не понимая, о ком идет речь.

– Твою подругу, конечно... – Дива знала, что Васса хитра, но все ее уловки лежат в основном на поверхности. Потому что такая хитрость исходит не от ума. Она недалекая и непродуманная. Так хитрит кот, присмотревший миску сметаны и ожидающий, когда хозяйка отвернется. Кот не помышляет о том, что будет, когда пропажа скисших сливок раскроется. Он думает о сиюминутной выгоде.

– Отнюдь мы не подруги. Токмо старые знакомые, – пожала плечами Васса, которая теперь уже и вовсе не видела прока в дружестве, в котором ее неустанно осыпают оскорблениями, угрозами и упреками.

– Мы идем в беседку. Пойдем и ты с нами, – будто не обратив внимания на замечание бывшей подруги Вольны, предложила Дива. Определенно, если Васса что-то знает, то надо из нее это вытрясти. Но понятно, что за одну прогулку та вряд ли выложит все тайны Вольны.

– Для меня большая честь сопровождать княгиню, – Васса поклонилась, поспешив следом за Дивой.

– Рада, день такой погожий... Не прогуляться ли мне?... – задалась вопросом Вольна, глядя на свое отражение в серебряном подносе. Она сидела за накрытым столом, но аппетита у нее не было. Неунывающая красавица запрещала себе терять присутствие духа, и все-таки ей было грустно. – Подготовь мое новое платье. И за Пригодой пошли, пусть придет. Одна не хочу бродить. Власть не ходит одна, власть ходит со свитой.

– Слушаюсь, – усмехнувшись про себя, Рада положила веник в угол и двинулась в сени, на ходу снимая передник, защищающий платье от загрязнения. Изготовление одежды являлось делом долгим и хлопотным, поэтому костюм необходимо было беречь.

– Постой... – окликнула Вольна служанку. – Он все еще у нее?

– Да, – уверенно ответила Рада, догадавшись, о ком идет речь. Вольна пыталась скрыть переживания, но внимательная Рада все подмечала. И еще она очень устала быть возле Вольны. Ей уже хотелось вернуться в услужение к Диве. Но последняя пока не позволяла оставить начатое.

– Что ж он и в гридницу не ходит уже? – Вольна стиснула зубы, почувствовав досаду. Дива вернулась несколько дней назад, соперницы пока не встречались друг другу. И все-таки присутствие жены Рёрика ощущалось весьма явственно. Какое-то затишье воцарилось на княжеском дворе.

– Кажется, не ходит, – подтвердила Рада, застыв в дверях.

– Ну и ну, так он все дела запустит. Смеяться над ним будут, с бабой день и ночь сидит! – Вольна не могла позволить себе при чужих очах опуститься до стенаний и страданий, потому высказалась в подобном ключе.

– Не будут. Князь отдыхает, и остальным живется проще, – раскрыла Рада царящие настроения. – К тому же не навсегда ведь это. Видно, скучал он по ней. Но отпустит вскорости.

– Что ты говоришь?! – Вольна никак не могла признать, что потеряла власть над мужчиной, который казался покорным ей навеки. – Это он мне назло делает!

– Всеконечно, – согласилась Рада для вида, но усмехнувшись про себя.

Вольна шмякнула серебряный поднос о стол: не нравилось ей свое отражение сегодня. То ли бледна она, то ли сыпь на щеках, но лицо несвежее какое-то. А может, дело в том, что лучшее украшение для женщины – это счастье. Любая дурнушка будет выглядеть пригожей, если в глазах ее любовь и радость.

Лишившись общества Вассы, Вольне ничего другого не оставалось, как прогуливаться по двору в сопровождении болтливой Пригоды. Эта женщина была смекалиста и осведомлена обо всех новостях, так что скучать с ней не приходилось. К тому же она знала свое скромное место и не смела соперничать с Вольной ни в чем. Ни в нарядах, ни в суждениях. Во время прогулки она несла в руках корзину, где лежали вещи Вольны, без которых красавица не выходила из дому.

– Скажи мне, Пригода, отчего этакое оживление нынче? – Вольна заметила, что на дворе стоит суeta, слуги носятся туда-сюда, хотя все эти дни бродили, словно сонные куры, клюющие носом.

– Так князь же приказал готовить большой пир для дружины, – доложила Пригода. – На такое время нужно...

– Ужели он, наконец, отцепился от женской юбки и вспомнил об иных обязанностях?! – Вольна уже много дней ждала, что Рёрик навестит ее. Она была уверена, что он не сможет долго сердиться на нее. По ее разумению, она оставалась безгрешна, коли ее коварные намерения не увенчались успехом. – Наверное, все его други уже потешаются над ним!

– Они радуются, что их князь в добром расположении, – Пригода повторила слова Рады, чем еще сильнее огорчила свою грозную госпожу. – Потешались бы, коли б он с княгиней год сидел. А так всего несколько дней заслуженного отдыха... – выразила уверенность Пригода.

– И в честь чего же этот пир?! В честь *ее* возвращения?! – разозлилась Вольна, не перестающая думать о Диве.

– Кажется, для дружины пир сей, – повторила Пригода, с опаской глядя на Вольну, которую боялась рассердить своими рассуждениями. – Говорят, прибыли какие-то варяги сюда к государю, с которыми он прежде был дружен! Узнав, что он тут княжит, приспели на службу!

– А *она* там будет?! – не унималась Вольна.

– Так мне неведомо, – виновато ответила Пригода. – Для дружины, велено... Может, никого там, кроме гридей, и не окажется.

– Ты *ее* уже видела? – допытывалась Вольна, щурясь от солнца, бьющего ей в лицо.

– Мельком. Раз всего. Возле бань... – отозвалась Пригода.

– И что *она*? Изменилась после гощения у Умилы? – едко усмехнулась Вольна, которая знала только одно – Умила не простит любую женщину, которую полюбит ее сын.

– Так я же издавека зрела. Не разглядела... – оправдывалась Пригода. – Видела токмо, что улыбалась она...

– Она всегда скалится, как глупая дура, – отрезала Вольна, которая считала собственную улыбку исключительным даром, которого редко кто оказывается достоин.

Пройдясь по тропинкам, женщины двинулись в сторону беседки, откуда открывался умиротворяющий вид на могучий Волхов. Оттуда также можно было разобрать очертания будущего детинца, находящегося нынче в состоянии строительства. Вольне желалось скорее перебраться в новые покои. Было обещано, что ее обителью станет настоящий терем: высокий, с множеством окошек, гульбищ и покоев на все стороны света. Безусловно, Рёрик сдержит свое

слово. Пусть сейчас он и настроен недобро. Впрочем, это лучше, чем если бы он совсем позабыл о ней и стал равнодушен. Со временем способ примириться найдется. Никто не отменял того, что она по-прежнему мать его сына, а главное, беременна следующим! И никакие размолвки не уберут этого из его расчетов!

Дорожка уходила вниз. Вольне в ее положении было неудобно спускаться, хотя уклон казался несильным. Пришлось замедлить шаг. Единственное, что сейчас важно – это ее здоровье, надо побережться. Вдруг глаз Вольны заприметил две приближающиеся фигуры. Ветерок играл в их длинных ярких накидках. Они двигались навстречу ей, то есть в гору. То были Дива с Вассой.

– Она поднимается, а я спускаюсь... – мрачно заметила Вольна.

– Одначе, как уверяет повитуха, у ти скоро будет второй наследник, а у нее покамест ни одного, – ядовито заметила Пригода, подавая Вольне свою крепкую загорелую руку, дабы помочь той перешагнуть через канавку.

– Мы уж и не чаяли тебя снова узреть, – громко произнесла Вольна с победоносной улыбкой, когда они с Дивой поравнялись друг с другом. – В полынне не топила тебя Умила? Если нет, то повезло тебе. В любом случае, с возвращением!

– Благодарю, – сухо ответила Дива. Еще издали она увидела Вольну. Заметила, как та осторожна и нетороплива. Небольшой живот был укутан платком. Образ беременной соперницы оказался для Дивы неожиданным, неприятным и болезненным. До сего момента никто не оповестил дочь Гостомысла об этом важном обстоятельстве, вероятно, избегая омрачить ее счастье. Даже говорливая Миравла умолчала об этом.

От столь внезапных новостей Дива оступилась. Пребывая все последние дни в беззаботной отраде и несравненном блаженстве, она совсем позабыла о Вольне. А тем временем оказалось, что та все также любима, судя по противной ухмылке и этому омерзительному приветствию! А ее живот, словно двойной удар кнутом по израненной спине. И без того тяжело принять эту новость, так к тому же трон предков сейчас уже в небывалой опасности!

– Возвращение домой не переменит твоего удела, – Вольна погладила живот, выражая всем своим видом превосходство и довольство. – Уж лучше б ты осталась у Умилы и подальше от огорчений, которые тебя здесь дожидаются.

– Как птица летит к гнезду, так и я возвращаюсь в свое княжество, – сдержанно ответила Дива, кивнув Вассе на то, что им не следует долго задерживаться. Та подхватила подолы, но Вольна не отпускала их, продолжая держать речь.

– Мои враги сбиваются в стаю, словно волки, – усмехнулась Вольна, видя бывшую подругу, покорно следующую воле Дивы. – Ты шибко не радуйся... – продолжала Вольна. – Гнездо твое повисло на самой тонкой ветке. Которая вскоре обломится.

– Возле своего гнезда и ворона орла бьет! – брякнула глуповатая Пригода, не уловившая сути беседы. И вместо ожидаемой поддержки Вольне, подчеркнула преимущества Дивы.

Васса хохотнула, но смолчала, оставив замечание уколобой спутницы Вольны без пояснений. А у самой Дивы, конечно же, имелось что ответить. Обидные слова уже были готовы сорваться с губ. Но лишь глупец не усваивает урока: последняя их размолвка окончилась грустно именно для нее самой. За время пребывания в Дорестаде она многое переосмыслила. И поняла, что сама виновата в том, что соперница позволяет себе столь хамское поведение. Она почти самолично водрузила наглую Вольну на одну доску с собой. Следовало всегда ощущать себя княгиней и не опускаться с высоты своего терема до той низины, в которой обитает душа ее нахальной врагини.

– Да, ворон бьет орла. Когда есть ради чего сражаться, – подтвердила Вольна. – Ну а ты за что сражаться собралась? – глаза Вольны впились в Диву. – Все, что ты создаешь, однажды достанется моему сыну как наследнику. А ты еще будешь умолять меня пощадить твою жалкую жизнь и жизнь твоей дочурки. Но это нескоро. А в ближайшем тебя ждет унижение и позор,

кого не избежать с таким супругом. Не смотри, что он нынче с тобой. Это от скуки. Но как только он пресытится тобой, то бросит, словно опустошенный сосуд. Потому что ты не можешь дать того, что ему нужно. В тебе нет огня. В тебе нет страсти. Ты – то же что тихая заболоченная калужа. А ему нужно бушующее море. Сегодня ты привлекательна лишь потому, что все новое влечет.

– Пойдем, Васса... – кивнула Дива. Она была застигнута врасплох подобными пророчествами, граничащими с чем-то оскорбительным. В таких случаях тяжело сообразить, как ответить, даже когда имеется время поразмыслить. Иногда лучше промолчать, чем уподобиться Пригоде, которой лишь бы что сказать.

– Куда же ты? – усмехнулась Вольна, вышагнув на середину тропинки таким образом, что гуляльщицам теперь было не пройти. – Зрю по твоему лицу, что ты ни о чем не знаешь, что делалось тут в твое отсутствие... – продолжала Вольна, сверля Диву взглядом. – Не заблуждайся, думая, что он ждал тебя. Ему было не до скуки. Слыхала ли ты о Лее? Этой красавице он подарил корону. Не тебе, а ей. Говорят, перед ней ни один мужчина устоять не в силах. Наш, уж точно, не устоял. Но, к счастью, она уступчива. Не мучает своих поклонников отказами. Так что и наш долго не страдал. А в Изборске у него появилась женщина... Арви рассказал мне недавно. Спроси свою сестрицу, буде мне не веришь... – Вольна понимала, что никак не сможет вырвать Диву из объятий Рёрика, если только та сама не оттолкнет его. И нужно побудить вспыльчивую дочь Гостомысла к этому, вылив на нее ушат столь обидных подробностей, из-за которых легко потерять над собой власть и поссориться. – А к Белому озеру он тоже ходил не один, а с женщиной, сопровождающей его всюду и о которой тебе инда неведомо, – Вольна не заботилась о том, что заявленное не соответствует действительности. Главное, заронить в душе соперницы зерна подозрений, которые потом вырастут в упреки. Пусть Дива совершит ту же ошибку, что допустила она сама, непокоренная Вольна. – О, не переживай, по крайней мере, хотя бы этой твоей соперницы уже нет в живых. Правда, она оставила после себя потомство... Не говорят, кто отец, но мы можем предполагать. Ведь Нега называют опекуном этого чада. Да и иных отцов не названо... – Вольна городила, не стесняясь, поскольку знала, что истина сейчас неважна. Нужно добиться своей цели правдами-неправдами, что называется. Но сокрушающий удар она приберегла напоследок. – А вот намерен он не раз ночевал в гриднице с Любовай. Она-таки добилась своего. Настырная проходимка... И это после всего того, что тебе пришлось испытать по ее вине... Если ты имеешь сомнения в моих словах, то опроси слуг. Добродею, прибирающую в гриднице. Или Деяна, который всегда там же. И Ингвара спроси, он много чего ведает. Он тебе и о Перунике из Ладоги расскажет. Опроси их, – твердила Вольна, понимая, что хоть что-то из ее слов окажется правдой, и это даст Диве повод верить и всем прочим ее выдумкам. – Они не посмеют тебя обмануть. И ты будешь знать, что все сказанное мной тебе есмь правда, – заключила Вольна, умело переплетая истину с ложью. Понадобится время, чтобы распутать сей клубок. – О всяких дворовых девках я тебе и вовсе не буду повествовать, дабы не расстроить, – погладив живот, усмехнулась Вольна, видя, как с лица ее соперницы сошла поволока счастья.

Сообщение о Любаве было самым обидным и поразило Диву глубоко, что было предсказуемо. Даже будучи победительницей по сути, Дива уже не ощущала себя таковой. И ей вдруг стало страшно оттого, что слова Вольны могут оказаться правдой.

– Поверь мне, жить одной значительно проще, чем быть рядом с мужчиной. Отныне ты всегда будешь бояться потерять его, – продолжала Вольна. – И в этих опасениях окажешься поглощена множеством забот, которые тебе чужды. Ты будешь вынуждена неустанно развлекать его. Заботиться о своей внешности даже по утрам. Станешь опасаться не угодить ему. Будешь терпеть любую прихоть и блажь, лишь бы он не пошел к другой. Ежели ты воистину любишь его, то тебе же хуже: ревность изъест твое сердце. Потому как он даст повод много раз сомневаться в нем, – пообещала Вольна, торжествуя про себя. Обидные слова западают в

душу, даже если они ничем не подкреплены. – Ты будешь терпеть любые унижения, дондеже сил твоих хватит. А после он все равно бросит тебя и уйдет туда, где на него не будут держать обид, – Вольна многое понимала правильно, но не всегда умела смирить свой норов и следовать верным путем. Ее беда была в несдержанности, побеждающей ум. – А когда я рожу наследника, Нег снова вернется ко мне. А пока что мне нужен покой, нам нельзя вместе, – Вольна объяснила разлуку с Рёриком, указав причиной беременность. – И все же опроси Арви, Добродею, Ингвара и Деяна. Они расскажут тебе обо всех женщинах, что были без тебя.

Водворилась тишина. Лишь чайки с Волхова пронзительно кричали, словно пытаются донести что-то до Дивы на своем языке. Но они были слишком далеки и беспомощны.

– Плохая ты хозяйка, не умеешь присмотреть за домом, – ответила Дива после кратких раздумий. Безусловно, слова Вольны ранили ее очень глубоко, причинили боль. И все же не следует терять присутствия духа, по крайней мере, при посторонних. Ведь об этом разговоре вскоре узнают многие. – Видишь, сколько всего происходило в мое отсутствие. Только я могу навести порядок в своем городе. Такое не под силу больше никому, как уже видно. Уходим, Васса, – на сей раз Дива сумела обойти Вольну.

Подхватив подолы, Васса поспешила на зов княгини. За все время беседы она молчала, украдкой разглядывая соперниц. А после того, как каждый отправился своей дорогой, она заметила, что Дива огорчена – ее губы плотно сомкнуты.

– Я не думаю, что всё это правда, – негромко заметила Васса, когда они уже были возле крыльца Дивы. – Вольна часто выдумывает то, чего не было. Княгиня и сама это знает, – постаралась утешить Васса, которая на самом деле уже испытывала симпатию к жене Рёрика, а бывшую подругу постепенно начинала ненавидеть. Обида и ненависть – нередкий итог для некогда близких людей.

– Значит, что-то неправда? – спросила Дива глухо.

– В отношении Изборска – там да, было. Я сама слышала, как Арви рассказывал. Но так лучше у княжны Росы спросить... Перуника в свой черед – правда, но Ингвар лучше ведает. Любава – такожде верно. Раз точно было. Слуги видели. Гудрун ведает об том, она с ребенком Любавы сидела, пока та в гриднице была... – рассказывала Васса, замечая, как Дива постепенно мрачнеет. – Но вот у Белого озера вроде не совсем уж так, как Вольна рассказала. Там две сестры жительствоваали. И одна из них невестой Ньера сюда прибыла.

– А вторая? – Дива уже во всем видела подвох, как и мечтала Вольна.

– Вторая, кажется, просто так. Сама по себе, – постаралась утешить Васса.

– А бывает такое, что сама по себе в чужом городе? – Диву взяли подозрения, навеянные словами соперницы.

– Ну так вместе с сестрой... Можно у Деяна спросить...

– И где эти сестры? – Дива и сама не ожидала, что речь Вольны на нее подействует столь сильно.

– В бане угорели, – ответила Васса. – А дети их, правда, тут на дворище живут. Няньки нянчат их... Но так им уже по году, кажись. Выдумывает Вольна, батюшки этих деток у Белого озера, видно, обретаются. Если живы еще, конечно.

– Понятно... – вопреки желанию, Дива ощутила горечь обиды, хотя допускала, что Вольна могла обмануть. Но ведь про Любаву – правда, по словам Вассы. Да и Перуника – это не просто имя.

– Что случилось? – Рёрик заметил, как Дива отвела глаза, не глядя на него. Это самый верный признак обиды, который красноречивее любых слов.

– Ничего, – ответила Дива, в которой боролись два чувства. С одной стороны, она хотела спросить его самого обо всем напрямую, с другой – сомневалась в том, что должна поддаться этому желанию. Может быть, иногда лучше изображать неведение?

– Нет, что-то не так, – Рёрик был совершенно уверен в том, что видит. – Говори сейчас.

– Я не знаю... Не хочу, – Дива решила, что позднее спросит у Арви, Росы, Ингвара, Добродеи и Деяна. Это, конечно, хлопотно, но зато безвредно.

– Тогда не говори, – Рёрик не хотел ее ни к чему принуждать, тем более не догадываясь о причинах ее расстройств.

– Это правда, что ты был с Любовью? – вдруг вырвалось изо рта Дивы, когда она уже, кажется, вознамерилась молчать о своих подозрениях.

Рёрик ожидал любого вопроса, но только не этого. Еще бы, он не придавал персоне Любови столько смысла, сколько теперь в ней имелось. И все же он был из тех, кто полагал, что искренность и признание своих проступков делают человека только симпатичнее. Ведь на честность необходима некоторая смелость, особенно если в чем-то и впрямь виноват. За ним не водилось привычки лукавить или обманывать. Однако если ему не нравились какие-то вопросы, или он не желал в чем-то признаваться, то просто избегал обсуждений.

– Да, – после промедления ответил Рёрик. Он не видел за собой вины, потому что близость с дочерью Дражко не являлась какой-то осмысленной идеей. Все получилось само, да к тому же в час, когда он был пьян от горя и хмельных напитков. Такое для него не считается умыслом.

– Но ведь из-за нее произошло столько бед, – горько вздохнула Дива, чувствуя, как рушится ее сердце. Неужели Вольна была права? Может, все ее слова истинны?

– Но я же этого не знал, – простодушно признался Рёрик.

– Как это «не знал»? – Дива чувствовала, что готова расплакаться. Неужели он обманывает ее?

– Так Лютвич же позже пришел. И только потом все открылось, – Рёрик не знал, что именно ей известно, поэтому не посчитал за труд объяснить хотя бы самое главное.

– Правда? – Дива понимала, что сие обстоятельство в какой-то степени меняет дело.

– Разумеется, – подтвердил Рёрик.

– Но почему именно она? – Дива никак не могла понять, отчего же он никогда не выражал интереса к Любаве и тут вдруг такое.

– Я сам не знаю. Не помню уже подробности... – не лукавил Рёрик.

– Меня не было. И ты, конечно, сам себе хозяин... – выдохнула Дива, не зная даже, как ей продолжать сей разговор и нужно ли вообще это делать. – Но правда ли, что в Изборске у тебя была женщина?

– Да, – подтвердил Рёрик. Досуг в обществе племянницы Бармы он также не считал преступлением или чем-то таким, что следует теперь скрывать. Подумаешь, какая-то Услава, Улада, Уклада или как там ее...

– И эта женщина ждет тебя там? – ужаснулась Дива.

– Нет, – не соврал Рёрик.

– А Перуника? – Дива вдруг вспомнила сестру Миронегу из Ладуги.

– Перуника – это еще до свадьбы, – осканился довольный Рёрик.

– Ну да, – усмехнулась Дива. Как будто его остановят какие-то брачные узы. – А что же та женщина с короной...

– С короной? – не понял Рёрик.

– Ты подарил ей корону...

– Я бы не стал называть это короной. И было это очень давно.

– Ты хотел, чтобы она стала твоей королевой?

– Нет. Ни в коем случае... – усмехнулся Рёрик.

– Почему? – недоверчиво спросила Дива. Корону, значит, подарил, а королевой не считает?

– Потому что...Ох...– рассмеялся Рёрик, задумавшись над формой ответа. Лея всегда была ему приятна, но при этом он, разумеется, не считал ее поведение достойным. По большому счету, рассуждая о ней, достаточно было сказать только правду. – Потому что Лея не годится для такого. Не сравнивай себя с ней.

– Но она вскружила тебе голову? – предположила Дива. Короны просто так не дарят!

– То-то и беда, что она всем вскружила голову...

– Вот оно как...– Дива, наконец, поняла, о чем он говорит. Легкомысленная Лея годится для совместного досуга, но на ответственную роль супруги ее примет не каждый. – А...Ну... Даже не знаю, как спросить...

– О боги...Ты пугаешь меня. Что там еще? – Рёрик не хотел подобных бесед, но отказаться от них теперь еще хуже, чем согласиться.

– А дети сестер из Белого озера – твои? – Дива уже не знала, во что верить.

– Разумеется, нет, – Рёрик стал догадываться, что кто-то постарался снабдить ее заведомо ложными сведениями, сгустив краски. – Эти сестры – дочери старосты, у каждой была своя семья.

– Почему же они оказались в Новгороде?

– Ну так Ньер захотел жениться на одной из них, – Рёрик решил, что не следует слишком подробно рассказывать о Найдёне, у которой были на него виды одно время. – А вторая ее сестра...Их многое связывало, потому они оказались в итоге вместе даже в последний час. Да и небезопасно им было оставаться у Белого озера после всего. Я вижу, что ты огорчена, но не пойму почему, – Рёрик не имел оснований винить себя, ведь, по сути, прежде он и не обещал Диве верности, а расстались они и вовсе плохо. Конечно же, ей неприятно сейчас, но обоснованных причин для того нет. И она сама это понимает. – Это же все было прежде.

– А что теперь? – Дива уже не была уверена в том, что перед ней образчик супруга.

– А теперь только ты, – Рёрик сказал то, что чувствовал. Влюбленному мужчине на самом деле нужна только одна женщина. – Ты считаешь, я виноват перед тобой? – на всякий случай спросил Рёрик. Дива сейчас была очень дорога ему, и он не хотел ее терять.

– Нет, – после раздумий ответила Дива, понимая, что на самом деле он прав. И конечно, она не хочет ни в чем обвинять его, заставляя чувствовать себя виноватым. Ведь иногда чувство вины бывает разрушительней любых самых сильных встрясок. Вольна была правдива хотя бы в этом. – Я спросила не потому, что считала тебя виноватым. Просто хотела знать, как ты жил этот год.

– Да я же только о тебе и думал, – признался Рёрик. Он не был охотником любовных речей, но иногда такого и не требуется – достаточно просто сказать правду.

– А я о тебе, – прошептала Дива, положив голову Рёрику на плечо. – Но ты не рассказывал мне обо всех этих косичках.

– Могу рассказать, если так интересно. С какого момента начать? – Рёрик хотел, чтобы она сама уяснила: не следует копаться в прошлом, которое не имеет значения сегодня. Мало ли что там делалось. Важно только то, что происходит сейчас.

– Ни с какого, – Дива, наконец, поняла, что ей не нужны подробности.

– Ты присмотришь за детками сестер? – обняв Диву, спросил Рёрик. Он понял, что кто-то умышленно попытался рассорить ее с ним. Но он видел, что она верит ему самому, а не искаженным сплетням. И от этого он любил ее только сильнее.

– Конечно, – Дива была из тех редких людей, кому есть дело до чужих детей.

Проход разгуливал с Надежей по двору, где сегодня они вдвоем должны были присматривать за порядком и остальными гридями. Внезапно внимание первого привлекла некая картина, представляющая интерес: Миравы, развешивающие постиранные вещи. С того момента, как он повстречал ее в тереме Дивы, прошло немало времени, но дальше приветствий знаком-

ство не шло. Ведь почти сразу после допроса Любавы он отправился в Дорестафт. Но даже до отъезда, не будучи разиней, он дюжину раз заговаривал с понравившейся девицей, но она все время ускользала от него, еще и недовольно фырка в ответ на любой вопрос. А он к такому не привык. Никто и никогда не фыркал на него, он же не одноглазый Лютвич! И вот сейчас после своего возвращения он впервые заметил ее в одиночестве, без всяких помощниц и детей. Момент удачный.

– Оставь ее в покое, покуда о твоём провале не узнала вся дружина, – усмехнулся Надежа. Для мужчины нет ничего оскорбительнее неуспеха на всеобщем обозрении.

– Не будет никакого провала. Я ей нравлюсь, – был уверен Прохор, издали любуясь девицей. – Когда мы привезли княгиню, Мираву на крыльце стояла. На меня смотрела. Точно, на меня. Нас тянет друг к другу.

– Говори за себя, – хмыкнул Надежа. – У нее, помимо тебя, еще воздыхатели имеются...

– Да? – нахмурился Прохор, переводя взгляд с Миравы на Надежу. – И кто же? Уж не ты ли?!

– Нет, не я. Успокойся. Был бы я, то тебе не признался бы. Но видел я ее однажды ввечеру с кем-то... – таинственно раскрыл Надежа.

– С кем? – Прохор вмиг помрачнел. Ему она отказывает в беседе, а с каким-то соплежум ходит по вечерам!

– Сказал же – с кем-то! Не разглядел, темно было. А вот еще вспомнил! – обрадовался Надежа, подняв указательный палец вверх. – Однажды в сумерках видал ее с тиуном! Они вообще словно прятались вдвоем...

– С Арви?! – сдвинул брови Прохор. – На кой ей сдался этот старик?! Да я же лучше Арви в сотню раз!

– Болван! Это тебе он не сдался! А ей другое дело! Он человек значительный! – напомнил Надежа.

– Сам болван! Может, дело какое-то было у него к ней... – не зная, чему верить, заключил Прохор.

– Как и с тем первым, в ночи! – язвительно подчеркнул Надежа.

– Пасть закрой. Все, я пошел, – Прохор уже собрался подойти к Мираве, но Надежа удержал его за локоть.

– Давай на спор тогда уж... Если проиграешь, то отдашь мне своего коня, которого тебе князь подарил.

– Да пошел ты, коня тебе еще дарить! – огрызнулся Прохор. – Может, еще дворец ти выстроить?

– Ааа... Сомневаешься... – подколот Надежа. – Ну, коли так, то...

– Лады. Давай. Спор так спор, – согласился задетый Прохор. – Только не на коня.

– Пугаешься все-таки, – вздохнул Надежа нарочито понимающе. Очень хотелось раззадорить Прохора.

– Сейчас нос тебе набок сверну, узнаешь, как я пугаюсь, – недобро отозвался Прохор, сверля взором Мираву. Она словно наливное яблоко на самой вершине дерева. Есть и другие плоды, до которых легко дотянуться рукой. Есть даже те, которые валяются под ногами. Но ему нужно яблоко с самой высокой ветки. Наверное, оно самое вкусное.

– Ладно, не на коня. На дежурство. Всю неделю. Или лучше две будешь вместо меня в дозоре стоять, согласен? Или и это тебе боязно?

– Согласен! – рывкнул Прохор. Он уже хотел поскорее идти к Мираве, но Надежа еще не закончил перечислять условия.

– Тогда – на поцелуй. Если она тебя поцелует, то станем считать, что я проиграл... – утвердил Надежа.

– Да ты что?! Средь бела дня?! Не захочет... – засомневался Прохор.

– Ну ты же сам сказал, что она по тебе томится! И кроме нас с тобой здесь никого нет. А я спрячусь. Со стороны покажется, будто ты один ходишь. И она тебя давно не видела к тому же! Точно, не устоит, – уговаривал Надежа. – Нет, ну если трусишь, то...

– Лады, уговор! – бросив Надежу, Прохор помчался к Мираве, заканчивающей свое занятие. Надежа хмыкнул и принялся наблюдать из-за угла с улыбкой.

– Мираве, доброго тебе дня! – как мог учтиво, поздоровался Прохор, приблизившись к девушке.

– И тебе! – Мираве забрала корзину и направилась в сторону терема. Прохор поспешил задержать ее.

– Куда же ты так скоро уходишь от меня? – игриво спросил Прохор, зацепив большие перста за красивый пояс. – Столько мы с тобой не видались...

– И что? У нас какие-то общие дела имеются, чтоб нам видаться?! – хмыкнула Мираве.

– Да не спеши ты. Постой со мной хоть мгновение, – Прохор забрал у Миравы ее корзину, чтоб она не ушла. – И зачем ты так? Я же видел, как ты на меня с крыльца смотрела, когда мы вернулись из Дорестада...

– Я не на тебя смотрела, а на княгиню! – поправила Мираве не очень любезно.

– Врешь. На меня. Я все видел, – настаивал Прохор. – А знаешь, путь от Дорестада неблизкий. Каждый раз, глядя на небо, я видел твой образ в облаках. А по вечерам – в звездах. Думал, вернусь – ты мне обрадуешься.

– Ты ошибся. Мне пора, так что отдай мою корзину! – потребовала Мираве. А Прохор вообще уже ничего не понимал. И тут окончательно сглупил, растерявшись от такого ее ответа. Сделав вид, что отдает Мираве ее плетенку, вместо этого он ухватил ее за руку, притянул к себе и поцеловал.

Раздался визг, а затем звон пощечины. Благо, в этой части двора, и правда, никого не было. Не было свидетелей этого позора.

– Да ты что о себе возомнил! Еще раз подступишь, я князю расскажу! – пригрозила Мираве, разворачиваясь в оскорбленном порыве с намерением уйти. Что за бесстыдство! Еще кто-нибудь увидит!

– Да хоть сейчас рассказывай, только не уходи так скоро, – уже взмолился Прохор, удерживая Мираве.

– По какому праву меня хватаешь?! Я пожалуюсь князю на тебя, нахал! – закричала Мираве. Единственное, чем можно было напугать разнуздавшихся дружинников – это жалоба князю.

– Не буду хватать, только не кричи, – упрашивал Прохор. – А пойдем со мной вечером на прогулку, поглядим на месяц! – от безысходности предложил Прохор, напрочь лишившийся от расстройства своего обычного очарования.

– Что?! – у Миравы от негодования на миг пропал дар речи. – Ты что обо мне, вообще, себе думаешь?! Я что, девка какая-то?! – вырвав из его рук свою плетенку, девица все же удалилась, оставив растерянного Прохора посреди полянки.

Прохор скривился, с сожалением глядя ей вслед. Самое сладкое яблоко так и осталось на вершине дерева.

– Видно, в дозоре ни есть, ни спать придется тебе, – похлопал Прохора по плечу припевший Надежа.

– Это ты меня сбил с толку! Зря тебя послушал! – сердился Прохор. – «Иди, иди! Тут никого! Она давно тебя не видела! Не устоит!». И рано радуешься, я еще не закончил с ней! Хватит скалиться! – бушевал Прохор, раздосадованный не только неудачей в споре и колкостями товарища, но и внезапным поведением Миравы. Некоторых мужчин такое раззадоривает только еще сильнее, превращая изначальную симпатию среднего уровня в цель добиться расположения любой ценой.

Вдруг к ним подоспел мальчуган, который обычно сновал на посылках.

– Князь к себе Прохора вызывает. Сей час! – сообщил мальчишка двум дружинникам и убежал.

– Зачем он зовет тебя? – задумался Надежа. Они только с утра были у правителя и вроде обсудили все, что могло быть важным.

– Не знаю. Может, хочет поблагодарить за Дорестада?! – выдвинул идею Прохор.

– Уже благодарил. Обойдешься, – хмыкнул Надежа. – Пойдем вместе, у меня есть дело к тиуну...

Когда Прохор и Надежа пожаловали в гридницу, то столкнулись возле входа с каким-то стариком. Он был одет в простые одежды из грубой ткани и выглядел напряженным. Мельком бросив взгляд на деда, гриди быстро забыли о нем, проследовав в горницу, где их уже ждал князь. Тут же рядом сновал и тиун.

– Прохор, ты видел старика во дворе? – спросил Рёрик у своего дружинника почти сразу, как тот вошел.

– Видел... – Прохор уже засомневался, что его вызвали, дабы вознаградить. Князь что-то не очень довольным выглядит.

– Это отец Милашы, – сообщил Рёрик, испытующе обозревая своего любимого гридя.

– Кого?! – переспросил Прохор, мельком переглянувшись с Надежей, словно тому известен ответ.

– Не знаю. Не я же крутил любовь с ней, – Рёрик прошелся по горнице. – Вспомнил?! –

– Да, – отозвался Прохор. Он уже вспомнил Милашу, но как-то не ожидал встретиться с ее отцом.

– Так вот старик сказал, что ты «украл ее честь», – сообщил Рёрик. – Было такое?!

– Государь... – растерялся Прохор, а Надежа подавил смешок. Еще год назад эти двое были лютыми врагами, постоянно ссорящимися, но уже сейчас они слыли приятелями. – Даже неловко говорить... – замялся Прохор.

– Переживешь, не девица. Ну так как, имело место такое событие или старик врет? – уточнил Рёрик.

– Да кто ее знает... Князь, я тут ни при чем... – вздохнул Прохор огорченно. Вот встрял-то в неприятности болотные!

– Ни при чем? – покосился Рёрик недоверчиво. А гридь молчал в ответ. – Прохор, ты знаешь, как я люблю и ценю тебя. Но ты должен помнить, что, помимо твоей Милашы, у меня забот хватает. И я не понимаю, как такое случилось, что я оказываюсь впутан в твои любовные забавы. И теперь еще должен тратить свое время на эту ерунду! Арви, – на этот раз князь обратился к тиуну. – Зачем ты вообще пустил сюда ко мне этого старика? Ты не мог сам с ним объясниться? Или меня теперь по каждой мелочи будете отвлекать?!

– Государь, мы не могли его не пустить. Ведь дело касается гридя княжеского, – пояснил Арви. – Тем паче, по обычаям новгородцев, они могут приходить к своему владыке за разрешением любых неясных вопросов...

Объяснение тиуна князю явно не понравилось. Любых неясных вопросов может быть слишком много.

– Ну и, Прохор? Что я должен, по-твоему, сейчас постановить?! – князь гневно сверкнул на гридя очами.

– Я не знаю, – Прохор был расстроен, что маленькая интрижка принесла большие неприятности.

– Зато я знаю. Как честный человек, женишься на этой девке! Свободен! – Рёрик кивнул на выход.

– Князь, прошу! Только не это! – у Прохора прорезался голос. – Я, правда, ни в чем не виноват. Она сама затянула меня в свой сенник! Да она со всеми так поступает! Что я

мог?! – оправдывался Прохор. А Надежа давился от смеха в углу. Скупой на чувства тиун тоже оживился улыбкой. Князь же тем временем был разозлен, что его вовлекают во всякую чепуху. Но после этих тупых оправданий даже он не мог оставаться все таким же серьезным, как прежде.

– То есть, ты хочешь сказать, что коварная Милаша силой затащила тебя в свой сарай? – уточнил Рёрик глумливо.

– Князь, не гневайся на меня. Она такая! За ней вся деревня ухлестывает, а она и рада! Что я, хуже других? – упрашивал Прохор, который на самом деле подозревал, что Милаша – девушка порядочная. Но создавать семью с простушкой-селянкой ему не хотелось. Таких Милаш у него и не сосчитать, а тут вдруг еще жениться на ней!

– Прохор, когда я был в твоём возрасте, то тоже часто влюблялся. Но где твоя голова? Как ты допустил, чтобы из-за твоих утех дергали меня?! Я что теперь должен делать? Выдворить старика вон? Чтобы уже завтра все твердили, что я несправедлив и защищаю таких растленных молодцев, как ты!

– Князь... – промычал Прохор, чувствуя себя в этот миг полным растяпой и тупицей. И додумалась же эта дура рассказать все отцу! Любая молчала б о таком бесчестье, а эта папаше доложила! – Князь...

– Что?! – гаркнул Рёрик. – Вас немало, моих воинов, Прохор. И если по вине каждого ко мне придет хотя бы по одному старику... – подсчитывал князь в уме. – Тебе еще повезло, что он пожаловал сначала сюда, а не обратился сразу к старосте, – заметил Рёрик всю уязвимость положения молодого дружинника. – Итак. Женишься на Милаше, – погрозил правитель в итоге.

– Нет, князь, не надо так! Прошу! Только не это! Давай я какой-нибудь взнос в казну уплачу! Виру внесу за проступок! – предложил Прохор. После этой его реплики уже никто не мог сдержать смеха. – Или вышли меня куда-нибудь, токмо не женитьба на ней!

– Чего это так?! – удивился князь. – Будешь семейным человеком. Образумишься! – издевался правитель.

– Молю, только не Милаша! Не хочу! Не могу! – протестовал Прохор. – Я не смогу!

– Надо было раньше думать! – уже разозлился Рёрик. – Теперь из-за тебя страдаю я! Неужели не ясно, что по вашим поступкам в народе судят обо мне?! – князь был зол на своего гридя. Но с другой стороны, кто в юности не попадал в скверные истории?

– Государь, я очень виноват. Но умоляю, только не женитьба на ней, – повторил Прохор. – Прошу, только не это. Я такого не перенесу.

– Иди отсюда! – рявкнул Рёрик. – И сделай так, чтобы отныне по таким вопросам ко мне никто не приходил!

Прохор, Арви и Надежа вышли на улицу. Первый был крайне раздосадован. Никогда раньше он не влипал в подобные неприятности: всегда все сходило ему с рук. И тут вдруг на тебе! Говорливая Милаша!

– Тиун, поговори с князем, – упрашивал Прохор безразличного Арви. – Уговори простить меня! Не могу я на ней жениться! Да я же с собой покончу!

– Успокой его, тиун. Чего он так рассерчал-то... – Надежа помогал приятелю убеждать влиятельного Арви. – Да с кем не случалось подобного!

– Я что, жена ему, успокаивать его? – усмехнулся тиун. – Ты, Прохор, дуболом. Поставил нашего повелителя в такое неприятное положение... А главное, из-за кого? Из-за какой-то льняной юбчонки! – укорял Арви.

– Да я же говорил, что ничего не ведаю. Ни при чем тут я... – принялся за старое Прохор.

– Довольно, – тиун закатил глаза, не уверовав в объяснения Прохора, к которому, кстати, относился весьма холодно. Ему не нравилось, что Рёрик так благосклонен к этому головорезу. Пройдоха и мерзавец – быстро в доверие к князю втерся!

– Помоги, тиун, он же не умышленно! – давил Надежа.

– Ты правителя слушал? – Арви прищурился.

– Слушал. Он сказал жениться. Но я же... – не успел досказать расстроенный Прохор.

– В конце он сказал, чтоб к нему старикан больше не приходил, – поправил Арви. – Пойди к Милаше, объяснись с ней самой и с папашей ейным. Предложи добра всякого, ты же не бедняг. Только не жадничай...

– А если старик не согласится? – усомнился Прохор.

– Предложи столько, чтоб согласился, – заметил тиун трезво. – Или начинай подготовку к женитьбе.

Ночью прошел дождь. Но утро выдалось не пасмурным. На улице было холодно, зато солнце теперь светило ярко и радостно. Все предвещало благоприятный день.

Дива повязывала поясок, затем потянулась к ларцу, стоящему перед ней на столике. Взяв сережки, она продела их серебряные душки в мочки ушей.

– Васса уже пришла? – спросила Дива у Миравы, помогающей ей собраться.

– Пришла. Уже на крыльце вместе с Ньером дожидается. Вот накидка, холодно нынче, – Мирава протянула Диве плащ.

На крыльце княгиню, и правда, уже ждали. Подруга Вольны о чем-то кокетливо разговаривала со старшим дружинником. Возле них стояло несколько гридей, готовых сопровождать княгиню в ее прогулке.

– Как поживает твой Мирен? – уже сидя в тройке, спросила Дива спутницу.

– Счастлив и здоров... – отозвалась Васса, глядя на убегающую дорогу.

– Ты знаешь, куда мы сейчас едем? – Дива смотрела по сторонам. Сани мчали быстро. Ажурные домишки сменяли один другой. Дива раньше часто выезжала погулять, но сегодня это была не просто прогулка.

– Нет... – Васса прибыла на зов Дивы без колебаний, даже не выяснив причины.

– К ведунье. Однажды она предсказала мне. И все сбылось, – вздохнула Дива, вспомнив пророчество Веры перед свадьбой. – У меня и сегодня к ней имеются вопросы. Ты тоже можешь обратиться к ней. Она и тебе погадает.

– А надобно ли знать судьбину свою наперед? – многосуеверная Васса обратила глаза на Диву. – Вдруг скажет она что-то страшное, после чего утопиться будет впору... Боюсь я предсказаний... А княгиня разве не страшится?

Дива бросила на Вассу задумчивый взгляд и ничего не ответила.

Княжеская тройка остановились напротив избенки. Бубенцы смолкли, лошади расфыркались. Всадники, сопровождавшие княгиню, спешили. Один из них подошел к повозке и помог княгине сойти на влажную землю, где там и здесь были лужи.

– И Вассе помоги, Ньер, – Дива не переставала удивляться невоспитанности варягов. Не прикажи она ему, кажется, он сам бы не додумался помочь запутавшейся в юбках жене боярина вылезти из повозки. – И вот что... Вы все лучше тут, во дворах, побудьте... Мы с Вассой вдвоем пойдем, – решила Дива.

– Нет, я иди с госпожа, – возразил Ньер.

– Не надо со мной везде ходить, – вздохнула Дива. Сначала ее радовало количество стражи, выделенное для ее охраны. Осторожная по натуре, она успокаивалась в присутствии большого числа защитников. Однако очень быстро ее стало тяготить, что она под непрестанным присмотром. – Уж хотя бы не к ведунье...

– Нет, я иди с госпожа, – повторил Ньер. Не то чтоб он желал заглянуть в свое будущее или насладиться обществом княгини и ее подруги. Он лишь не выпускал из памяти самое

главное – сейчас Дива находится под его ответственностью. Если с ее головы хоть волос падет, то князь сотрет своего огнищанина в пыль.

– Ньер, ну неужели неясно? Я собираюсь говорить с этой женщиной о вещах, которые никого не касаются, – Диве не хотелось лишних свидетелей при том таинстве, которое ожидает их с Вассой. Потому она протестовала столь решительно.

– Я не слушать эти ваши вещи, – пообещал старший дружинник. Он хорошо помнил, как ее похитили прямо у него из-под носа: из храма Макоши, возле дверей которого он ждал ее. Больше он не желал наступать на те же грабли, отпуская ее куда-то одну.

– Ньер, ну отчего? Отчего ты решил, что можешь мне указывать? – Дива уже даже начала сердиться. Конечно, этот человек занимает высокий пост. Но и она сама не какая-то служанка, помогающая на кухнях. Ее слово, вообще, где-нибудь что-нибудь значит?!

– Я не указывать тебе. Ты иди, куда жаждаешься. Ты видеться, с кем хочеться. А я всегда охранять тебя, по приказу, – напомнил Ньер. – Когда ты рядом с князь, то ступать хоть вовсе без охраны.

– Ньер, благодарю тебя за заботу. Ты очень храбр! Однако сейчас мне не понадобится твоя защита, – терпеливее объяснила Дива. – У Веры со мной ничего не случится. Уверяю.

– Ну так мы идти или уже нет? – Ньер и не думал отступаться. Мало ли как: вдруг эта бабка окажется спятившей ведьмой, которая внезапно захочет оставить князя вдовцом! Нельзя тут рисковать.

Дива обзрела старшего дружинника недовольным взглядом. Но делать было нечего. Кивнув Вассе, она побрела к избе ведуньи. Подобрав юбки, жена Мирена поспешила за княгиней, попутно схватив из повозки корзину с дарами для хозяйки дома. Ньер отдал какой-то приказ страже и пошел следом за женщинами.

Изба Веры была самой крайней. И, наверное, самой ветхой. Вокруг выросли новые дома, отстроенные всего несколько весен назад. Все из-за пожара, постигшего Новгород еще при Гостомысле. Однако, что занятно, огонь не дошел до жилища ведуньи.

Нетерпеливая Васса постучала в дверь, улыбаясь. Для нее все в мире являлось развлечением. А Дива пока обдумывала слова своей спутницы. Может, зря они сюда пожаловали? А вдруг, и правда, ведунья скажет ей что-то такое, отчего и жить расхочется? Но нет, кажется, теперь все наладилось. И она, Дива, хочет в этом удостовериться и успокоиться.

Наконец послышался скрип половиц и шум шагов.

– Так открыто же... – объявила Вера, появившаяся на пороге. – Дива... Это ты... Заходите же скорее... Стынь в дом идет... – Вера радушным жестом пригласила пришельцев в свой дом. Она знала Диву еще маленькой девочкой. И потому не удивлялась появлению влиятельной гостьи в своих скромных хоромаш.

В горнице было сумрачно, хотя на улице светило солнце. Бабка стала зажигать лучины, закрепляя их в светец, возле которого стояла бадья с водой. Огоньки отражались в бадье, и света становилось как будто больше. Вскоре избушка была освещена уже так, что тут можно было рукодельничать.

Ньер осмотрелся по сторонам. Бесцеремонно заглянул в дверь, ведущую, вероятно, в кладовую. Затем расположился на лавке у входа. Васса озиралась окрест себя. Жилище ведьмы вселяло в нее благоговейный трепет. Сохнувшие под потолком корни, грибы и травы уже сходу казались волшебными, приготовленными для каких-то приворотных снадобий и магических заклинаний. Любопытно моргая, Васса водрузила корзинку с подарками на стол, а затем установилась возле выхода.

– Дива, сюда иди... – ведунья указала на лавочку напротив стола. – Давно не видела я тебя. Дай хоть полюбуюсь, какая ты стала... – Вера одобрительно оглядела Диву в свете горящих лучин. – Красивая... Что ж... Рада, что не забываешь. Помогло тебе мое зельеце?

– Зельеце? – переспросила Дива, чуть нахмурившись в недоумении.

– За которым твоя доверенная приходила...– напомнила баба Вера. – Я удивилась, что понадобилось тебе такое. Ты ведь знаешь, я на смерть не даю...

– Да, я знаю...– Дива даже опешила. Она впервые слышала о подобном «своем» заказе. Наверное, ведунья попросту запаматовала что-то. Либо перепутала. Все же бабке уже много лет. – Но я ничего такого не просила...

– Зачем пожаловала на сей раз? – Вера сложила руки в замок пред собой.

– Хотела, дабы ты погадала мне, как тогда...– ответила все еще чуть растерянная Дива. В последний раз, когда она появлялась в этом доме, она не была княгиней – лишь младшей дочерью князя Новгородского. Вместе с ней тогда приходил Пересвет. А ее отец Гостомysl был еще жив.

Бабка подошла к подоконнику, где у нее стоял кувшин с молоком. Затем взяла с полки большую плошку, а также маленький железный черпак, вроде крохотного ковшика. Открыв сундук, достала оттуда скрученную восковую свечу.

– У тебя, как всегда, три вопроса...– напомнила ведунья, протягивая Диве свечу.

Дива помнила, что нужно делать. Она взяла в руки воск, закрыла глаза и глубоко вздохнула. Она думала о тех вопросах, которые собирается задать. А ведунья тем временем накаляла в пламени железный черпачок, бурча под нос какие-то заклинания, а может, молитвы богам. Как бы там ни было, никто из присутствующих не мог разобрать ни слова из ее скомканной речи.

После раздумий Дива погрошила свечу в раскаленный черпачок, который потом ведунья начала нагревать. Воск плавился, расточая приятный запах. И уже совсем скоро в черпачке образовалась жидкость. Что-то прошептав, ведьма одним движением опрокинула содержимое черпачка в плошку, в которой было налито молоко.

Воск расплывался в стороны, застывая в фигуры. Дива сдвинула брови. Ей показалось, что она видит клубок роящихся змей. У нее появилось беспокойное чувство, которого не было доселе.

– Спрашивай...– повелела ведьма глухо.

Дива на миг потерялась. Она еще не озвучила своих вопросов, а ответы на них уже готовы. Судьба ее предрешена. Еще не поздно встать и уйти, не заглядывая в тревожное будущее.

– У меня будет сын? Я смогу родить сына? – в ожидании ответа Дива даже перестала дышать.

В горнице повисла тишина, какая бывает только ночью на могильнике. Ведьма разглядывала фигуры, получившиеся из расплавленного воска. Затем она закрыла глаза и замерла.

– Ты не захочешь того ребенка...– после паузы изрекла ведунья сухим голосом.

– Значит, все-таки я смогу...– Дива именно так поняла пророческие слова. Ее чуть настожило то, как именно ведунья выразилась. Но это уже второстепенно. Главное, что у нее будет мальчик. И у нее остается еще два вопроса. – Кто наследует стол Новгорода? Мой сын? – Дива уже слышала стук собственного сердца. Сейчас, когда, возможно, у Вольны будет уже два сына, этот вопрос особенно важен.

– Я вижу наследника князя...Вижу его на троне после отца своего, – продолжила бабка, не открывая глаз. – Не тебя зовет он матушкой...

Диве показалось, что на нее обрушился ледяной ливень. Эхом в ее ушах отзывались слова бабки. В горле Дивы застрял комок. Она не могла выговорить ни слова. Она чувствовала, как голова ее вдруг закружилась. Как стены горницы будто поплыли в стороны. Как пол заходил ходуном.

Стоящая рядом Васса даже оступилась. А Дива все никак не могла прийти в себя от услышанного. У нее не было сил даже пошевелить губами, не то что спрашивать дальше. Но оставался еще один важный вопрос, без ответа на который, она не могла уйти.

– Мой князь... Он... – сглотнула Дива, ощутив, как похолодели ее ладони. – У него будут другие женщины, кроме меня? Другая жена?

– Да... – ответила бабка приглушенно.

– Понятно... – сглотнув, мрачно ответила Дива.

– Я вижу еще кое-что, если тебе любопытно... – вдруг произнесла Вера.

– Говори... – сдвинула брови Дива.

– Грядет великая буря. Безмерные беды. Они подступят к тебе столь близко, что ты захочешь умереть... У тебя есть враг. Который не остановится до тех пор, пока один из вас не покинет земную сень. А твой князь... Он встретится со Смертью лицом к лицу зело скоро...

Закрыв ладонью рот, Дива вылетела на крыльцо. Посулы ведуньи ужаснули ее. Не такое она ожидала услышать, когда пришла в этот дом. И ей не хватало воздуха. Она сорвала с головы платок, так как ей вдруг сделалось невыносимо душно. Ее голову накрыл жар. Она побежала к повозке, желая только одного – уехать из этого страшного места поскорее. Но ноги не слушались ее. Она не видела, куда ступает. В глазах темнело. Она уже не различала ни повозки, ни даже горизонта.

На глаза Дивы будто упал черный полог. Ей показалось, что она летит с обрыва в бездонную пропасть, а тело ее невесомо, как перо птицы.

Но на самом деле это была не пропасть, а всего лишь высокая трава. И Дива упала в нее, теряя сознание.

– О Макошь, наша княгиня! – Васса бросилась к Диве, в ужасе понимая, что та в обмороке. – Ньер, скорее сюда, что ты там топчешься! – заголосила жена Мирена.

Лишившуюся чувств княгиню сразу обступило несколько гридей. Тут же их распихал со своего пути Ньер, он был готов к нечто подобному, но не желал такого.

– Ей нужно поскорее домой, в терем, – указала суетливая Васса.

– Ну что же это... – огорченный Ньер взял Диву на руки и понес обратно в избу бабки, поскольку это было единственное теплое и сухое место поблизости. Васса подобрала платок Дивы и поспешила за старшим дружинником.

На ветхом крыльце стояла баба Вера. Она выглядела расстроенной. Вот к чему привели ее предсказания. Но у нее было правило – всегда говорить правду. Коли человек сам пожелал таковую узнать.

Ньер уложил Диву на широкую лавку, которая заменяла ведунье постель. Васса тут же наклонилась над княгиней, убирая волосы с ее лба. Вера тем временем ухватила со стены пучок каких-то трав и протянула Вассе.

– Потри в ладонях и поднеси к ее лицу, – торопливо сказала ведунья, отдавая Вассе травы.

– Ты что наплести ей, ведьма старая? Ты зачем так пугать ее?! – Ньер навис над ведуньей.

– Я сказала лишь то, что увидела, – ответила Вера.

– Если она безотложно не приходит в себя, я тебе мозги выбить, – предупредил Ньер, хватая бабку за рукав. Он опасался того, что ведунья могла сделать кое-что похуже дурных предсказаний: мало ли она отравила жену Рёрика, все может быть. – Ты исцелять ее тотчас.

– Ньер, смотри, – позвала Васса, замахав рукой. – Княгиня наша в себя приходит...

Старший дружинник и ведунья обернулись на Диву. И правда, она стала выходить из забытья. Но взгляд ее был все еще туманным. Васса тут же поддержала ее под голову и напоила водой из ковша, который подала Вера. Дива сделала глоток, а потом отпихнула от себя ковш, отворачиваясь.

– Я хочу домой, – произнесла Дива, пытаясь подняться. Но ей все еще было плохо. Она ощущала тошноту, голова ее кружилась.

– Я помогу, – Васса поддержала Диву под локоть.

Ньер погрозил бабке кулаком. Но времени на разбирательства с ведуньей сейчас не было.

– Ты сама дойти? – Ньер помог Диве встать. – Или тебя нести?

– Я сама...– Дива двинулась к выходу. Васса поддерживала ее за талию. Уже у входа Дива остановилась и обернулась на бабу Веру. – Я могу что-то изменить?

– Ты можешь пытаться...– ответила Вера. И ее слова прозвучали как приговор, но не надежда.

Дива пошатнулась. Благо, Васса оказалась рядом, не давая ей упасть.

– Ты придержи свой поганый язык. Или он больше тебе не понадобится, – Ньер потянулся к поясу, где у него был кинжал. Огнищанин так разозлился на предсказательницу, что был готов убить ее прямо здесь и сейчас, как и полагал правильным в подобных обстоятельствах.

– Ньер...– окликнула Дива. – Пойдем...Оставь ее...

Дива даже не помнила, как оказалась в своем тереме. Она не помнила и обратной дороги. Она только помнила слова ведьмы, которые звучали ее в ушах непрерывно.

Глава 4. Мечи, копьа, сулицы

В княжеском детинце было тихо. Слуги наместника попрятались по избам. Лишь неустанная стража продолжала нести дозор, скрываясь под навесами. Стройка Трувора тоже встала, и ничего не оставалось главному зодчему, как запереться в гриднице и ждать ясных дней.

– Мы с дядюшкой возвращаемся обратно в Полоцк... – удрученно сообщила Желана. Ее руки ласково, но крепко сжали плечи Трувора. А он тем временем устало смотрел в окно, за которым мерцала серая стена дождя. И даже не расслышал слов полочанки: видно, наместника поглотили личные размышления. – А я так боюсь... – Желана попыталась привлечь его внимание иначе. С самого утра они прятались в гриднице от непогоды и посторонних глаз. После отъезда Росы и Арви полоцкая «княжна» снова принялась за дело, так как ее прошлые усилия ничем не увенчались. Тревога за братьев, находящихся в узилище Полоцка, заставляла девушку неотступно преследовать Трувора и цели «дядюшки» Ярополка. Сегодня она с самого утра не отходила от наместника.

– Чего ты боишься? – проснулся Трувор наконец. В последнее время он часто бывал задумчив. Обычно он терял голову весной, лето проводил весело. Но в этот раз все пошло не так. Весеннюю негу омрачила история с Росой. После такой весны и от лета ждать нечего.

– Разлуки... Я же возвращаюсь в Полоцк, – сокрушенным голосом повторно сообщила Желана, продолжая разминать шею наместника.

– Зачем? – удивился Трувор. Подтянув к себе расстроенную Желану, он усадил ее на свое колено. Она была едва одета, ее тело прикрывала только тонкая сорочка, воротник которой кокетливо обнажал бархатную грудь хозяйки. Однако теперь сие обстоятельство уже не так захватывало Трувора: добившись от гостыи взаимности, он успокоился. Разумеется, она все еще оставалась привлекательна для него, они много времени проводили вместе. Но одновременно с этим Желана стала привычной, любовная страсть достигла своего пика и теперь ее дорога медленно шла под гору. – Коли твой дядя так тревожится за тебя, то может оставить здесь в достатке и безопасности.

– После того покушения на мою жизнь у дядя закрались сомнения. Как я ни пыталась все скрыть, он догадался о моих чувствах к тебе. И теперь он думает, что новгородская княжна посягала на меня потому, что мы с тобой любим друг друга... – украшала Желана. – Страшась позора, он не позволит мне остаться...

– Я с ним поговорю и объясню, что нет повода для тревог, – пообещал Трувор, зевнув. Дождь за окном порождал лишь сонливость и уныние.

– А если он не поверит? Такой стыд. Я и сама корю себя за все, что между нами... – упрекала себя Желана для порядка. Все-таки в подобном положении благородная дева обязана испытывать некоторые душевные муки, связанные с ее неподобающим поведением. – Но я не сожалею ни о чем. Ведь к тебе меня привела любовь, – Желана стихла, поглядывая на Трувора. Она ожидала, что он разовьет предложенную тему. Но не всякий мужчина готов непрестанно признаваться в чувствах, даже если они у него присутствуют. Вот и Трувор промолчал. Видя, что он не слушает ее, Желана продолжила вдруг решительно, – воистину, будет лучше, если я уеду, стараясь все забыть! – Желана отстранилась от Трувора, встала на ноги и отошла к окну. Обычно они старались не подходить к окнам, чтобы их не было видно с улицы. Но сегодня во дворе никого, только мокрые деревья и кусты.

– Хочешь забыть меня, моя козочка? – полушутливо уточнил Трувор, потягиваясь следом за Желанной, облокотившейся на подоконник.

– А разве есть иной путь? – печалилась Желана.

– Полоцк небезопасен, как утверждает твой дядя. И что тебе там делать? Останешься, – легко утвердил Трувор, словно судьба Желаны – вопрос, от него зависящий.

– Я не могу остаться просто так. Я же княжна, не забывай об этом... – мягко напомнила Желана, про себя дивясь его примитивным рассуждениям.

– Помню я. Останешься не просто так. Будешь со мной, – нехитро рассуждал Трувор, уложив ладони на талию своей гостью, все еще нависнувшей над подоконником.

– Я не могу быть с тобой «просто так», – объясняла Желана терпеливо, но в душе уже еле сдерживалась. Надо же быть таким себялюбцем! Он совершенно не думает ни о ее чести, ни о чувствах дяди! – Вот если бы ты мог жениться на мне...

– Тебе бы этого хотелось? – заигрывал Трувор, не отвечая на ее предложение о женитьбе. Словно гибкая березка, полочанка так и манила его своим стройным станом, прогоняя кручину и скуку.

– Я желаю всегда быть с тобой... – аккуратно подводила девушка к главному вопросу. Она по-прежнему не глядела на наместника, который тем временем уже со спины приблизился к ней вплотную с явным намерением, вполне ощутимым.

– Значит, будешь, – пространно пообещал Трувор, потянувшись к подолу Желаны. Внезапно ему пришло в голову, что этот унылый день еще можно раскрасить – занять себя любовными утехами, а позже, скажем, поспать под шум дождя. А там уже ужин. Ну а завтра новый день, возможно, солнечный, живой и радостный.

– Но дядя не позволит мне остаться... – объясняла спокойная внешне, но напружиненная внутри Желана. Ей не нравилось отношение Трувора к ней. К чему эти разговоры, если у него есть законная жена? Он может предложить ей только роль наложницы. А так как она «княжна», то подобное недопустимо, и он это понимает. Что за балабол?!

– Почему? – недоумевал Трувор. А может, просто претворялся, что не понимает.

– Я же говорю... Мы с тобой неженаты, чтобы мне тут жить, – терпеливо поясняла Желана. – Хотя, наверное, дядя мог бы оставить меня здесь на дружеских началах, если бы был уверен, что ты как добрый сосед позаботишься обо мне, и моя честь притом не пострадает...

– У тебя есть сомнения в том, что я о тебе позабочусь? – Трувор был мастером увиливания от темы разговора.

– У меня сомнений нет, но у дядюшки они могут быть. А для того, чтобы он доверил меня тебе, ты должен как-то проявить себя... – затянула Желана уже известную песню, пока Трувор настойчиво поглаживал ее бедра. – Вот если бы ты помог ему в борьбе с врагами... С одной стороны племени с запада, с другой – хазары... Полоцк всегда под угрозой.

– Я не могу ему помочь, и не надо этого ожидать от меня, – оборвал Трувор, отстранившись от Желаны. Он старался не замечать ее корысти, но каждый раз это бросалось в глаза и портило настроение. К тому же Велемира все уши прожужжала ему о том, что полоцкая княжна привезена сюда только с одной целью – облапошить простодушного наместника. После наставлений жены и, собственно, затруднения с Росой, Трувор воспринимал Желану уже без прежнего трепета. Хотя, конечно, ему было приятно находиться с ней. И хотелось почти каждый день видеть ее. Но только вот без этих разговоров про дядю и страдания Полоцка. – Я же сказал, что не решаю таких вопросов.

– Ты все можешь, ведь ты князь... – нудела полочанка, уже заглядывая в глаза отворачивающемуся Трувору.

– Нет, Желана, я не все могу. Важные решения остаются за князем Рюриком... – Трувор убрал от себя Желану, которая потянула к нему руки.

– Я понимаю. Старшего надобно слушать, – для вида согласилась Желана. – Но ведь решение не такое уж значимое в глазах твоего брата... Если не хочешь отправить людей к моему

дяде на подмогу, то ты мог хотя бы снабдить его воинов оружием, – подсказывала Желана, которой Ярополк дал указания по оснащению войска. – Например, мечами...

– Мечи – оружие зело дорогостоящее, Желана. Даже у моих воинов не у всех имеются мечи, – пояснил Трувор, которому теперь уже хотелось только спать и больше ничего. Как бабы умеют все испортить!

– Я знаю. Батюшка рассказывал, что наличие меча выделяет его владельца как важного человека... – поделилась Желана несущественными познаниями, чтобы снять напряжение, которое теперь уже чувствовала даже она.

– Твой батюшка говорил верно. А ты хочешь, чтобы я обеспечил мечами целую рать твоего дяди, состоящую из безродных самоучек и простых ополченцев. Тем более закупать мечи у Среднего Рейна нынче занятие опасное. И обходится недешево, – Трувор сослался на область близ Рейна потому, что там в существенных количествах выделявали тяжелые каролингские клинки, славящиеся своим высоким качеством. В то время как в кузницах Изборска мечи выполнялись только на заказ, и обычно на изготовление даже одного клинка требовалось много времени.

– Необязательно ехать к Рейну. Батюшка говаривал, в Изборске клинковое ремесло широко развито... – возразила Желана и глазом не моргнув, хотя ее покойный отец в оружии не смыслил и не заявлял ничего подобного.

– Развито-то да. Но в таких численностях тут готовых изделий ни имеется. Нужно будет десять лет ждать, пока пара мастеров снарядят все войско!

– Можно всех кузнецов задействовать... – настаивала Желана.

– Для такого нужны искусные мастера, которые именно оружие делают, а не абы кто. Бьерн рассказал, что заказал по-дешевке у какого-то умельца ножны. Говорит, такими ножнами недолго любой клинок испортить, – рассуждал Трувор, привыкший к элитному оружию. – Нужен именно оружейник, а не простой кузнец!

– А что неладно с его новыми ножнами? – Желана поддержала беседу на интересную Трувору тему, хотя ей уже стало ясно, что о мечах можно и не мечтать. Но нужно было расположить его к разговору, который еще не окончен.

– Здесь ножны мастерят совсем простые: дерево снаружи кожей обтягивают. И все. Деревесина касается стали, а это не хорошо. То ли дело мои привезенные из Хедебю ножны... – пустился в обсуждения Трувор, не замечая беспокойного взгляда Желаны. – Внутри они выделаны шкурой. Сама разумеешь, что для клинка лучше мех, чем дерево: легко достается, тупится медленнее. Кому важно, они и внешне красивее: с орнаментом и бронзовым наконечником.

– Ну ножны, может, этот умелец и не умеет делать. Пусть мечи сделает хотя бы...

– Так мечи еще труднее сделать! – поразился Трувор такой неосведомленности. – Меч – это же не просто железяка. Он должен иметь особые свойства. Недостаточно лишь придать металлу нужную форму, сделать заточку и приделать к клинку эфес. Необходимо чтобы меч был гибким и упругим, одновременно с распределенным верно весом.

– Я ничего не поняла... – вздохнула Желана.

– Ну как бы тебе объяснить... Допустим, если вес меча будет сильно смещен к острию, то оружие окажется почти неуправляемым, норовящим выскочить из рук. Это будет нечто подобное Хундингсбану Фрейра, который сражается сам по себе... – пошутил Трувор, но Желана не поняла остроты. – Ну а если центр тяжести придется на рукоять, то рубящие удары окажутся слабыми. Да и вообще будет неудобно сражаться таким мечом. Именно поэтому так важно найти опытного оружейника. И посему меч есмь оружие, коим каждый дружинник обеспечивает себя сам по мере возможностей.

– Мечи, о которых ты говоришь, может, всего пара кузнецов и умеет изготавливать, да и то для тебя токмо и твоего князя. А у большинства наверняка не тоliko редкое оружие... – рассудила Желана. – Нашим ополченцам сойдут и попроще клинки то есть.

– Снабдить твоих ополченцев клинками – никаких средств не хватит. Меч может быть и не очень мастерски выполнен, но заплатить за него придется все равно немало. Тем паче, что им еще нужно уметь пользоваться. Если не обладаешь навыками, можешь сам покалечиться... Я бы посоветовал твоему дяде получше укрепить город – воздвигнуть стену, обнести ее рвом с водой. Или устроить крепость в междуречье. Я карту смотрел, у вас ведь как раз там обе реки встречаются – безупречное место для твердыни, к которой не подступиться. И мечи не понадобятся вовсе.

– Ты прав, – вздохнула Желана, понимая, что битву за мечи она проиграла безвозвратно. – А копьа?

– Только копьа не решат проблему твоего дяди... – пожал плечами Трувор.

– Почему же... – протянула Желана, вернувшись к Трувору. – Как раз построить стену, как ты и сказал. А потом разить из-за нее копьами. Брат говорил, что копье – самое любимое оружие у всех воинов. Ты тоже любишь копьа? – кокетничала Желана, пытаясь сделать беседу непринужденной. Все-таки ему не должно броситься в глаза ее вымогательство, основанное на угрозе отъезда в Полоцк. Ее речь обязана выглядеть как тревога слабой девицы о судьбе возлюбленной родины.

– Нет, я люблю тебя, – Трувор снова полез целоваться к госте, поскольку ему не нравился предмет их диалога, а она не собиралась замолкать самостоятельно.

– Дядюшка сказывал, что где-то на севере жил бесстрашный конунг Олаф. Он одновременно метал сразу два копьа, которые всегда попадали в цель. Это правда? – уклонилась от лобзаний Желана. Ей хотелось выторговать условия, а не блудить.

– Я не знаю... Наверное! – отмахнулся Трувор, пытаясь поцеловать Желану в губы, чтоб ей было неудобно болтать.

– Брат рассказывал, что обычные копьа хороши токмо для метания... – сообщила Желана, словно не замечая приставаний. – Такие, как есть, они, конечно, затруднения моего дядюшки не решат. Но вот если их немного улучшить... Допустим, сделать из них не только метательное оружие, но и нечто, подходящее для ближнего боя...

– Ого, какие ты слова знаешь, – трунил Трувор над своей ученой гостьей.

– Надо всего лишь на противоположном конце древка прикрепить металлический вток, который будет выступать как колющее острие... И это не так затратно... – уговаривала Желана. Сама она еще утром ничего не знала об оружии, но Ярополк подробно обрисовал ей все возможные варианты экипировки. – Такое и тот кузнец-неумеха сможет сладить. Не так уж это трудно.

– Может быть. Но, тем не менее, это все равно недешево в таких-то численностях.

– Тогда ты бы мог хотя бы обеспечить дядю сулицами... – уже совсем расстроено предложила Желана. Вариант с сулицами Ярополк обозначил как нежелательный, годный на самый крайний случай. Ведь сулица представляла собой нечто среднее между копьем и стрелой и годилась только для метания.

– Ничего себе, да ты смыслишь в вооружении, как опытный воин... – трунил Трувор. – Но тогда ты должна помнить, что сулицы служат лишь дополнительным оружием в бою, а не основным. Используют их нечасто и далеко не все бойцы.

– Сулицы – это хоть и не мечи, но... – продолжала Желана, натягивая сорочку на плечо, с которого Трувор ее стянул. Девица уже начинала тревожиться. С некоторых пор переговоры с ним ничем путным не оканчивались. А итог усилий нужен хоть какой-то! – Но зато брат говорил, что сулица удобнее лука. Она занимает только одну руку. А в другой в этот момент можно держать щит... Он сказал, что сулица надежнее стрелы...

– Почему это? – удивился Трувор, который даже отвлекся от плеча Желаны.

– Потому что сражающая сила у сулицы выше... – сообщила девушка с видом знатока.

– Это смотря с какого расстояния метать, – резонно заметил Трувор. – А у лука дальность лучше... И прицельнее он.

– Дядюшка говорит, с двадцати шагов самое подходящее расстояние. Кроме того, он сказывал, будто сулица хороша еще и тем, что застревая в щите противника, мешает сражаться, отвлекая. Брат сам несколько раз видел, как воины делались уязвимыми на время попытки избавиться от застрявшей сулицы, – Желаны так много лгала, что уже не замечала, как путает брата, отца и дядюшку в своих повествованиях.

– Какие глубокие познания, – усмехнулся Трувор. – Тебя должно волновать вышивание, а не это.

– Если я буду вышивать, то дядюшка все-таки увезет меня завтра в Полоцк! Поэтому я пытаюсь найти решение, – поясняла Желана. – Я лишь хочу, чтобы он позволил мне остаться здесь вместе с тобой. И ежели б ты поддержал его хотя бы вооружением, то в благодарность он бы разрешил нам...

– Желана, Снежевиночка моя, видишь ли, в чем дело: сулицы также не решат трудности твоего дядюшки, – уже серьезно глядя на свою гостью, объяснил Трувор. Ему не нравилось, что она подослана кланчить что-то, но зато ему нравилась она сама. И он не хотел ее обижать. – Поскольку для того, чтоб от них был толк, необходимо, дабы еще до начала боя у каждого воина имелось хотя бы по несколько сулиц. Дабы при приближении врага успеть метнуть все свои запасы дротиков. Понимаешь? Это говорит о том, что их понадобится очень-очень много, а столько у меня нет. Да если бы и было, сулицы *не могут* служить основным оружием. Все равно нужны мечи и копья, луки и стрелы. И золото, чтобы нанять наемников для защиты города, если настоящих воинов среди населения мало.

– *Могут* сулицы и основным оружием служить, – не отступала Желана. – Брат рассказывал, что бывают легкие воины, у которых основное вооружение – сулицы... Главное, ловкость и отвага...

– Только беда в том, что упомянутые тобой воины, потратив весь свой запас сулиц, выбывают из сражения... Милая, не надо тебе это все, не понимаешь ты в военном деле. Оставь эти рассуждения.

– Пусть запас будет значительным, – упорствовала Желана, уже предчувствуя провал переговоров и на ступени, посвященной сулицам.

– Этот запас не может быть значительным, Желана. Самое мыслимое – дюжина сулиц. Больше этого количества трудно унести за раз. Они все-таки существенно тяжелее стрел. Так что сулицы – это тоже не выход, Желана... – Трувор выпустил гостью из своих рук. Теперь он уже точно решил, что посвятит себя дневному сну.

Ярополк отдыхал в избе, полулежа в роскошном кресле. Для того, чтоб доставить сей предмет обстановки в терем, понадобилось трое носильщиков. Отличали кресло особые размеры и форма – оно имело широкое удлиненное сиденье и удобные подлокотники, на которых могли бы уместиться не только руки, но и утварь. Как раз сейчас на этих подлокотниках расположились вишни в блюде и высокий резной кубок. Ярополк то и дело прикладывался к сосуду, заедая вино кисловатой ягодой. Его глаза наблюдали за взбудораженной Желаной, снующей по горнице от сундука к сундуку.

– Ты не помогаешь своим братьям, – зловеще произнес Ярополк, выплевывая косточки в ладонь.

– Я сделала все, что было в моих силах. И даже более того... – оправдывалась Желана, сворачивая одежду и укладывая ее в сундуки перед дорогой. – Я запрашивала все, о чем мне было велено. Но нет...

– То, что *нет*, это я уж вижу... – отозвался Ярополк. – Совсем недавно ты обещала, что наместник сделает все так, как ты попросишь, – напомнил князь. – Ты не сдерживаешь своих посулов. А значит, я свободен от моих собственных. И твои братья никогда не покинут заточения. Или даже не так. Твои братья все же будут казнены.

– Да в чем моя вина, князь? – Желана опустила на колени рядом с Ярополком, ухватив княжескую длань, решающую судьбу ее братьев. – Князь же сам видел, как удачно все складывалось поначалу. До этого проклятого покушения наместник был так увлечен мной, что отдал бы не только сулицы и копья, но и мечи с лошадьми и всадниками! Все испортило то посягательство. Но не по моей вине это содеялось. Отколь мне было знать про его давнишнюю любимую? – оправдывалась Желана.

– Причем здесь покушение? Напротив, я считаю, он должен был еще больше увлечься тобой. Ведь он лично выручил тебя из плена смерти, – размышлял Ярополк с видом знатока души Трувора. – Ведь это было так трогательно!

– Он не меня выручил, а новгородскую княжну. Он только и думал, что о ней. А про меня забыл, доколе она не отбыла со своим мужем в Новгород. А как ее не стало, я еще седмицу его не видела. Сокрушен он был и тосковал. Нет в этом моей оплошности, князь. Я делала, что могла. Прошу пощадить братьев моих, – снова взмолилась полочанка.

– Ты сама виновата. Не следовало так скоро подпускать его к себе. Легко достается, мало ценится, – нравуучал Ярополк. – Нужно было сулить себя, куда он ни согласится на наши условия. А уж после...

– Да как же так? Князь же сам мне велел... – осторожно напомнила Желана, не решаясь спорить со своим могущественным покровителем.

– Я велел, поскольку ты утверждала, что это единственный способ не упустить его совсем!

– Так и было. Ведь после отъезда княжны Росы он день и ночь в печали кутил со своими друзьями, забыв обо мне. А после еще та девка из деревни подвернулась, совсем не до меня ему стало... А позже он...

– Довольно! – прервал Ярополк цепь размышлений Желаны. – Надо было ждать своего часа терпеливо, а не допускать до себя этого мота преждевременно.

– Да после уже и допускать было бы некого. Начальный его интерес ко мне утерялся среди всех грустных событий. Кроме того, по сути из-за меня пострадала его давняя любимая... После такого во мне уже не было столько прелести в его глазах, чтоб я могла на ровном месте вымогать у него что-то. А сейчас я, по крайней мере, могу попытаться его уговорить, пока мы еще не отбыли... – объясняла Желана, уверенная, что успех переговоров зависит не от условий и выгоды для сторон, а от взаимосимпатий.

– Ты говоришь, что старалась, – Ярополк высыпал горсть вишневых косточек на блюдо, приготовившись перечислять все проступки своей подопечной. Ему вообще нравилось постоянно отчитывать ее. – Любое усердие судится по плодам. На твоём дереве, почитай, ничего не выросло. Ты лишь праздно услаждаешься с ним, ничего так и не добившись для нашего общего дела. Мы гостим тут очень долго.

– Я усердствую, как и прежде. Князь, я же стараюсь, как могу, – извинительным тоном заныла Желана. – Но его пыл прошел, и он уже не так очарован мной. Потому и не слушает... Тем паче мне почудилось, что у него засело подозрение, будто я здесь неслучайно оказалась. Он слишком решительно отказывал мне на все просьбы. Еще и подшучивал. Даже сулиц не дал! Что я могу после такого? Он все время отвечает, что без вельможи Новгородского Рюрика, ничего не может постановить.

– Сколько уже мы ждем Рюрика? Он должен был давно прибыть сюда, – Ярополк задумчиво играл вином в кубке, болтая напиток по краям.

– Трувор сказал, что тот придет осенью, скорее всего. Занят он внезапно оказался вроде, – после важного сообщения Желана вновь взялась за старое. – Княже, прошу, отпусти братьев. Я все сделаю, что угодно, токмо пощади их. Не мое прегрешение, что...

– Я надеюсь, когда мы увидимся с тем вторым, ты не допустишь ошибок, которые произошли в этот раз, – не слушая просьб Желаны, вдруг неожиданно сообщил Ярополк, задумчиво глядя на рубиновую жидкость в кубке.

– Мне будет велено убеждать и Рюрика? – обомлела Желана.

– Я хочу получить заслуженную помощь от Новгорода. Гостомысл много задолжал мне за мою поддержку. И еще я хочу, чтобы от тебя был хоть какой-то прок в коем-то веке. Если не удалось с Трувором, то будешь уговаривать того другого, – Ярополк поставил уже пустой кубок на стол возле себя. Он все дни проводил в праздности, не стремился к какой-либо деятельности, кроме умственной. – Либо все же дойди до конца и подвигни Трувора на щедрый поступок. Но лучше, всеконечно, обольстить Рюрика... От его привязанности будет больше толку, нежели от чувств Трувора.

– Да как я осмелюсь на такое?! – испугалась Желана. – И разве мы в Новгороде теперича гостить думаем?!

– Нет, мы возвращаемся в Полоцк. А когда Рюрик прибудет сюда в Изборск, то и мы на встречу к нему ринемся, познакомиться как будто...

– А если Трувор увидит, что я теперь к тому лажусь?! – ужаснулась Желана, хотя до описываемых будущихостей оставалось еще множество времени.

– Он будет огорчен. А может, догадается, в чем дело. В особенности после твоей речи про обмундирование для наших воинов. Девицы обычно выпрашивают тряпки и бусы... – спокойно рассуждал Ярополк, не заботясь, что дает трудновыполнимые задания. – Так что твоя задача окажется быть опасливее и не выдаться... Ты должна будешь добиться, чтобы тот второй все же согласился помочь нам. Достигнешь этого и считай, что твои братья свободны. А нет, так больше я милосердствовать не стану...

– Князь, вон как дело повернулось, не получается у меня ничего. Трувор горазд только тешиться со мной, а как доходит до толка о помощи, так отвечает, что мое дело – вышивание. И там такожде выйдет... Ради меня они вряд ли изменят свои замыслы... Да к тому же, будет более чем странно, если я сначала к одному приластилась, а потом к другому. Странно и пагубно.

– Изменят и еще как. Ты просто не знаешь, как подобные дела мастерят... Вот как раз с помощью таких, как ты... – Ярополк вытер ладони от вишневого сока о тряпку и отодвинул блюдо. – Тем паче у нас общие враги с ними. Я, вообще, удивлен, почему они еще не согласились укрепить нас. Признаться, я рассчитывал, что ты даже не понадобишься. Взял тебя на всякий случай, можно сказать...

– Ну вот, значит, есть какая-то значимая причина. Я слышала, что они отправили войско в Царыград. Может, сил у них столько нет, чтоб везде поспеть... И я тут не смогу ничего изменить.

– Сможешь. У тебя почти получилось. Ежели бы не история с покушением... Впрочем, для начала я сам поговорю с Рюриком по осени. А если не получится ничего у меня, то тогда уже снова выступишь ты...

– Князь, нехорошо это кончится, – Желана нутром чувствовала, что предложение Ярополка слишком опасно. – Лучше найти другую девушку, которая еще не была в Изборске. Время до осени имеется...

– Я неуверен, что для такого ответственного замысла подойдет любая красотка. А ты находчива и смела. Не каждая рискнет первой лобызать наместника! – вспомнил Ярополк поцелуй у кузницы. – Тем паче будет не менее странно, если окажется, что у меня имеется еще одна несчастная племянница, ты не находишь? – усмехнулся князь. – Тот второй должен будет плениться...

– Если тот второй и пленится, то тогда меня точно Трувор приберет! – трепетала девица. – Я не смогу орудовать «находчиво и смело», если меня будет сковывать страх... – втолковывала Желана.

– Если б Трувора не было здесь вовсе, тебе было б легче совладать с тем? – задумался Ярополк.

– Конечно же, легче. Но только что рассуждать, если Трувор здесь. Не двинемся же мы в Новгород! – Желана продолжила собирать вещи, поскольку несмотря на то, что ее считали княжной, она по-прежнему оставалась лишь служанкой, оказавшейся в неволе из-за братьев.

– Я подумаю над этим... – загадочно проскрипел Ярополк.

– Умоляю, все отменим. Если Трувор и не будет мешать мне, то это еще не означает, что тот второй влюбится в меня. Трувор рассказывал, что... – Желана не успела договорить, как была прервана.

– Ну почему же... Очень даже означает. Они братья и, следовательно, похожи. У них подобные вкусы... – Ярополк считал себя всезнающим.

– То, что они похожи, не означает, что они одинаковые, – возразила Желана. – Не смогу я, страшно. Тот, боюсь, не подобен Трувору.

– Слушай, что такое? Кто тебя так напугал? – удивился Ярополк, оглядев Желану. Он заметил, что она опасается даже помышлять о новгородском владыке. – Рюрик добрый правитель, его все любят. Ничего он не сделает тебе. Тем более когда это еще будет? До осени далече. Не тревожься попусту. Ведь знаешь этих князей: ты им всем так по душе! – Ярополк притянул Желану к себе, попутно распуская руки. Девица переносила отвратные объятия старого князя смиренно и терпеливо. Несмотря на молодость и красоту, она чувствовала, что очень несчастна. И некому за нее заступиться, и некому ей помочь. Иногда хотелось рассказать Трувору всю правду, но ведь он не пожалеет, а наоборот озлится ее лицемерию.

– Тут уже все поняли, что между мной и Трувором. Как я буду выглядеть в глазах князя Рюрика? Княжне негоже путаться... – тревожилась Желана, которая жила в бесконечном страхе перед будущим, которое никак не настаивало.

– Хватит рассуждать, пустомеля. Нам без разницы, что он о тебе подумает. Ну вот такая ты влюбчивая княжна! – Ярополку надоели разговоры, он полез к Желане под юбки.

– Но, князь, мне страшно... Что они со мной сделают, если все вдруг вылезет? – трепетала Желана.

– Тишись, чтоб не вылезло, – дал отменный совет Ярополк.

Грустная Велемира ждала Трувора, сидя у распахнутых ставен, из которых тянуло тревогой. Она знала, что этот день ее муж провел с полоцкой княжной. Отвратить его от этой девки у Велемиры не получилось, как не вышло и устранить соперницу. Зато она основательно беседовала с супругом почти каждый вечер, талдыча, что Желана неискренна и действует в интересах Ярополка. Сначала эти разговоры не давали видимых плодов, и Трувор все равно устремлялся к полочанке. Но с течением времени он заметно успокоился. И когда сегодня он наконец появился на пороге терема, Велемира отметила, что вернулся он в ровном расположении духа. Его глаза уже не полыхали пламенем страсти, как тогда на Комоедицу. Можно решить, что он весь день был с дружиной, а не с женщиной.

– Родной, я ждала тебя к обеду, – ласково улыбаясь, Велемира обняла вошедшего супруга. Несмотря на нестерпимые муки ревности, она скрывала, что ей все известно о его похождениях. Ведь тогда ей пришлось бы выразить возмущение. Но вот беда, ее немилость не напугает супруга. Зато любое неосторожное слово может привести к тому, что он вообще уйдет от нее.

– Я был в гриднице. Обсуживали строительство крепости... – соврал Трувор, усаживаясь за стол. Ну не говорить же ей, что он весь день пробыл с Желаной!

– Крепость на глазах растет, как гриб. Никто еще так быстро ничего не строил на этих землях, как ты... – похвалила Велемира.

– Я хочу успеть к приезду Нега. Это его порадовало бы, – вздохнул Трувор. – Но все равно я не уверен, что управимся к осени. Всех, кого можно, я уже задействовал. Впору уже и самому за секиру взяться... Еще бояре со всякой ерундой пристают... По любой мелочи дергают! Кажется, если даже котенка у них украдут, то они ко мне тут же кинутся!

– Что им от тебя потребно? – забеспокоилась радетьная Велемира.

– Хотят, чтобы я поймал какого-то разбойника речного. Обчищает купцов он на Великой и Синей. Да ты о нем знаешь, я же тебе рассказывал – грабитель по кличке Ушкуй... Говорят, бывший дружинник Гостомысла...

– Бывший дружинник княжеский? Что за позор! Ты обязан его словить, – сразу означила Велемира. – Изборск должен видеть, что ты печешься о благополучии народа.

– Дружина сейчас на строительстве. И у меня нет желания отрываться от возведения крепости... – Трувор осознавал, как трудно захватить неуловимого разбойника, и не хотел тратить время и силы на подобные затеи.

– Но ведь князь Рюрик изловил Емильяна из Изборска, – напомнила Велемира.

– Ну там все не совсем так было... – усмехнулся Трувор, не закончив мысль.

– Ты слишком много трудишься, – похвалила Велемира, погладив мужа по голове. Дочь Гостомысла умышленно превозносила своего бездельника. Пусть он видит, что жена – единственный человек, который осознает весь груз, что лежит на его плечах. – Родной, но оставлять разбойника без внимания нельзя. Нужно вмешаться.

– Я знаю. У меня инда есть замысел, как застичь этого злодея. Но нынче не до того, – вздохнул Трувор.

– Что ты придумал? Поведай, – Велемира желала во всем принимать участие.

– Я думаю, нужно отправить часть дружины вместе с купцами. Или еще лучше, вместо купцов напихать в корабли гридей... Когда разбойники нападут, сразу их всех и перебить, – поделился Трувор идеями.

– Прекрасная мысль, родной, – похвалила Велемира. – Однако если позволишь дать тебе совет, я скажу вот что: не следует убивать их сразу, неизвестно где... Этот твой подвиг будет легко забыт. Нужно сделать так, чтобы народ славил тебя неустанно. Для этого ты должен захватить Ушкуя и придать его казни на глазах у всех. Лучше всего свершить это в канун какого-то праздника. Как ты знаешь, большинство торжеств происходят в зиму. Потому ты должен словить его до наступления холодов. А потом покарать негодяя на виду у всего честного люда. Кстати, день празднования зимнего солнцестояния подойдет весьма... – вдальбила Велемира.

– Я устал и хочу спать... – сообщил наместник в ответ на нравоучительную речь. А Велемира в этот момент разглядела его вполне. Со дня их знакомства он заметно изменился. Два года назад он выглядел как молодой парень, подтянутый, ловкий, затрудняющийся всякими пустяками, наподобие, принести воды и накормить лошадь. Тогда он был веселый и простой. С тех пор он стал другим. Теперь он дородный мужик, а не озорной молодец. Степенный и самоуверенный. С каждым днем в нем все меньше душевности.

– Я провожу тебя в опочивальню, – Велемира суежилась вокруг него, по своему обыкновению, хотя имелась прислуга. Высокие перины и пышные подушки были уже взбиты, а горница проветрена, что сулило приятный сон. – Кстати... Ярополк отбудет завтра? – негромко спросила княжна, расправляющая постель.

– Он хотел дожидаться Нега, но тот так и не пришел к нам сюда в Изборск. Так что Ярополк отбывает в Полоцк, но мы будем принимать его снова, как только сюда пожелает князь Новгорода...

– А полоцкая княжна отбудет вместе со своим дядей? – напрямую спросила Велемира смиренным тоном.

– Откеда мне знать? Спроси у Ярополка. Это он ее родственник, а не я, – отделался Трувор. А Велемире стало не по себе. Видимо, он не против того, чтобы та осталась.

– А разве возможно, чтобы княжна гостила здесь без своего дяди или брата? – спросила Велемира. Ответ, конечно, очевиден. Такого быть не может. Хотелось услышать это от него. Хотя его слова ничего не стоят!

– Наверное, невозможно... – Трувор принялся раздеваться, готовясь ко сну, который манил его пуше прочего.

– Странно, что после того случая на конюшне Ярополк не отослал ее... – подсказала Велемира. Ей хотелось снова подчеркнуть в глазах Трувора корыстную роль девушки.

– Немного странно, – согласился Трувор для приличия. – Ярополк хочет, чтобы я снабдил его войско оружием. Раз не могу пообещать поддержать дружиной... – Трувору захотелось обсудить это с Велемирой. Ни с кем из своих возлюбленных дев он не мог позволить себе беседы на подобные темы.

– Ярополк на все готов, чтобы добиться от тебя хоть чего-то, – принялась увещевать Велемира. – Если ты будешь внимателен, то заметишь дюжину тому подтверждений...

– Уже заметил, – махнул рукой Трувор. Как тут не заметить, если Желана полдня заливала про сулицы! И его, откровенно говоря, такое не обижает. Ведь она любит его, и к кому еще ей обращаться за помощью, если не к нему? Так что ничего странного, а любви это не мешает.

– Что бросилось тебе в глаза? – Велемира кое-как раздувала надежду внутри себя.

– Да неважно... Просто говорю тебе, чтоб ты не переживала: я все замечаю... – отделался Трувор. В душе он понимал, что Велемира единственный близкий ему человек, который искренен и не хитрит с ним. Она что-то вроде трехглавого Горыныча: надежный друг, заботливая матушка и влюбленная женщина. По крайней мере, если происходит что-то нехорошее, то она всегда поддерживает и помогает выправить положение.

Глава 5. Беглецы

– Хозяин, там такое! – запыхавшийся начальник стражи даже не успел поприветствовать Синеуса, столь срочным было сообщение.

– Что такое?.. – Синеус не смотрел в сторону коменданта, поскольку следил за подготовкой к обороне. Дружина заносила в донжон еду и воду – в главной башне запасы будут в безопасности: сейчас не то время, чтобы амбары стояли открытыми. Слишком много ртов, чьи аппетиты следует умерить.

А вокруг тем временем шла суматоха, слышались торопливые окрики, грохот, лязг, хлопанье, ругань, словом, все то, чего следует ожидать в преддверии осады.

– К мосту пришли жители, многие из них искалечены, они просят укрыться в поместье! Эйрик и его люди разоряют окрестности! – начальник стражи много жестикулировал, указывая в сторону города, где происходили бесчинства в этот самый миг. – Дан уже очень близко! К вечеру или ночи будет возле наших стен, как говорят жители!

– Что? – Синеус перевел вопросительный взгляд на начальника стражи, будто прослушав все то, что тот с таким жаром повествовал.

– Я говорю, жители прибежали к нам за помощью! Некоторым из них отрубили руки! Среди покалеченных есть даже женщины и девушки! Многим сожгли дома, им некуда идти! Люди Эйрика безобразничают в окрестностях! Что делать, хозяин? Открыть ворота?

– Руки им отрубили, чтобы они не могли сражаться и помогать нам, – заметил наблюдательный Льёт, вместе с Олегом помогающий Синеусу выстраивать оборону. – Но от этого меньше есть они не станут.

– Нельзя впускать их, – подытожил Олег.

Осада поместья была делом привычным и жестоким. Ничего неожиданного не имелось в том, что не всем находилось место внутри укрепленных стен. В то время, когда нужны бойцы для защиты, все прочие только мешают. Женщин, детей, стариков, увечных – нечасто впускали в цитадель, готовящуюся держать оборону. Кто знает, как долго враг намерен штурмовать укрепления... Возможно, еда внутри крепости закончится быстрее, чем терпение противника. А ведь никакой захватчик не настроен бросаться на высокие стены или гибнуть под градом стрел. Самое простое – оцепить город, обложив его со всех сторон, и морить голодом тех, кто надеется на мощь стен. Впрочем, стены поместья Синеуса, к тому же, не столь уж крепки. Выполненный из дерева частокол хоть и был обновлен в этом году, но не является чем-то непреодолимым.

– Господин, плохо дело! – голос слуги раздался в тот самый момент, когда Синеус уже был готов повторить свой приказ – никого не впускать в поместье. – Торвар вернулся из города с новостями...

Торвар был одним из самых искусных воинов Синеуса: опытным, беспощадным и удачливым. Эти качества в дружине викингов ценились немало. Но сегодня, кажется, фортуна изменила ему. По крайней мере, он шел к Синеусу, прихрамывая и держась за руку, где в районе локтя проступало на его одежде кровавое пятно.

– О, милосердная Эйр! Торвар, что с тобой?! – Синеус уставился на своего верного помощника, которого отправлял во главе небольшого отряда на разведку в город.

– Скверные новости... Эйрик не один пришел, очевидно. С ним много людей, – повествовал Торвар, иногда морщась от боли. Вероятно, он получил ранение в ходе своей вылазки. – И с ними осадные орудия... Видел требушет и таран...

– Камнеметательное – это плохо. Значит, они не думают ограничиться окрестностями, а собираются идти сюда на нас... – здраво рассудил Льёт.

– Откуда у них потребуешь?! – задался вопросом неприятно пораженный Синеус, хотя ответ в данный момент никто не мог бы дать.

– Откуда-то. Так и людей очень много... – напомнил Торвар. – Вероятно, Эйрик заключил с кем-то союз против нас.

– С кем?! – недоумевал Синеус. – Может, взял с собой братьев...

– Ну, по крайней мере, не своих. Там были урмань, – Торвар бросил взгляд на Олега – именно тот относился к норманнскому племени. – Как раз с ними мы и закусились. Всех убили, а я и Фрост успели сбежать.

– Хельги?! – Синеус вопросительно оглядел шурина, словно тот был в ответе за семью, которая его отвергла.

– Я ничего не знаю, – ответил принц просто.

– Если они с осадными орудиями, то там не только викинги... – желваки под скулами Синеуса нервно перекачивались. От таких новостей можно и удар получить.

– Может, им помогает раздосадованный король, которому Дорестаadt не подвластен, – предположил Льёт. – У твоего брата Рёрика немало врагов. А зная, что он в Новгороде, сюда могли прийти многие из них, желая разрушить эти его владения. Ради такого повода могли сплотиться даже те, кто слышат недругами.

– Так что ты сказал про норманнов, Торвар? – лицо Синеуса вдруг сделалось бесстрастным. В мыслях он уже пережил самое худшее.

– Я сказал, что у пристани напоролись мы на них, как лиса на рожон. И только я и Фрост смогли спастись, да и то бегством.

– Возможно, нам всем следует последовать вашему разумному примеру, – мрачно произнес Синеус, следя глазами за тем, как стража пытается сложить подъемный мост, давно поросший какой-то дрянью. Не так часто его поднимали в последнее время.

– Хозяин, что же делать с теми людьми, которые у ворот?! – волновался комендант. – Они кричат. Хотят зайти! Говорят, что им нужна защита своего сеньора! Тем более многие из них нам знакомы. Кузнец Юрген и его беременная жена, торговцы Вилли, Яков и Филипп с семьями, кожевник и...

– Пусть кричат, не до них теперь, – ответил Синеус, погруженный в глубокую думу, засосавшую его, словно тряпина.

– Если Эйрик пришел с тараном, то рано или поздно он проломит ворота... – предположил Льёт.

– Ворота хорошо укреплены, они усилены железом, – подчеркнул комендант.

– Ну тогда враг засыплет ров и проломит палисад...

– Тогда мы спрячемся в нашем бергфриде и переждем там трудные дни, – Торвар выразил уверенность, основанную лишь на расхожем мнении.

– Наши донжон не из камня, а из дерева, – напомнил Льёт. – Если враг захватит двор, то подожжет башню непременно. Внутри нее мы будем оставаться в безопасности лишь в том случае, если Эйрик не перейдет ров.

– Дерево башни обжигали, оно не должно гореть, – возразил Торвар.

– Оно загорится рано или поздно, – повторил Льёт. – Но даже если по какой-то причине оно не будет сразу полыхать, то враг может просто сломать башню.

– У нас много стрел, мы будем выпускать их во врага, когда он станет подбираться к нам! – настаивал Товар, изначально нацеленный на битву.

– Рано или поздно стрелы закончатся... – Льёт не собирался сдаваться в этом споре.

– Что делать, хозяин?! – комендант смотрел на Синеуса вопросительно, как и все остальные. – Разве можно бросить наших людей за воротами... Некоторые из них истекают кровью, им нужна помощь...

В таком положении крайне трудно собраться с мыслями: ведь звучит много мнений, советов и слов, порой противоречащих друг другу.

– Нельзя терять времени, говори, что нужно делать, – торопили Торвар и Льёт.

– Откуда я знаю, как правильно... – Синеус только сейчас понял, что впервые оказался в столь сильном затруднении, из которого неясно, как выбраться. И никто не знает. Они все ждут, чтобы он принял единственное верное решение и был бы ответственен за последствия. Но ведь он не провидец, чтобы предугадать будущее.

– Решай, Синеус, – подгонял Олег.

Худшее, что может постигнуть начальствующее лицо – это сомнение. И правда, итог никогда никому неизвестен. Но главарь не должен колебаться, принимая решение. Иначе он уже не тот, за кем можно следовать. И пусть лучше он трижды ошибется, чем дрогнет и выкажет слабость или незнание и растерянность. И Синеус почувствовал это, когда в смотрящих на него глазах тоже стали зарождаться сомнения, только уже совсем иного сорта: тот ли он человек, которого следует слушать и за коим надлежит идти, он сам-то знает верную дорогу?!

– Мы поступим следующим образом... – Синеус быстро взял себя в руки, прогнав слабость, что сковала его при получении дурных новостей. – Мы впустим тех беглецов, которые жаждут спрятаться здесь в поместье...

– Да как же?! Сюда тогда хлынет весь город, и мы помрем с голоду быстрее, чем Эйрик разобьет лагерь! – принялся возмущаться Торвар. Его поддержали и другие голоса. И в этом не было ничего удивительного: места в замке мало. – Тут кошек, собак и крыс на всех не хватит, если пускать кого ни попадя. Дойдем до того, что будем съедать друг друга?!

– На стене мы вывесим щит, как символ того, что сдаваться не собираемся... – Синеус говорил медленно, поскольку обдумывал план действий, который родился одновременно с его речью. – Выполний, Люис... – приказал Синеус коменданту. И тот радостно бросился претворять в жизнь полученное распоряжение, так как и сам желал укрыть своих знакомых и прочих горожан от внезапной беды.

– Я не разумею тебя, – провозжая взглядом торопливо удаляющегося коменданта, Торвар высказал то, что чувствовали и другие.

– Сейчас уразумеешь... – продолжал Синеус, стиснув зубы. – А когда наступит ночь, мы тайком покинем поместье через подземелье и выйдем к реке. Даже если враги будут возле наших ворот к вечеру, они не станут тут же бросаться на стену. Они должны будут соорудить какие-то укрепления, может, вал или подобные заграждения, хотя бы на расстоянии действия их осадных машин... И за это время мы успеем отплыть далеко.

– То есть мы оставим город?! – Торвар был настроен сражаться, но не бежать.

– Мы оставим город, чтобы самим не остаться под его обломками навсегда... – подтвердил Синеус.

– Отменный план, – поддержал Олег, которому тоже было ясно, что сидеть в осаде равносильно самоубийству в данном случае. Поместье не слишком хорошо укреплено, при должном умении и среднем рвении врага оно окажется разрушено. Это лишь вопрос времени. Причем не столь отдаленного.

– Нужно забрать из башни оружие и припасы, – сообразил Льёт.

– А в башню тогда отправить тех, кто желает тут спрятаться! – озарился Торвар хитрой придумкой, наконец, оценив план своих собратьев. – Будут сидеть в ней и обороняться от Эйрика, колодец у них там есть, так что, может, еще и отобьются, – Торвар присоединился ко мнению большинства, отказавшись от желанной поначалу обороны.

– А самое главное, видя, что в башне кто-то есть, Эйрик не сразу догадается, что это не мы, и не пустится в погоню за нами. Мы выиграем время, – подытожил Синеус.

– Мы оставим им какое-то оружие? – поинтересовался Олег, подразумевая тех несчастных, которые спрячутся в башне.

– Оставим, но немного. Долго обороняться они не смогут. Но, с другой стороны, они должны обороняться хоть какое-то время, чтобы задержать Эйрика.

– Что ж... А после того, как мы доберемся до драккаров... Куда путь будем держать?

– Есть только одно место, куда мы можем теперь отправиться...

– Сын, надень эту телогрею, ветер промозглый... – Умила принялась обряжать задумавшегося Синеуса, прогнав прочь подступившие к нему воспоминания.

– Матушка, боюсь, я не уберег города, – уложив локти на борт драккара, Синеус угрюмо смотрел на бесконечную синюю гладь холодного утреннего моря. В парус задувал ветер, словно желая поскорее и подальше унести правителя от тех берегов, на которых тот потерпел поражение.

– Ты и не смог бы, – успокоительно заметила Умила, стоящая рядом с сыном на борту корабля. На ней было простое платье, отнюдь не такое, какие она носила обычно. Помятое, темное, из грубой, но зато теплой ткани. Волосы не были уложены в прическу – собранные в небрежный пучок, подвязанный пенькой, они, кажется, еще больше поседели за последние дни. Плавание на таком судне было сопряжено со многими трудностями и неловкостями, нередко ломающими даже молодых крепких мужчин. Но княгиня-мать была готова к путешествию и жаждала его. Главное – найти на корабле хоть какое-то место, где можно устроиться более или менее удобно. И она нашла его: на носу судна, где открывался захватывающий дух вид. Разрезающий ледяную гладь моря драккар несли по хрустальной воде, словно сокол по небу. Кроме того, викинги, часто занятые греблей, большую часть времени сидели лицом к корме, то есть спиной к Умиле, что устраивало ее вполне. К тому же специально для нее тут был установлен хоть и небольшой, но зато отдельный шатер из парусины – шерстяной ткани, пропитанной жиром. Умила умела переносить нечто неприятное, если это необходимо. И нынешнее плавание давалось ей сравнительно просто, на удивление. Она умудрялась и отдохнуть и исполнить те свои нужды, которые могли бы показаться неприемлемыми в подобных условиях и компании. Однако в отсутствии выбора быстро привыкается даже к суровой данности.

– Значит, ты сомневалась во мне с самого начала?! – удрученный все последние дни Синеус понял ее высказывание именно так. С того момента, как они покинули осажденный город, сын Умилы неустанно размышлял о своем провале, то и дело погружаясь глубоко в себя, вспоминая каждое слово, каждый вскрик, стук, лязг.

– Нет, я не сомневалась в тебе. Я сомневалась в Дорестаде, – пояснила Умила, глядя на будто выплывающее из вод солнце, которое сегодня дарило силы и надежды. – Мы с твоим братом давно предвидели сей грустный конец этого града... Дорестадт был обречен с самого начала. Река теряла свою силу, и он вместе с ней. Это был лишь вопрос времени: захахнет ли селение самостоятельно или же его разрушат викинги.

– Не знаю, что и лучше, – Синеус был недоволен тем, какими оказались последние дни Дорестада, недоволен самим собой и недоволен тем будущим, которое видел для себя.

– Без разницы, – покачала головой Умила, не сводя глаз с полосы горизонта, за которой тонули облака. – Он недостоин нашего рода.

– А какой достоин? Новгород, что ли?! – усмехнулся Синеус.

– Да, Новгород достоин, – подтвердила Умила серьезно. – Знаешь в чем разница между Новгородом и Дорестадом?

– В том, что одного из них уже не существует, – мрачно отозвался Синеус, вспоминая дым пожаров, пришедший с севера и подползший к его воротам. Отплывая на кораблях, Синеус видел, как вдалеке вспыхнул старый донжон – самая крепкая башня его поместья, в которой, по замыслу зодчего, должен был находиться он сам, то есть сеньор, и его приближенные. Отрадно,

что он, находчивый сын Умилы, быстро передумал переживать натиск врага в сей уязвимой цитадели.

– Дорестагт – это никчемный городишко. Городишко-слуга. Он обслуживает купцов, покупателей, бродяг, блудниц, моряков, их корабли... – надменно произнесла Умила. – А Новгород – это сила. Град-победитель. В нем живут воины, а не торговцы специями и чинильщики чужих лодок. Этот город основан великим Словеном, самым могучим из всех славянских князей.

– Ах да, я забыл, у тебя же славянские корни, которыми ты гордишься. Но только вряд ли Словен был твоим предком, – засомневался Синеус.

– Словен был и моим и твоим предком, сын. Потому как все славянские народы – ветви одного дерева, – наставительно заметила Умила.

– Недружные колючие ветви терна, – усмехнулся Синеус.

– Среди родственников так часто случается, что нет мира. Но от этого они не перестают быть близкими друг другу. Даже внутри одной семьи возможны распри, что уж говорить о народах... – вздохнула Умила. – Так что не столь важно, к какому роду и к какой ветви принадлежим я и ты.

– Но родственники не всегда мирятся, – заметил Синеус.

– Всегда. Когда приходит беда, они поддерживают друг друга...

– И ты полагаешь, Новгород поддержит нас теперь в той беде, в которой мы оказались? Станет для нас домом, который нам не придется вскоре покидать?

– Разумеется. Ведь, выходит, земля Новгорода нам не чужда, хоть мы никогда там и не были, – вывела Умила. – Осталось только одно значимое препятствие, которое нам надобно обойти...

– Какое же? – Синеус сдвинул брови, пытаясь понять, что еще может случиться такого ужасного, сравнимого с тем, что уже произошло.

– Успеть достичь Новгорода до наступления холодов, – ответила Умила с умиротворенной улыбкой. Ей было безразлично то, что случилось с вверенным ей Дорестагтом. Ее не трогали судьбы жителей. Она не оглядывалась на грустные события, а смотрела вперед, предвкушая нечто приятное и новое, ждущее ее впереди в городе Гостомысла. Ветер играл в ее посеребренных волосах, солнце светило в глаза, и ей казалось, что она снова молода и полна сил.

Глава 6. Гости, гости

Этот осенний вечер в Новгороде выдался тихим и теплым. Деревья сменили свой окрас с сочного изумруда на восковой янтарь. И хоть до зимы было еще далеко, но уже чувствовалось приближение холодов: грустно завывал ветер по ночам, а утром на дорогах стояли лужи. Васса сидела у распахнутого окна и наблюдала малиновый закат. Скоро должен явиться муж – боярин Мирен. Он всегда приходит на закате дня.

Будет ложью утверждать, что Вассе плохо живется. Очень даже хорошо: раздольно и легко. Ни полевых, ни скотных работ, никаких поборов в казну – вообще-то, поборы были, только это все забота Мирена, а не ее. Сам боярин оказался добрым мужем, не обижал и не притеснял молодую супругу. Собственно, потому-то Васса и вышла за него замуж – он с самого начала виделся ей подходящим супругом. Если бы не Мирен, Вассу ждала бы незавидная судьба селянки-общинницы, приневоленную все жизнь не покладая рук работать на славу государства. Ведь на плечи женщины ложатся не только хлопоты о своей семье, о возвращении урожая, уходе за животными, ткачеству, шитью, но и различные повинности. Если, к примеру, правителю вздумается строить флот, то парусину будут ткать селянки и княжеская челядь. И это независимо от наличия у женщин свободного времени. Успевай, когда хочешь. Тяжело жить без заступника, тем более в простом семействе, зависимом от какого-то сурового неведомого владыки, обретающегося где-то там в детинце... Только и знай, что готовь дань к сроку. И Васса понимала, что ей повезло. Не каждая зевает у окна целыми днями, особенно имея малое дитя. Итак, все вроде бы благополучно... Но нет. Благодарности за достаток и попечительство недостаточно для счастья. И Вассе нередко становилось не по себе от все чаще одолевающих ее голову мыслей, выражающих всего одно чувство – нелюбовь. Мирен заботливый и добрый, щедрый и спокойный. Но что поделать – несимпатичен он ей, неинтересен, как унылый осенний небосвод. А не сам ли он, покладистый боярин, виноват, вообще? Ведь после свадьбы он переменился: и прежде ровно горело пламя его страсти, а теперь и вовсе стихло. Он больше не восторгался Вассой так, как ей того требовалось. Не нахваливал ее нарядов, не одаривал бесчисленными отзывами о ее красоте. Будто привык к ней. Не ласкался неустанно, как прежде. Мог легко спать в одиночестве, если Васса удалялась на посиделки или даже в клеть, где в жаркую пору было прохладнее, чем в опочивальне на южной стороне. При этом, безусловно, он любил жену и считал их союз счастливым. А Вассе тем временем недоставало внимания и восхищенного мужского взгляда.

Погасив последнюю свечу, Васса нырнула под ложник – шерстяное одеяло, сотканное свекровью. Спящий Мирен даже не пошевелился. Он очень устал за день, а сытный ужин, видимо, отнял последние его силы.

– Ты спишь? – прошептала Васса, ласково коснувшись носом шеи мужа. Возможно, она не чувствует к нему жгучей любви потому, что он мало уделяет ей внимания. Вот если бы он был чуть горячее, чуть более заинтересованным в ней в моменты, когда на город сходит ночь. Пущай бы она, любящая понежиться на перине Васса, не выпалась к утру, но зато была бы, может, хоть довольна.

Ответа на сей каверзный вопрос боярыни не последовало. Насупившись, Васса вздохнула и повернулась на другой бок, желая зреть темнеющий дверной проем, а не почивающего супруга, иногда издающего храп.

Вассе снились самые нуднейшие сны: какие-то хлопоты, младенцы, пеленки и в конце всего – синяя стрекоза, легкомысленно и беззаботно парящая над бурными водами, готовыми накрыть ее каждой очередной волной.

Ночью проснулся ребенок. Васса крепко спала, но громкий плач разбудил ее. Поначалу она и не думала подниматься: молоко у нее давно иссякло, так что кормилица из прислуги теперь успокоит чадо. И все-таки такого не произошло: женщина делась куда-то, может, на двор вышла. Как бы там ни было, Вассе пришлось самой успокаивать вопящее дитя.

– Ну где ты ходишь? – отругала боярыня, появившуюся уже к рассвету кормилицу. – Голодное же дитя, плачет...

Вручив ребенка няньке, крепко не выспавшаяся и оттого сердитая Васса двинулась обратно в ложницу. Сон сморил ее крайне быстро, она даже не успела ни о чем подумать. За окном еще было сумрачно, но постепенно постройки проявлялись, выползая из темноты бледными унылыми образами. Скоро солнце взойдет.

Долго поспать не удалось. Вассе показалось, что она вообще вот только закрыла глаза, и тут ее уже будят. Рука Мирена гладила ее грудь, чего Васса не любила. Ее белые перси часто бывали болезненны: то перед грядущими женскими днями, то от волнений или холода. С удовольствием Васса бы приняла, если б Мирен свел свое внимание на иных участках ее тела, менее капризных, но зато более чувствительных. Но он почему-то всегда поступал одинаково, хотя она не раз давала ему понять, что ей по нраву.

Если бы Мирен пошел по тому же пути, но только вечером, Васса обрадовалась бы и такому. Но сейчас она столь сильно хотела спать, что подобные ухаживания вызывали у нее лишь раздражение, намешанное на бессонной ночи. С другой стороны, правильно ли отвергать и без того не слишком бойкого мужа?

Сквозь сон Васса исполнила супружеский долг, как мучительный подвиг, предварительно испытав пучок неприятных ощущений. Ее в сей час далекое от страстного вожделения тело не было готово даже к простым действиям супруга. Она почувствовала себя неповоротливой ступой, в которой упрямым пестиком толкут иссохшее зерно. Не проснувшись до конца и злая уже Васса была только рада, когда муж закончил с ней.

Утро выдалось безмятежным и приятным. К завтраку Васса забыла злоключения минувшей ночи и за накрытым столом слушала рассказы мужа, который после трапезы собирался в город. Осенняя пора всегда сопровождалась хлопотами.

– Сегодня позже буду, пойду посмотреть, как заготовки делаются, – объявил Мирен, допивая кипрей с медом и молоком, дающий необычайную сытость. Этот напиток Васса придумала сама еще в голодные дни. – В прошлый раз бочки плохо просмолили, и испортилось все, до весны не долежав.

– Ага, – зевнула Васса, потянувшись к горячим румяным блинам. Тут же стояла кадочка с клюквой в меду. Ничто так не радовало боярыню, как плотная трапеза, особенно утренняя.

Мирен надел шапку и вышел на улицу. Сидящая у окна Васса провожала его взглядом, дожевывая блинчик. Словно почувствовав на себе ее взор, Мирен обернулся.

– Дорогая... – с улицы помахал жене рукой Мирен на прощание. Разумеется, боярыня ласково кивнула в ответ. Поправила косы и шаль по привычке. То есть без того рвения, коим охвачена по-настоящему влюбленная женщина. Без интереса проходила жизнь Вассы. Без былого огня улыбались ее глаза. Скука...

Был вечер. Смерклось. Воздух благоухал спелыми яблоками и скошенными травами. Постепенно этот аромат исчезает, а на смену ему приходит запах грибов, дождей и мокрой листвы. Сегодня на улице звучат негромкие песни: новгородцы выходят на прогулку. Еще много работ нужно успеть выполнить до зимы, но можно и чуть отдохнуть.

Расположившаяся на лавочке Дива вышивала, украшая подол платья широкой полосой обережного орнамента. Получалось красиво и аккуратно – хоть чему-то она научилась, сидя возле Умилы почти целый год. А в родном доме за что ни возьмись – все отрадно. На столе

стояла горячая канопка с иван-чаем, по вкусу которого Дива так истосковалась. Горели свечи, потрескивая время от времени и напоминая о том, что пора готовиться ко сну. Но Дива хотела дожидаться Рёрика. Он отсутствовал весь день, значит, скоро должен быть.

Раздался стук в дверь, и радостная Дива поспешила открыть, поправляя на ходу платье. Однако вместо ожидаемого мужа на пороге стояла сестра – Роса иногда навещала Диву, но всегда это случалось повечеру, под покровом темноты. Жена тиуна избегала показываться людям на глаза в дневное время. Но даже выходя в сумерках, тщательно скрывала себя – на ней отныне теперь был полог, прикрывающий лицо.

– Роса, как хорошо, что ты пришла ко мне, – Дива встретила сестру с улыбкой. – Проходи... Мне как раз так одиноко сегодня.

– Я ненадолго, – Роса убрала с лица полог, спускающийся с ее кокошника и скрывающий ее от настырных взглядов. – Ищу Арви. Не знаешь, где он может быть?

– А что его искать? Наверное, он на пиру в честь тех варягов, которые прибыли к Негу... – ответила Дива, убрав рукоделие в корзинку. – Роса, ты так и будешь скрываться от людей? Это уж слишком.

– Я не хочу, чтобы обо мне судачили. Пусть не видят меня совсем. Я уже побывала на этом пиршестве, и Арви там нет, – чело Росы было нахмурено, что говорило об озабоченности какой-то думой.

– Тиун – человек занятой. Наверняка дает распоряжения о пире или еще о чем-нибудь, – предположила Дива, привыкшая к тому, что зять везде сует свой крючковатый нос. – Али, может, в гридницу просители пожаловали. Он любит вершить чужие судьбы.

– Да поздно уже для посетителей. И была я там только что, стража сказала – нет там никого, – Роса не знала, что и думать. – А ты зачем не на пиру, а здесь одна коротаешь?

– Нег сказал, что женщинам на таком застолье не место. Эти варяги совсем буйные. Даже хуже тех, что прибыли с ним два года назад к нам в Новгород... – вздохнула Дива.

– Да, это, кажется, правда. Вот только женщины там присутствуют. Как раз среди прибывших. Я двоих видела. Одеты они совсем не по-людски. В шкуры и кожи. Головы их не покрыты, а сами они обвешаны оружием, словно мужчины. Но знаешь, они и прикрасы на себя нацепили, хотят нарядными быть, – подчеркнула Роса ревниво.

– Ну что ж... – пожала плечами Дива. – Мало ли кто там прибыл с женами.

– Не похоже, что это чьи-то жены. По крайней мере, в присутствии супруга так не ведут себя, как они, – заметила Роса, преисполненная подозрительности. Кто знает, сколько этих прибывших женщин на самом деле и где теперь Арви...

– У каждого народа свои обычаи, – пожала плечами Дива. Время, проведенное в Дорестадте, пошло ей на пользу. Она увидела и узнала много нового и теперь могла судить о чем-то уже с высоты приобретенного опыта.

– Одна из них возле твоего князя так и трется, не отходит от него ни на шаг, – вдруг сообщила Роса.

– Как это... – благодушное настроение Дивы будто смыло осенним дождиком.

– Она возле него уселась и так и жметесь к нему. Бесстыжая. Клянусь, прялкой Макоши, такой непристойности и помыслить невозможно! – Роса считала своим долгом доложить сестре о том, что видела. – Все лезет да руки свои к нему так и тянет, я сама видела.

– А он что?! – еще совсем недавно Дива была безмятежна, словно звездное небо. Но Вольна оказалась права хотя бы в одном – не будет теперь покоя.

– Ну не отгоняет же он ее... – видя, что последние слова расстроили сестру, Роса решила сменить предмет беседы. – Ты знаешь Гудрун?

– Домоправительница, – подтвердила Дива, настроение которой испортилось.

– Я узнала, что она служанка Умилы. Будь с ней осторожна, – предупредила Роса. – Не доверяй ей.

– Можно было бы догадаться... – Дива сейчас не могла думать о какой-то Гудрун.

– Возможно, Умила отправила ее сюда с тем, чтобы она как-то навредила тебе, – Роса не собиралась отступаться от задуманного замысла: Гудрун ей давно уже не нравилась, точнее то, что та часто бывает возле Арви. – А что если ее выдать замуж? Чтоб она совсем с дворища ушла. Пушай попробует тебе напакостить, живя в городе!

– Я пока не думала о таком, – голову Дивы захватили думы о Рёрике и той неведомой женщине, о которой красочно рассказала Роса. Она сама, княгиня Новгорода, сидит тут в своем тереме, занятая какой-то ерундой, пока там вон что делается.

– Скажи князю – пушай выдаст ее поскорее замуж за какого-то гридя, но который не здесь живет, не на дворище, – упорствовала Роса. – Или лучше вообще куда подальше вышлет.

– Да, ладно, хорошо... – рассеянно ответила Дива, начавшая одеваться в уличное платье.

Моросил дождь. А покрытая сладкой ночной дремой гридница стояла погруженная во тьму. Ее ставни были плотно закрыты. Со стороны казалось, что никого нет там в такой час. Однако на самом деле там звучали приглушенные голоса, силящиеся остаться не услышанными.

– Мира и Гудрун, будьте внимательны и собраны, – Арви оглядел двух женщин, в свое время присланных ему на подмогу. Вызвав их на совещание, он приказал страже никого не впускать в гридницу, ибо не нужно, чтоб его самого и этих служанок видели вместе, плетущих интригу. – Настал момент, когда вы должны доказать свою верность нашей госпоже и расправиться с ее отвратительными врагинями.

– Да что мы можем сделать? Обе они под охраной, к ним не подобраться, – затянула Мирана нудным тоном. Подосланная служить Диве, она никогда не забывала, кто ее истинная госпожа – Умила, в доме которой она воспитывалась с детства. И все-таки Мира привыкла к своей новой жизни. Ей было намного труднее в Дорестадте, где Умила отдавала ей распоряжения подчас рискованные и неприятные. Будучи бойкой и хорошенькой на внешность, Мира то и дело направлялась княгиней-матерью ублажать каких-то важных гостей или выполнять нечто опасное, где нужны смекалка и решимость. Привыкшая к тому, что ее телом распоряжается госпожа, Мира только в Новгороде ощутила себя свободной. Новое имя будто даровало ей новую жизнь. Мира помогала в тереме Дивы, нянчила ребенка и была довольна тем, как нынче складывается ее судьба. И все же имелось обстоятельство, крепко привязавшее ее к Умиле и напоминавшее о том, что новое имя и новая жизнь лишь яркая подделка подлинной монеты, истертой и нестоящей.

– Мы все сделаем, тиун, толкмо прикажи, – Гудрун не сводила с Арви преданных глаз. С самого первого дня как он уехал в Изборск вместе с Росой, Гудрун ждала его возвращения. И когда он вернулся, она была счастлива вновь быть полезной этой умному человеку. Она уже не считала себя равной ему, а полагала его намного выше себя. Кроме того, она заметила, как переменялся тиун после возвращения. Надо думать, сие связано с теми приключениями, которые произошли у его жены с наместником в Изборске – об этом теперь столько сплетен. Арви стал мрачен, много молчал и редко шутил. Раньше он был другим: остроумным, жадным до того, что происходит вокруг. Говорят, он простил Росу. Но, кажется, счастливее от этого не стал.

– Между Дивой и нашей княгиней произошло нечто дурное в Дорестадте, – объяснил Арви своим слушательницам. В письме, которое прибыло в Новгород вместе с Дивой, Умила не решилась описывать историю с Эйриком. Но Арви умел читать между строк и понял главное, хоть и не предполагал всех подробностей. – Наша княгиня Умила хочет, чтобы Дивы не стало. Но и Вольна тут ей не нужна.

– Дива всегда оберегается. Князь приказал стеречь ее день и ночь – отозвалась Гудрун. – К Вольне нынче проще подобраться. Может быть, устроить ей несчастный случай?!

– Напряги свой ум, Гуд! Случай должен быть наоборот таким, чтоб нитью вело к Диве... – это был первый раз, когда Арви назвал Гудрун ласковым именем. – В тот раз с кинжалом Лютвича удачно получилось... Да что теперь вспоминать! В грядущей беде также обвинить должны Диву. И таким образом, мы одной стрелой сразим две цели.

– Так чего же мы ждем? – Гудрун была готова действовать.

– Мы ждем подходящего часа. И я думаю, он наступил. Наш князь и дочь Гостомысла были неразлучны многие дни. Но постепенно эта любовная болезнь пошла на спад. Государь вернулся к делам города. И это хорошо. Когда мы предъявим ему обвинения против Дивы, он должен принять их с холодной головой. В то же время положение Вольны становится все более опасным, подходит срок родов. Мира, ты сходила к той ведунье, у которой любит бывать Дива?

– Сходила. Давно уж. И запросила отраву от имени Дивы, как и было велено тиуном, – ответила исполнительная Миравы, не имеющая возможности ослушаться Арви.

– Теперь нужно добавить эту отраву Вольне в еду. Пусть она умрет. А когда это случится, мы укажем на Диву, как на виновницу. Потому как больше никому такого здесь не надобно, кроме нее. А в доказательство представим эту ведунью, которая подтвердит, что Дива присылала к ней служанку за ядом.

– И эта служанка – я, – недовольно заметила Миравы.

– Тебе ничего не будет. Ты скажешь, что не знала, за чем именно Дива отправила тебя к ведьме. Ты лишь доставила те снадобья, которые твоя хозяйка тебе велела... – объяснил Арви. По большому счету, судьба Миравы ему была неважна. Даже если ее накажут вместе с дочкой Гостомысла, то, может, оно и к лучшему. Хотя с другой стороны, некоторым она известна еще по Дорестаду как служанка Умилы, нельзя чтобы за ней имелась прямая вина, указывающая на то, кто в действительности отдал ей ужасающее веление. – Выполни то, что от тебя требуется, Мира, и твое самое заветное желание будет исполнено нашей единственной госпожой, – неожиданно посулил Арви.

Гудрун изумленно оглядела Арви, словно не веря его словам. Очень важным.

– Тиун, ужели?... – опешила Мира, в глазах которой засияла робкая растерянность. Она привыкла исполнять приказы Умилы, ничего не требуя взамен, а только надеясь. И тут вдруг он сам говорит об определенной награде за ее службу.

– Да. Но Вольна должна умереть, а подумать должны на Диву, – повторил Арви. – Справишься?

– Справлюсь, – решительно ответила Мира, оживившись. – Токмо вам с госпожой я предана. Не сомневайтесь во мне. Я жизнь готова отдать за нашу повелительницу Умилу!

– Как мне не сомневаться, когда я слышу от тебя токмо пустые обещания? – укорил Арви. – А ведь ты уже очень давно при Диве.

– Да как же так, тиун? А разве не я раскрыла про разбойников и Есения? – напомнила Миравы. Действительно, именно она рассказала Арви о той истории, а тиун в свою очередь поведал о ней князю. Так и вылезли на свет проделки Дивы и Есения.

– Это было давно. Хотя, вестимо, и ценно... – смягчился Арви. – Ты с нами уже много лет. Прибыла вместе со мной из Дорестада. И за все время ни разу не подвела меня. Все верно. Но сейчас момент особенный. Очень ответственный. Если мы сделаем что-то не так, то все пойдет крахом. Княгиня Умила не дает нам права на ошибку.

Когда Миравы ушла, Арви и Гудрун остались в гриднице вдвоем: сегодня тут никого больше не было, поскольку все гриди отправились на пир. Собственно, поэтому тиун и выбрал это время для того, чтобы посоветоваться со своими помощницами.

– Мое долгое отсутствие на пиру уже могли заметить, я должен вернуться и быть возле князя, – Арви встал из-за стола. Он улизнул с праздника умышленно – чтобы тут увидаться со своими подельницами вместе, пока все уши пируют.

– А вдруг Мира предаст нас? – Гудрун не верила никому, этому ее научила жизнь. – Мира – хитрая. И все делает с умыслом. Да и в тереме ей недурно живется. Может, она уже перешла на сторону Дивы?

– Да, Мира как сыр в масле катается. Однако не забывай, она не может думать только о себе одной. И потому подчинена нам, – Арви не сомневался в том, что Мирава не дернется с того поводка, на котором ее крепко держит рука Умилы.

– Не верю я ей, – повторила Гудрун. – Она говорит о преданности, а служит нашей княгине Умиле лишь из страха и по принуждению.

– А ты? – поинтересовался Арви, глядя на Гудрун. Сегодня он обнаружил, что скучал по ней, точнее, по ее верной службе. В Изборске ему приходилось делать все самому, и ни на кого нельзя было положиться. Конечно, там имелся желтоглазый змий Орм – его давний приятель, с которым они сдружились на службе у Умилы еще в Дорестаде. Но Орм все-таки не слуга, чтобы выполнять мелкие поручения. А этой женщине Арви может доверить любое щекотливое дело, которое ему самому не пристало выполнять.

– А я только одного хочу – тебе помогать во всем, тиун, – неожиданно прямое признание Гудрун было приятным для Арви. Он помнил, какой дерзкой и непослушной она была поначалу, как спорила с ним и перечила на каждом шагу.

– Я рад слышать, что ты верна своим обязанностям, – сдержанно ответил Арви, направляясь к выходу.

– Я хочу сделать тебе подарок, – вдруг произнесла Гудрун, остановив Арви уже у дверей. – Он, конечно, недостоин тебя. Но я буду рада, если ты примешь его, тиун...

– Подарок? – Арви удивленно вскинул левую бровь вверх. Ему часто делали подношения, учитывая его должность. Но это ведь другое.

– Оберег, – Гудрун достала из рукава небольшой кожаный мешочек на таком же шнурке. Внутри мешочка, вероятно, и находился упомянутый амулет.

– Ты веришь в колдовские талисманы? – Арви был настроен скептически ко всему тому, чего не мог объяснить. И был убежден, что любому явлению находится разумное толкование, даже если оно неявно.

– Я верю, – подтвердила Гудрун. – Прошу, прими... – женщина протянула свой дар удивленному тиуну.

– Что ж, благодарю за заботу... – Арви принял сей дар, хотя изначально, кажется, не собирался этого делать. Улыбка тронула его строгие губы. Достав из ладанки кожаный амулет, оплетенный тисненными узорами, словно паутиной, тиун озадаченно повертел его в руках.

– Пушай он защищает тебя в тяжелые дни... – пожелала Гудрун.

Чтобы заполучить сей амулет, Гудрун пришлось немало постараться. Она верила в силу только тех оберегов, которые носили на ее родине. Потому ей пришлось искать женщину, которая сможет изготовить подобную вещь. Такая мастерица нашлась – ею оказалась жена одного из варягов, пришедших сюда вместе с Рёриком. Она владела не только тайными знаниями, необходимыми для изготовления оберегов, но и искусством тиснения по коровьей коже – узоры, оставленные ее рукой, держались долго и были красивыми. Когда мастерица спросила, какой оберег нужен посетительнице, то Гудрун ответила, что на приворот. Чародейка тогда не удивилась: в отличие от мужчин, женщины чаще всего приходили именно по любовным вопросам. Изготовив приворотный талисман, чародейка отдала его Гудрун и велела сделать так, чтобы задумываемое лицо не расставалось с ним.

Осенние вечера вполне подходят для того, чтобы пировать под открытым небом: пока еще не так зябко и не задувают беспрерывно пронизывающие ветры. С приходом холодов подобное застолье станет мало возможным и неудобным. Сегодня на княжеском дворце горели пламенники, затмевающие свет звезд и луны. На этом празднике, помимо еды и застоль-

ных бесед, имелось много развлечений. Прибывшие гости были охочи до веселья. Звучали боевые песни и грубый смех. В перерывах между блюдами некоторые приглашенные пускались в пляс под звон гуслей – кружились, раскачивались, прыгали, словом, кто во что горазд. Не обошлось без игр и состязаний. Особенно ярким оказалось соревнование по метанию копья – но с приходом сумерек пришлось завершить это испытание, из которого победителем вышел новый гость – известный метатель копья – Гейрхард Длинноносый. Нос его, действительно, имел значительный размер, но руки его были куда длиннее обычного. Наверное, потому он и бросал копье дальше всех. Его необычайная ловкость даровала ему уважение среди соотечественников, и однажды он сделался воеводой.

– Если б я только мог помыслить, что ты толико успешно тут устроился, я бы не заиливал свой драккар мутными водами Рейна! – Гейрхарду явно понравился Новгород и все, что предстало пред его очами в этом граде. – Может, ты и меня каким-нибудь князем сделаешь, коли тут ты великий правитель?! – Гейрхард был не из робкого десятка, о правилах поведения не слышал, искусством беседы не владел. – Мне сойдет и небольшой городишко! Ну или хоть дюжину деревенок подари мне и сестрице... – из других уст сие предложение звучало бы как дерзкая шутка, но Гейрхард был серьезен. Он полагал, что достоин подобных подношений.

– Ты забыл, я звал тебя с собой сюда, – напомнил Рёрик. Гейрхард был не из тех, кого он относил к числу своих близких друзей. Однако в поход на Новгород Рёрик, и правда, приглашал метателя копья пойти вместе с собой – ведь в тот момент была важна любая помощь. Но Гейрхард тогда отказался.

– Ну так чего мне было идти с тобой? Ты и сам справился вполне! – расхохотался Гейрхард.

Среди викингов было распространено хвастовство, как нигде. Хвастались своими боевыми навыками, красивым оружием, быстрым конем и, разумеется, нахваливали привезенные подарки.

– Твой меч всегда был самым острым, и я решил, что лучше мне не найти, – обратился Гейрхард к Рёрику, сидящему во главе огромного стола, за которым когда-то пировал Гостомысл. – Я долго спрашивал себя, чего может не доставать у владыки славянских земель? Кажется, в этих краях имеется все... И тем не менее я нашел тот дар, которого тут не сыскать! – гость подал знак, и трое викингов принесли каждый по два плоских деревянных ящика в пядь высотой и поставили их один на другой.

– Что же там может быть?... – для порядка изумился Рёрик, который на самом деле имел все, что нужно и ни в чем не нуждался.

– Сейчас я явлю твоим очам содержимое... – Гейрхард подошел к башенке из ящиков и открыл крышку самого верхнего. Наружу вырвался аппетитный запах чеснока и каких-то приправ. – Лардо... Лучший вкус, какой ты когда-либо пробовал!

– Что там? – послышались заинтригованные голоса гостей.

– Сальдо! Как вкусно пахнет! – догадался кто-то.

– Незаменимо в плавание или походе. Но и тут в тишине твоих теремов, быть может, окажется полезным, – Гейрхард отбросил в сторону край льняной ткани, в которую было завернуто белоснежное сало с тонкими розовыми прожилками. Аромат чеснока и рассола впитался в ткань и древесину ящика, отчего блюдо казалось только еще заманчивее для едоков.

Подарок, привезенный гостями, тут же подали к столу, вызвав новую волну аппетита у пиршествеников.

– Как ты знаешь, самый вкусный жир солят возле Рейна, хотя в Дорестаде тоже справляются с этим стряпаньем весьма успешно, – продолжал Гейрхард уже тогда, когда застольщики принялись отведывать заморский дар. Соль в Новгороде ценилась высоко, так что подарок казался интересным.

– Неправда, лучше всех солят даны! – раздался звонкий женский голос, который звучал время от времени, иногда даже перебивая мужские речи.

– Тебе лишь бы поспорить, сестра, – усмехнулся Гейрхард. – Нет, это не даны солили. Но, впрочем, подарок от них ты бы и не принял, – на сей раз Гейрхард вновь обращался к Рёрику.

– Почему это?! – шутливо усомнился Рёрик, которому был не так важен изготовитель подарков.

– Как, ты разве не знаешь?... – Гейрхард был истинно удивлен. – А впрочем, откуда тебе знать... Ну хоть известно ли тебе, что прославленный Рагнар скончался в этом году?

– Это мне известно... – ответил Рёрик. И правда, в письме Умилы, привезенном Дивой, сия новость была обозначена.

– Наследником его земель стал Эйрик, быть может, ты встречал его... – продолжал Гейрхард, набрасывая кусок сала на ломоть подогретого хлеба. – Как бы там ни было, когда я был на побережье в последний раз, он собирал войска, чтобы двинуться на твой Дорестафт...

– И когда это было? – Рёрик немало удивился новостям.

– Да вот... Не так давно... Летом... – отвечал Гейрхард. – Я даже больше тебе скажу, Эйрик и меня звал с собой. Но я же знаю, что это твой город и что там твой братец нынче заправляет. И я отказался, – Гейрхард преподнес свой отказ как подвиг. Хотя мог бы и помочь Синеусу или хотя бы предупредить того о нашествии. – Решил, что отправлюсь к тебе сюда *лучше*, – не соврал Гейрхард. Здесь, кажись, и впрямь лучше.

– И когда сын Рагнара мыслил напасть на Дорестафт? – полученные известия много озадачили Рёрика.

– Летом. Так что уже, наверное, спалил там все, а может даже, и убил твоего брата... – отозвался Гейрхард. – Ты пойми, я просто хочу быть честен. Там же не один Эйрик шел. А с ним много людей. И отряд с осадными орудиями... Вряд ли от такого можно защититься, сидя за деревянным частоколом.

– Государь... – раздался приглушенный голос тиуна. – Позволю себе дать совет...

– Какой? – помрачневший Рёрик теперь мог думать только о том, что его семья оказалась в опасности. И случилось это давно, ведь теперь осень на дворе.

– Не надо верить Гейрхарду всецело. Вдруг это ловушка? – умный Арви был послан Умиллой сюда, чтобы в первую очередь оберегать ее сына, а уж потом помогать ей самой.

– Что ты имеешь в виду, Арви? – Рёрик перевел взгляд на тиуна.

– Вдруг Гейрхард хочет выманить князя из Новгорода под таким ужасающим предлогом? Он думает, что князь все бросит и кинется в Дорестафт на помощь брату, забрав с собой часть сил. А город здесь тем временем останется без защиты...

– Я не буду забирать с собой всех людей, – Рёрик уже, и правда, был готов хоть завтра снарядиться в путь. Вот только дорога не так уж близка, чтоб рассуждать о ней легкомысленно.

– Мой князь, тогда тем более нет смысла устремляться в Дорестафт. Если там беда, то нужна сильная подмога. Забрать ее отсюда нельзя, – повторил Арви. – В отсутствии вожака тут кто угодно может посягнуть на престол Новгорода, даже Ньер, не то что Гейрхард, – Арви решил воспользоваться случаем и обдать грязью также верного соратника Рёрика, хотя сие было и неуместно.

– Ну так что, даруешь ты мне сельцо какое?! – загремел голос Гейрхарда над столом, словно в подтверждение слов Арви.

– Я подумаю... – усмехнулся Рёрик, которому все было давно ясно с этим воителем. Такие хотят получить задаром хоть что-нибудь, пусть даже ржавую подкову.

– Князь, мы должны понимать, что неизвестно доподлинно, напал ли кто-то на Дорестафт. Может, это просто сплетня, – подчеркнул Арви. – Никаких подтверждений словам Гейрхарда нет.

– Если ты устремись на подмогу своему братцу, я могу остаться здесь и присмотреть за твоим столом, – загоготал Гейрхард, своими замечаниями только способствуя тому, что слова Арви выглядели более убедительными.

В этот же момент Рёрик почувствовал как чьи-то ладони ласково, но крепко сжали его плечи. Кто-то подошел к нему со спины.

– Ты его не слушай, он всегда тебе завидовал, – прозвенел женский голосок над ухом Рёрика. Дерзкая сестра Гейрхарда, непревзойденная лучница Герда, вновь присела возле Рёрика на лавку. Она уже много раз за вечер подходила к нему. На ней был не то мужской, не то женский наряд. По крайней мере, в дополнение к штанам имелась и юбка с длинными разрезами по бокам и до самых бедер. Короткие волосы пышной гривой разлетались в разные стороны, едва касаясь плеч хозяйки. Их прихватывал кожаный венчик, сплетенный косичкой из трех тонких полос. Несмотря на воинственный вид, она имела привлекательное лицо и живое здоровое тело, не изуродованное чрезмерным покоем.

– Он и сам удалец, с чего ему быть завистником, – Рёрик видел в Гейрхарде лишь хитрого плута.

– У тебя уже два города, а у него ни одного, – ответила Герда. – Почему на этом пиршестве нет твоей жены? Неужто она такая безобразная, что ты прячешь ее от нас?

– Слишком красивая, потому и прячу от вас, – усмехнулся Рёрик.

– Красивее меня? – Герда положила ладонь на колено Рёрика, привлекая его внимание к своим словам.

– Свечу невозможно сравнить с солнцем, – по своему обыкновению, вмешался Арви. Расчет его был прост: он хотел показательно явить свою признательность Диве, дабы в дальнейшем никому и в голову не пришло связывать его самого и те беды, которые обрушатся ей на голову. Возможно, он даже сделает вид, что готов защищать ее. Но это позже.

– Это кто здесь свеча?! – викингша вскинула руку, намереваясь ухватить Арви за воротник.

Но тиун успел отклониться в сторону. И конечно, ему не пришлось по вкусу дикие замашки со стороны малознакомой женщины.

– Бессмысленно сравнивать любую женщину с княгиней Новгорода, где последняя есмь превосходнейшая и наилучшая во всем! – подчеркнул Арви, встав за спину Рёрика.

– А как же Вольна? – Герда заложила руку за руку и взыскательно оглядела тиуна. – Я слышала, и она здесь. Разве она не краше всех на свете?

– На свете, может, и краше. Но не в Новгороде! – отрезал тиун. В прибывших гостях он видел угрозу – они слишком наглые и их много. А то, что среди них женщина – осложняет положение. Потому как именно женщины часто являются подстрекательницами.

– А ты кто такой вообще?! – встав на ноги, Герда уперла ладони в бока, приняв боевую стойку.

– Верный советник княжеский, – Арви сейчас поймал себя на мысли, что большинство женщин ему неприятны. Странно, он не был таким раньше. А может, прежде ему не встречалось столько нахальных особ – каждая знала свое бабское место за печкой!

– Нег, ты слышишь, как сей старик говорит со мной в твоём присутствии?! – Герда постаралась втянуть Рёрика в ее ссору с тиуном. Справедливости ради надо сказать, что Арви хоть и был в возрасте, но выглядел для своих лет более чем хорошо: его седая борода всегда была аккуратно пострижена, а его одежды отличались аккуратностью и вкусом. Кроме того, у него не было ни обвисшего живота, ни слабости в движениях. – Предприми что-то! Он пытается обидеть меня!

Арви даже опешил от такой наглости. Может, он, и впрямь, сказал что-то не так? Уж не разгневается ли князь на своего верного тиуна на сей раз уже и из-за этой белобрысой крикуньи?!

– А ты не обижайся, Герда. Ты же воин и собиралась вступить в мою дружину, – Рёрик не был расположен вдумываться в чью-то болтовню после полученных новостей, особенно в жалобы Герды, которая всегда была задирой. Раньше Рёрику нравились такие женщины. Бойкие и дерзкие. Но теперь это утомляло, если оказывалось не к месту. – Трудно тебе тут придется, если будешь оскорбляться в ответ на каждое слово.

– Я умею постоять за себя! – заявила Герда, после чего развернулась и пошла к своему брату, который как раз в этот миг держал одну из своих громоподобных речей.

– Кто это такая? – подошедшая Дива присела возле Рёрика. Она еле сдерживала злость, которая была готова вырваться из ее горла воплями, угрозами и оскорблениями – обычные чувства для женщины, у которой сыскивается соперница. И все же голос ее оставался спокоен, а лицо не выражало гнева, впрочем, недовольство ощущалось. Ведь Дива не только что подошла, а наблюдала уже какое-то время за происходящим.

– Это Герда, мы все знаем ее очень давно, – ответил Рёрик.

– Что ей нужно? – Дива никогда прежде не считала себя ревнивицей и таковой не являлась, по большому счету. Наверное, потому, что до сегодняшнего дня не считала Рёрика своей собственностью. Но теперь, узрев рядом с ним другую женщину, она почувствовала себя так, как будто он предает ее. Впрочем, разве он что-то сделал? Пока нет. Но тяжело видеть возле любимого другую, которая хочет забрать его себе.

– Хочет сражаться в моей дружине, как она выразилась, – ответил Рёрик. Гейрхард так и объявил – они все пришли сюда, дабы отныне биться на стороне Рёрика, если такое понадобится.

– Кажется, не только сражаться, – заметил наблюдательный Арви, установившийся по другую руку от Рёрика.

– Она хочет к тебе, – заметила Дива и была права. Она доверяла своим глазам, предчувствиям и словам Росы. Но не могла позволить себе высказать недовольство гневно или резко, как бы ей того желалось. Но и этих простых слов оказалось достаточно.

– А я-то тут при чем? – Рёрику не понравилась эта беседа, граничащая с какими-то обвинениями. И он закончил ее, встав из-за стола и покинув Диву.

– Дщери Гостомысла много подозрительны, – проскрипел Арви, который в действительности и сам заметил, как Герда вязалась к Рёрику с самого начала пиршества. – А впрочем, все верно, эта девица положила глаз на нашего князя... – переменялся Арви. Завидев, как Дива огорчена, он решил подлить масла в огонь. – Княгине не следует очей смыкать, а то, того и гляди, новая Вольна нам тут объявится.

Опечаленная неожиданной размолвкой с Рёриком Дива не стала отвечать тиуну и не стала задерживаться на пиршестве.

Было раннее утро. Хмурое, холодное. Дива прождала Рёрика до рассвета. Однако он не появился. Ведь, кажется, не должно было так произойти. И отчего-то стало очень грустно и одиноко. В таких обстоятельствах лучше не сидеть взаперти. Но на улице моросит дождь, вряд ли прогулка в ненастье доставит удовольствие или что-то исправит.

– Мирося, а сходи-ка за Млавой... – вдруг неожиданно решила Дива.

Ендвинда играла с деревянными бусами, сидя на руках у матери. Рядом на лавке застыла серьезная Млава – Дива пожелала видеть ее, то ли перестав винить ведунью в своих бедах, то ли признав действенность ее советов. Как бы там ни было, после предсказаний Веры, Диве жаждалось услышать иные пророчества, которые опровергли бы уже полученные.

– Я хочу, чтобы ты погадала мне, – настаивала Дива.

– Я же уже ответила – больше не гадаю, – повторила Млава.

После приезда Дива не узнала ведунью: та сделалась еще менее дружелюбной, чем была. К тому же было видно, что некий невидимый недуг снес ее. На предложение того, чтобы ее осмотрел княжеский лекарь, ведьма лишь усмехнулась. Неужто какой-то старикан сможет помочь, если она сама себя не исцелила? Впрочем, она, кажется, утратила свою волшебную силу, или та ослабла.

Здесь же на лавке сидела Рада. Она крошила мухомор в миску с молоком. Был ранний час. Вольна в такое время еще спит и не хватится своей служанки.

– И не о том ты сейчас думаешь... Выбрось из головы пророчества, твоя судьба в твоих руках. И если ты сама не поможешь себе, то этого не сделает никто, – изрекла ведунья сурово.

– Я не знаю, что я должна делать, – вздохнула Дива, вспомнив, как завершился вчерашний вечер. Она ведь, кажется, ничего такого возмутительного и дерзкого не произнесла, но Рёрику не понравились и эти ее безобидные слова. Он неподвластен ей и, в конечном счете, будет делать то, что сам захочет.

– И я не знаю. Но, надо полагать, ты должна избавиться от Вольны в самое ближайшее время, – предположила ведунья.

– О боги, нет... – Дива отрицательно покачала головой. – Да и зачем? Ее время уже прошло.

– Опасность не только в ней самой, – усмехнулась Млава. – Но в ее потомстве. Которое уже есть и еще будет. Ты должна оберегать престол твоего отца от чужестранки любой ценой, – напомнила Млава главную цель, которая могла оказаться забыта. – Токмо внуки Гостомысла должны унаследовать эти земли.

– Цена, о которой ты говоришь, для меня слишком высока. Я не смогу, – Дива не допускала мысли о том, чтобы причинить сопернице вред. Хотя уже много дней не находила себе места: все чаще возникали толки, что князю следует поскорее провозгласить преемника, на роль которого подходил младший сын Вольны.

– Неприятного на пути к цели не избежать... – подчеркнула Млава. – Знаешь, а ведь ее сынок – твой главный соперник... Подумай, куда деть и его...

– Да как ты можешь советовать мне такое, когда на моих коленях сидит собственное дитя?! – Дива чувствовала, что рассуждения ведуньи не лишены смысла, и корила себя за то, что не может действовать твердо. – Рада, отведи Ендвинду Мираве. Не могу обсуждать подобное, когда она рядом...

– Будешь робеть и сомневаться – тебя оттолкнут в сторону. Мы не для этого прошли такой сложный путь, – напомнила Млава. – Ты должна уметь защищать то место, которое занимаешь. Умей выметать соперниц. Иначе наступит день, и одна из них оттеснит тебя.

– Я даже не представляю себе, как я могу подступиться к Вольне! – возразила Дива, которая на самом деле представляла, но не хотела прибегать к средствам, которые запятнают ее.

– Может, так?... – Млава протянула Диве небольшой берестяной коробок и положила его на стол. В коробке был какой-то порошок. – Одна щепотка – и нет Вольны. Только представь, каким прекрасным может быть утро уже завтрашнее, если этой женщины не станет.

– Да, это было бы прекрасно. Но... О, боги! Я так не могу! – Дива вскочила с лавки и принялась бегать по горнице в волнении. – К тому же все сразу подумают на меня, если с ней что-то случится!

– Это непростой яд, – зловеще сообщила ведунья. – Я сама его изготовила. Никто ничего не поймет.

– Отравление еще хуже утопления в реке! Там хоть сельчане были. А тут только я! – перебила Дива. Ее глаза машинально следили за мухой, подлетевшей к ловушке – миске с замоченным грибом.

– Ежели ты боишься ядов, то давай вместе придумаем иной способ. Ее может укусить змея...Здесь, уж точно, никто не подумает на тебя.

– Ты же сама меня учила, что я должна быть великодушна и справедлива. Должна направлять Негу на верный путь, – вспомнила Дива.

– И сейчас учу тому же. Он должен чувствовать, что ты делаешь его лучше. Что ты – светлый источник его силы, – подтвердила Млава.

– И как я смогу разглагольствовать о благости с грязью на руках? – Дива не была лицемеркой и не могла представить себе, что, совершая зло, будет представляться добром.

– Грязь сойдет, как только сходишь в баню, – усмехнулась Млава. Она с самого начала взялась помогать дочери Гостомысла лишь для того, чтоб спасти княжество от чужеземцев, а не потому, что ратовала за саму Диву. В горницу тем временем вернулась Рада.

– Она ведь, к тому же, беременна, – Дива плюхнулась на лавку. Избавиться от Вольны за один день соблазнительно. Взгляд пал на муху, дергающую крылом возле миски с мухомором, но не улетающую. – Но пойми наконец, я боюсь. И убери это со стола, чтоб ребенок не взял... – кивнула Дива на коробок.

– Жалко, что боишься. Момент такой подходящий... – Млава убрала коробок обратно в карман. – Твой князь будет уже не так расстроен, как пять лет назад. К тому же, прибывшие гости отвлекут его...

– Как ты можешь давать мне столь опасные советы, если больше не видишь будущего? – задалась вопросом Дива.

– Именно потому, что я больше не вижу будущего, мне нечем успокоить тебя. Я не могу утешить, что тебе помогут боги или случай. Так что не доверяй судьбе. Возьми в свои руки грядущее. И, уж точно, в этом будущем не должно быть Вольны и ее детей.

– Боги нас рассудят. Со временем...А пока нельзя... – Дива не только не желала брать грех на душу, но еще больше опасалась последствий. – А если Нег узнает?! – взвизгнула Дива, вспомнив об участии Вольны, покушавшейся на нее саму. Вольну не казнили и не заточили, но она потеряла Рёрика, он больше не приходит к ней.

– Бояться волков – быть без грибов, – хмыкнула Млава. – Содей все так, чтоб не узнал. Это ведь толико просто. У тебя есть Рада в ее тереме.

– Если надобно, то я все сделаю, – отозвалась Рада. – Сколько еще эта злая нахалка будет мучить княгиню?

– Рада... – опешила Дива, которая не ожидала такой готовности от своих поверенных. Все они хотят помочь ей. – Нет. Не смей. Пусть все остается, как есть...Вы не понимаете. Буде я хоть шаг в сторону сделаю, то окажусь на ее месте, – Дива понимала только одно: не должна разочаровывать своего супруга, чтобы не потерять его.

– А подумай, что будет, если они примирятся... – осветила Млава пугающий вопрос.

– Подумала, – бросила Дива раздраженно. – Это случится, возможно. Но меня он не бросит...

– Конечно, нет. Наоборот, все наладится, станет, как он хотел. Повсюду его будут ждать холь и нежь. Вечер с тобой, вечер с ней. Тем паче у тебя уступчивый нрав. Да и она после всего, пожалуй, пикнуть не посмеет...А со временем, когда его чувства к тебе успокоятся, может, появится еще одна жена? Красавиц много. Ты и ее тогда примешь к вам...

– Прекрати! – заорала Дива в ужасе. – Такого не будет.

– Какая трогательная вера в него... – усмехнулась Млава. – Никакому мужчине нельзя доверять всецело. Я не могу видеть будущего, но одно зрю ясно: больше всего в мире он любит себя самого. Именно поэтому он сегодня не с тобой. Ты что-то брякнула ему за столом, и вот ты уже одна. Пойди и извинись. Может, простит. А там дальше помалкивай. Даже если к вам с Вольной еще десяток красавиц прибавится. Тогда останешься его любимой княгиней.

– О, Сварог! Зачем ты мучаешь меня?! Следуя твоим размышлениям, мне придется всех их травить и жалить змеями?! – ткнула Дива. На самом деле после услышанного она уже и сама не знала, как правильно. Будучи подверженной сомнениям, она привыкла прислушиваться к чужим советам.

– Не всех. А только Вольну. Поскольку это у нее целый мешок наследников, а у тебя покамест ни одного. А вдруг завтра твоего князя убьют, что будет с тобой? – неожиданно задавалась вопросом Млава. – Так ведь тебе предсказала твоя гадалка? Вольнин сын – старший. Он станет преемником. Про тебя все успеют позабыть. А может, и того хуже сделаться. Погубят совсем. Особенно ежели ты еще мальчишку родить успеешь. Уяснила, наконец? И Вольна не просто женщина... Она намного опаснее всех мелькающих прелестниц...

– Теперь просто, – покачала головой Дива, взяв в руки миску с заснувшей у мухомора мухой. – Вольна оплошала, когда посягнула на меня. Он ее не простит. Он ведь такой. Ему самому все можно! А мы должны быть непорочны, – уже злилась Дива, выплескивая содержимое миски.

– Как знаешь, мое дело – предложить помощь. Не хочешь – отвергни ее, – ведунья поднялась на ноги и двинулась на выход: она всегда уходила внезапно.

Дива пошла вслед за Млавой в сени. Ей было грустно в этот день, и она хотела как можно меньше времени проводить в одиночестве, грызущем ее опасениями.

– Еды возьми, – напомнила Дива уже в сенях, кивнув на корзинку со снедью, собранную для ведуньи.

– Я помогу, провожу Млаву до ворот, – подоспевшая Мирава схватила плетенку с едой.

На улице было тихо и мрачно, словно вымер обычно шумный двор. Еще бы, после ночного пиршества спали не только гости, но и слуги.

– Ты говоришь, что любишь свою княгиню и хочешь защитить ее? – спросила Млава у служанки, будучи уже за воротами детинца, где в поле гулял только ветер.

– Люблю больше жизни. И буду бороться за нее до конца своих дней... – обещалась Мирава. Она долго думала о том поручении, которое дал ей Арви. Жалко ей было Диву немного. Но ведь себя саму еще жалче. – Я смогу от Вольны избавить ее.

– Тебя не было в горнице при нашем разговоре. Как ты узнала?

– Укладывала Ендвинду спать и нечаянно услышала. Я не хотела, клянусь, само получилось... – уверяла Мира. Справедливости ради надо заметить, что она, и правда, половину беседы не разобрала.

– Но твоя хозяйка отказывается разить соперницу, – напомнила Млава.

– Это потому, что княгиня боится. А мы нет, – объяснила Мирава. – Мы с Радой все сделаем, лишь бы наша хозяйка перестала страдать, – уверила Мира. – Давай сюда свой яд.

– Нет, без согласия Дивы я не стану вмешиваться. Кто знает, может быть, она и права, – неожиданно переменила свои намерения Млава.

– Ты же сама сказала, что без Вольны всяко лучше станет, нежели теперь... – напомнила разочарованная Мира.

– Да, я и теперь так думаю. Но решать сие не мне. И не тебе. Я пособляю Диве, потому что она дочь человека, которого я любила всю свою жизнь, – задумчиво изрекла Млава. – А собственных детей у меня никогда и не было. Пусть хоть род Гостомысла живет век за веком. На благо этих земель. А я буду помогать, пока сил моих хватит.

Дива шла по дорожке в гридницу. Ветер дул ей в лицо, словно пытаясь прогнать обратно в терем. Сначала она не хотела идти и искать Рёрика – пусть бы он сам пришел к ней. Но отчего-то без него ей сделалось так тоскливо, что вскоре она уже не хотела ждать. Да и в разных они положениях: он может позволить себе потерять ее, а она – нет.

– Доброго дня, досточтимая княгиня! – голос Арви прозвучал неожиданно.

– Как отрадно было без тебя, – буркнула себе под нос Дива. После ее возвращения в Новгород они редко виделись. Она даже успела позабыть о нем. – Благодарствую...– Дива собиралась продолжить свой путь, но тиуну вздумалось затеять любезную беседу.

– Я так счастлив приветствовать княгиню, что не могу сдержать охвативших меня восторженных чувств, – тиун разглядывал похорошевшую Диву, понимая, что такое преображение имеет причины. Она расцвела как бутон. Кто бы мог подумать, что сей колючий цветик окажется столь красив. – Прошу взглянуть, что я подготовил для высочайшего ока княгини! – в руках Арви была стопа рисунков, изображающих постройки строящихся у Волхова княжеских хором. – Возможно, княгиня пожелает удостоить благородным взором свой будущий терем...

– Пожалуй...– милостиво согласилась Дива. Ей это было интересно. – Кстати, Арви, ты не знаешь, где Нег?

– Князь с самого утра отбыл на строительство...– отвечив Арви.

– Вот как...– Диве стало еще грустнее: ведь они собирались отправиться на строительство вместе.

– Наш правитель не из тех, кто может долго находиться без дела...– справедливо отметил тиун, который считал, что деятельный мужчина без занятий хиреет. А Рёрик, безусловно, не лентяй. – Вот будущие хоромы княгини...– указывая на один из рисунков, огласил Арви.

Дива принялась с любопытством разглядывать зарисовку, изображающую высокий терем с четырьмя башенками и четырьмя крылечками. Кажется, она задумывала нечто иное, когда обговаривала с зодчими свои будущие покои. Но впрочем, сей терем не менее внушительный, а даже как будто и более, если учитывать его размеры.

– О боги, прошу меня простить, это не совсем то!...– вдруг выпалил Арви, извиняясь и попутно предлагая другое изображение. – Это был не терем для княгини. Как я неловок! А вот же оно!

– А этот чей? – уже наперед предвкушая неприятный ответ, скривила губы Дива, провожая взглядом рисунок.

– Как чей! Княгини Вольны и княжеских наследников! – простодушно сообщил тиун, глядя с каверзной улыбкой на дочь Гостомысла.

– Кого? Какой еще княгини Вольны?! Ума лишился?! – возмутилась Дива.

– Княгиня Дива права на сей раз...Не будем повторять сплетни...Прошу не обращать внимания на мои необдуманные слова, – нарочито вежливо извинился тиун.

– Сплетни? Ты что же, хочешь сказать, покамест меня не было, ее тут так величали?! – Дива замерла в негодовании.

– Княжество не может обходиться без князя, а князь без княгини...Как только дочь Гостомысла отбыла, в народе Вольну стали почитать как...– Арви не договорил, но было ясно, какое слово он опустил. – Вольна есмь матушка детей князя, предполагаемых наследниками государя в отсутствии детей от законной супруги...Четыре башни – это она сама и трое ее сыновей. Впрочем, относительного третьего чада имеются сомнения – возможно, родится дочка...– нарочито успокоительно заметил Арви, одновременно наслаждаясь сокрушенным лицом Дивы, на котором было нарисовано огорчение.

– Отец старшего сына Вольны не Нег, – напомнила Дива.

– Разумеется. Но все же. Впрочем, глупости все это...Молю выбросить из головы и более не вспоминать, – отрицательно замахал руками Арви. – Кстати, все заметили, что Вольна необыкновенно плодовита. Ее здоровье позволяет ей рожать хоть каждое лето.

– Забери, – Дива отдала рисунки обратно тиуну, даже не досмотрев те образы, которые относились к ее терему. Она чувствовала негодование. Восторженность от возвращения домой давно прошла. И сейчас Дива ясно видела только одно: Вольна по-прежнему опасна. Ведь теперь ее называют княгиней, а ее детей прочат в наследники.

– Жажду спросить, каким княгиня нашла свое минувшее путешествие в земли Фризии? Понравился ли княгине град нашего славного правителя? – продолжал Арви, упиваясь терзанием Дивы, отраженном на ее искреннем лице.

– Занятный град, – мрачно ответила Дива, которая никак не могла забыть о тех унижениях, что выпали на ее долю в Дорестаде. Ее до сих пор мучили кошмары, навеянные переживаниями того времени.

– Вероятно, за проведенное там время княгиня притяготела душой к новым сродникам? – Арви никак не мог понять, что такого ужасного могло произойти с ней в Дорестаде и отчего Умила теперь не желает, чтобы дочь Гостомысла вообще существовала. Но спрашивать о таком нельзя. Хотя, может, Дива сама что-то расскажет.

– О да, я очень полюбила нашу матушку! – было видно, что Дива врет, но Арви продолжал, не смущаясь.

– И конечно, брата нашего славного правителя! Храброго Синеуса! – зная нрав младшего сына Умилы, Арви допускал, что тот мог каким-то образом обидеть Диву.

– Разумеется! Кто же не восхитится доблестью Синеуса! – Дива поджала губы, вспомнив деверя.

– Будем просить небеса, чтобы боги не допустили вашей долгой разлуки! – Арви обратил взор в небо, затянутое серой тучей, такой же мрачной, как его пожелание.

– Только об этом и молюсь со дня расставания... – Дива скорчила гримасу.

– Но ведь что-то произошло в Дорестаде такого, о чем княгиня умалчивает? – осторожно спросил тиун.

– Арви, вспомни, как в том городе Умила обошлась с Вольной! Было крайне разумно отправлять к этой старой злодейке и меня! – не сдержалась Дива.

– Я передам князю справедливые замечания княгини, – поспешил воспользоваться случаем тиун.

– Это необязательно, – Дива пожалела о своих словах. Несдержанность – беда пылких натур. Как она, разумная дочь Гостомысла, могла разоткровенничаться при этом змее Арви! Это все от расстройств. В Новгороде, на земле своих предков, она не умеет вести себя правильно, ее язык будто сам удлиняется. А еще ей плохо без Рёрика. Она понимает, что зависит от него, нуждается в нем и боится его потерять. Любовь и страх сильнее гордости.

– Пушай княгиня не переживает, в своей непревзойденной мудрости владыка рассудит сей укор верно, – сулил Арви глумливо. – В самом деле, разве не...

– Немедленно прекрати, – процедила Дива столь угрожающе, что сама не узнала себя. – Если хоть слово ему скажешь, я засуну эти рисунки в твою ядовитую пасть...

Усмехнувшись, Арви учтиво поклонился и отправился, как она велела, прочь. Он был доволен своей работой. Она казалась такой спокойной и милой все это время, а теперь утратила равновесие души. И вскоре кинется на Рёрика, словно раненый зверь. Конечно, этого недостаточно, чтобы владыка столь быстро отказался от нее, но нужно же с чего-то начинать. Пусть для начала повздорят. Хотя не повздорили ли они уже? Почему Рёрик отправился на стройку один? Они ведь были неразлучны все это время... Кажется, все идет, согласно замыслу...

– Государь вернулся, – сообщила Мирав Диве, сидящей у окна и с грустью смотрящей на моросящий дождь.

– Где он? Чем занят? – Дива не понимала, как должна вести себя. Пойти ли к нему первой или ждать его. Она огорчена их размолвкой. А он? Что если ему все равно? Тогда идти к нему не нужно. В любом случае разница между ними в том, что она думает о нем весь день, а у него есть и другие мысли, помимо нее. Так устроен мозг мужчины.

Дива достигла гридницы, где застала Рёрика вместе с Ньером, они что-то обсуждали. Усевшись на лавке возле окна, она решила подождать ухода старшего дружинника. Она смотрела на двор перед собой, но не видела ничего.

– Мне пора, мой князь, – Ньер не стал задерживаться.

Рёрик сидел за столом и рассматривал какую-то карту. Глядя на него, Дива чувствовала только одно – без него всё не так. Всё не в радость.

– Я скучаю... – произнесла Дива еле слышно.

– Я тоже, – ответил Рёрик. И голос его был огорченным. Если он не приходил к ней, то это не означает, что она не нужна ему.

Дива подошла к Рёрику и обняла его. А он обнял ее.

Пасмурное утро предвещало унылый день. Непогода зарядила надолго. Небосклон затянут серой поволокой до самого горизонта.

Накинув на голову капюшон плаща, Рада шла по промокшей деревянной мостовой, держа в руках корзинку с завтраком для Вольны.

– Рада, пойди сюда, – пшикнула Мирава, прячась в тени сенника, с одной стороны которого расплзлась огромная лужа, словно не дающая девушке отступить от замысла, на которой она решилась.

– Что случилось?! – Рада даже охнула от неожиданности.

– Вот отрава, данная Млавой, – Мира протянула яд, который забрала у ведуньи Веры ранее. – Подсыпь его сейчас же Вольне в утреннюю еду. Да смотри – не мешкай.

– Так княгиня же сказала – нельзя Вольну трогать... – растерялась Рада.

– Ты слышала, что Млава велела? – уклонилась от ответа Мирава. – Мы должны избавить нашу княгиню от этой женщины.

– Если княгиня не позволила, я не могу ее послушаться, – сомневалась Рада.

– Она позволила. Иначе откуда у меня взялось бы это? – Мирава вложила в руку Рады яд. – Нужно торопиться. Сама посуди, время подходящее. У князя гости, не до Вольны ему сегодня. Да и с беременными нередко случается всякое. Никто и не заметит.

– Княгиня точно разрешила? – переспросила Рада.

– Всеконечно, она. Сделай это поскорее, – подгоняла Мирава.

По деревянной кровле негромко и уютно топал дождик. Деревья перешептывались между собой, шелестя промокшей листвой. На умытой улице было пустынно.

За ночь Дива не выспалась. И когда утром раздался стук в дверь, она еле распахнула глаза, закрывающиеся сами собой.

Ласково поцеловав спящего Рёрика, Дива вознамерилась одеться и пойти открыть дверь, поскольку нетерпеливый стук повторился. Вероятно, нечто важное случилось.

– Куда ты? – сквозь сон Рёрик обнял Диву и притянул ее к себе.

– Кто-то стучит, – ответила Дива, погладив Рёрика по голове. Она чувствовала, что ее переполняет безграничная нежность к нему. Любое его слово почти священно для нее. Она любит своего сурового князя и хочет быть ему полезной хоть немножко. У него много слуг, помощников, и ни в чем нет нужды. Но и она на что-то сгодится. Сможет служить ему верно, заботясь о нем и любя его. Если б это было возможно, она бы не расставалась с ним и на миг.

– Пусть стучит, – зевнув, Рёрик погладил бархатное бедро Дивы. Пасмурная погода располагала к тому, чтобы задержаться в опочивальне с любимой.

– Государь, срочные новости! – послышался нетерпеливый крик с улицы.

Накинув летник, Дива вышла на промокшее крыльцо, потемневшее от прошедших дождей. Возле нижней ступени стояли Прохор и Надежа, вероятно, несущие дозор этим утром. Они переговаривались между собой и выглядели бодро.

– Брат государя на подходе, – объявил Прохор. – Один корабль уже причалил. Остальные в пути. Будут к полудню.

– Чего?! – Дива потеряла сонные вежды, словно пытаясь удостовериться, что услышанное ей не снится.

Дива сидела на лавочке возле окошка и смотрела на вымокший двор, но не видела ничего, кроме образа змеи драккаров, плывущих из Дорестада в Новгород. Даже гуляющие по небу серо-золотые тучки оборачивались коварными лицами Умилы и Синеуса.

– Значит, Гейрхард не соврал, – вслух размышлял Рёрик, умываясь. Новость о прибытии семьи быстро пробудила его, и теперь он собирался на улицу.

– Кто? – повторилась Дива, забыв, что уже спрашивала об этом. Ее внимание захватили мысли о наползающих гостях, а также картина, разверзнувшаяся пред ее взором. На дворе кошка, изогнувшись в дугу, шипела на двух других кошачьих, наступающих на нее с обеих сторон. Вдруг откуда-то из-за угла выбежал пес. Даже не заметив ничего подозрительного, он промчался мимо, распугав драчунов и нарушив их позиции.

– Что с тобой? – Рёрик удивленно оглядел Диву.

– Ничего... – после промедления ответила Дива негромко. Но на самом деле ей хотелось кричать во все горло о том, как терзает ее все происходящее. Как мучает, что теперь Вольна окажется к ней еще ближе. Как возмущает, что ее враги едут сюда. Прямо в ее гнездо! Но неизреченное слово – золото...

– Ничего? – переспросил Рёрик, одеваясь. – Говори, если что не так...

– Когда ты рядом, всё так... – Дива призадумалась. Теперь, когда Умила и Синеус приближаются, неизвестно, чем обернется для нее самой молчание об их проделках. Они могут первыми обвинить ее в том, что она почти оказалась в лапах Эйрика. Но поверит ли Рёрик в ее сказ? Нужно оказаться убедительнее. – Однако ты должен кое о чем знать... Я не все рассказала тебе о том времени, которое провела в Дорестадте... – начала Дива, прислонив руку ко лбу.

– Ну расскажи сейчас, – Рёрик приладил к поясу ремень с ножнами, в которых был кинжал, и уже был почти готов идти на улицу.

– Я не знаю, как начать... Все это весьма... Боюсь огорчить тебя... Сие немислимо, на первый взгляд... – Дива опасалась навредить себе предстоящим повествованием. С другой стороны, будет хуже, если Синеус и Умила поведают историю на свой лад.

– Так... – Рёрик напряженно вздохнул. Только все наладилось и вот опять какая-то галиматья. – Говори уже.

– Год, проведенный в Дорестадте, я не забуду никогда. И не только потому, что он прошел вдали от всего, что мне дорого. Помимо этого, кое-что случилось... – Дива не успела закончить речи, как дверь отворилась, и в горницу влетела Миравя.

– Государь, тиун пожаловал, – поспешила доложить запыхавшаяся служанка. – С новостями срочными!

Рёрик кивнул, и тут же на пороге возник Арви, вышмыгнувший из сеней.

– Князь, корабль Синеуса показался вдали... – торопливо сообщил Арви, предварительно извинившись за неуместное вторжение. Впрочем, князь сам приказал тиуну явиться, лишь только появятся вести. – Я велел отправить к пристани повозки...

– О, как скоро... – Рёрик выбежал на улицу.

– Доброго дня, княгиня... – пожелал Арви сухо, после чего повернулся на пятках и последовал за князем на двор.

Дива застыла в негодовании. Попытка нарисовать картину о поездке в Дорестафт сорвалась. Одно лишь осталось неясным: специально ли Арви ворвался в самый неподходящий момент или это случайность? Но разве он мог что-то знать о ее планах. Иногда ей кажется, что он вездесущ, хотя это, конечно, не так. Наверное, она слишком подозрительна.

Новгородцы любили увеселения. Порой даже не так важен повод. Действительно, так уж значимо – в честь чего следует пировать? Например, сегодня древний град встречает гостей. По этой причине и празднество. А то, что этих гостей никто никогда не видел, так это мелочи. Видно, славные люди, раз столько суматохи к их приезду накрутилось. Бегают кухарки, снуют челядь, накрывая столы, прибирая дворы и княжеские избы.

От берега Волхова до княжеского детинца не так далеко. Но пешком с поклажей не дойти. И вот вдали показался обоз груженных повозок под охранной огромной дружины во главе с Синеусом и Олегом. Умила и Ума сидят под руку в просторной повозке. Ефанда поодаль на скакуне. Прислуга и прочие второстепенные лица устало плетутся пешком в хвосте каравана с осунувшимися ликами – из детинца повозки и лошади были отправлены встречать гостей и перевозить скarb, но никак не слуг.

Увидев еще издали это удручающее зрелище, отдающее чем-то основательным, Дива невольно скривилась. Прибыли надолго. И постараются навредить ей! И вот уже слышатся приближающиеся шаги правителя и его гридей. Вышел встречать.

– Какая большая радость! Вот и гости! – натянув на себе улыбку, Дива поспешила взять Рёрика под руку. – Я приказала подготовить избы, накрыть столы и натопить бани к приезду наших родственников...

– Умница моя... – князь давно успел позабыть об их несостоявшейся утренней беседе. А теперь его и вовсе волновали только гости.

Поглядывая украдкой на Рёрика, Дива следила за разбитой дождями дорогой, по которой неспешно тащились ее неприятности. Обычно сообразительная дочь Гостомысла сейчас уже даже не знала, что и делать. Видя толпу гостей, ощущала только одно – никто из всей этой своры не поддержит ее. Ни единый человек и ни единым словом. Помимо Рёрика, навстречу гостям вышли также некоторые его дружинники. Среди прибывших, надо думать, имелись их знакомые и родные – Синеус забрал из Дорестафта всех значимых персон. Засвидетельствовать почтение семейству владыки пожаловали и некоторые бояре. Дива почти онемела, когда заметила приближающуюся нарядную Вольну. Ей-то что здесь нужно?!

– Нег... – выскочило у Дивы при виде соперницы. Взор князя тем временем был прикован к подъезжающим гостям.

– Что? – Рёрик смотрел на дорогу, не глядя на Диву. Однако пришлось отвлечься. Проследив за ее взором, он уткнулся в Вольну. Стало понятно, почему Дива побелела. – Ты моя княгиня. Веди себя соответственно... – напутствовал Рёрик.

Дива еле подавила в себе негодование. Легко ему говорить! Он бы еще посоветовал им совместно ткать. Но нельзя требовать от него больше того, что он хочет ей дать. Если он желает видеть достойное поведение, ей придется научиться владеть собой. Научиться выглядеть счастливой и довольной. По крайней мере, пока.

– Любимый, – подошедшая Вольна проследовала к Рёрику и установилась с противоположной от Дивы стороны, по левую его руку. Своим обращением Вольна будто пыталась что-то доказать. Как бы там ни было, прозвучавшее покорило Диву. И она крепче сжала ладонь Рёрика. Из-за его спины женщины украдкой переглянулись. Диве уже делалось нехорошо из-за навязчивого присутствия Вольны. Что за гадкая баба? Зачем пришла?! Ей что, хочется встречать Умилу?!

Наконец приблизились гости. Покинув спутниц, князь ринулся навстречу родственникам, которых давно не видел. Вольна с издевкой усмехнулась. Совладав с подступившем гне-

вом, Дива натянула на себя улыбку и поспешила вдогонку за мужем. Все происходящее отвратительно. Почти непереносимо. Но следует на какое-то время отодвинуть переживания в сторону, не давать чувствам захватить себя в плен.

Тем временем Вольна не собиралась отступать и также двинулась следом за Рёриком, нарочито поддерживая живот.

– Брат, я так рад тебе! – Рёрик заключил в объятия спешившегося с коня Синеуса. Младший сын Годслава выглядел уставшим, но довольным: еще бы, долгое путешествие подошло к концу. Позади остались все передраги.

– А я как рад! Когда мы вместе, нам и ветра попутные... – Синеус обнял Рёрика, и было видно, что, несмотря на свои утаенные обиды, он все-таки любит старшего брата. – Я уж начал переживать, что мы так и не свидимся до того, как я спущусь в Хельхейм!

– Переживать следует остальным. Ведь когда мы с тобой встречаемся после долгих разлук, то становимся теми, от кого матушки учат своих чад держаться дальше, – пошутил Рёрик. Впрочем, была в этих словах и правда. Их совместные пирушки отличались особой необузданностью. И вообще, братья скверно влияли друг на друга. Благо, что Умиле всегда удавалось их вовремя рассредоточить. Она оставляла Синеуса при себе, а Рёрика отправляла на защиту интересов их рода.

– Это Ефанда... – Синеус кивнул на жену, представляя ее Рёрику. Ведь последний видел принцессу очень давно. В его духе позабыть, как она вообще выглядит.

Бледная Ефанда стояла недвижимо посреди шумного двора, словно угрюмое дерево, возле которого резвятся оживленные пичужки. Она не улыбалась, и приветствовать ее тут было некому. По сути, она всегда была за спиной брата либо мужа. Никто не ждал ее в Новгороде, да и ни в ком она не нуждалась и никого не желала зреть. Кроме одного человека. Рёрика. Увидев его впервые на пиру, устроенном когда-то давно ее отцом Кетилем Лососем, она не забывала видного гостя, который произвел на нее впечатление. Она бережно хранила его образ в памяти еще и по той причине, что отец обещал ей в мужья статного правителя Дорестада. И она легко согласилась на такой союз. Ведь Рёрик был из тех, кто нравится с первого взгляда. Его смелое и красивое лицо не испортили ни битвы, ни годы, ни волнения. Его тело было сильным и крепким. Он умел говорить так, что его слушали. Его взгляд был глубоким и умным. И самое главное – он не стал ее мужем, а сделался великим князем. Их судьбы разошлись в стороны, едва успев коснуться. И вот теперь она смотрела на него и вновь ощущала досаду оттого, что досталась Синеусу.

– Я очень любил твоего отца, Ефанда, – обратился Рёрик к жене брата. – Он был хорошим человеком.

– Благодарю, – ответила скупая на чувства Ефанда.

– Я не отпущу тебя теперь много дней! – провозгласил Синеус, стиснув Рёрика в братских объятиях. Это было удивительно: он одновременно любил и ненавидел старшего брата.

Подоспевшая Дива видела отчетливо: Рёрик рад своему Синеусу. И теперь уже начинала склоняться к мысли, что верно поступила, умолчав о происшествии в Дорестаде. Кто она и кто тот? Она – жена и княгиня. Но не так уж давно установилось между супругами согласие. А Синеус – это совсем другое дело. Он не просто старый знакомый, не какой-то Гейрхард, а родная кровь.

– Добро пожаловать, – Дива поклонилась деверю, силясь сделать так, чтобы улыбка на ее лице выглядела как можно более гостеприимно. Синеус кивнул ей в ответ. Тут же подоспел Олег, и Рёрик отвлекся на него. Оказалось, что брат Ефанды его старый друг, которому он рад не меньше, чем самому Синеусу. Дива заметила в глазах Синеуса ревнивые блики. Она уже собиралась поспешить вслед за Рёриком, дабы поприветствовать Олега, но Синеус задержал ее, воспользовавшись моментом.

– Я вижу, ты молчала о своих злключениях...– шепнул Синеус в самое ухо Диве. И его голос показался ей зловещим и недобрим. – Пусть так все и остается...А ослушаешься, и я своими руками подвешу тебя...Поняла? – Синеус был очень угрожающ, как и всегда.

– Пушай все несогласия меж нами останутся в минувшем, – учтиво обозначила Дива. На самом деле, ей уже вновь становилось страшно. И она предложила помириться только с тем, чтоб не злить его еще больше.

А Рёрик тем временем обнимался с Олегом, от которого его сумела оттащить лишь Умила. Несмотря на свой значительный возраст, старая княгиня выглядела превосходно. Будто это путешествие явилось не спешным бегством от опасного врага, а легкой прогулкой по морю в приятную осеннюю пору.

– Мой сын...Нег...– Умиле кто-то помог вылезти из повозки. Она развела руки и обняла Рёрика. Мать и сын не виделись давно. А вообще, чем старше он становился, тем реже обретался возле нее.

Наконец очередь дошла до Умы. Она улыбалась приветливо, хотя ненавидела Рёрика много лет. Она помнила, как умоляла не выдавать ее замуж за того ужасного громилу, но старший брат даже не слушал ее просьб. Ему вообще на все плевать, кроме него самого! И тогда он и не подумал о чувствах сестры! Что за тиран!

– Дорогой брат, – с ласковой улыбкой Ума поклонилась Рёрику. Последний, конечно, доверял своим глазам. И полагал, что хотя бы в собственной семье его должны любить просто так и вопреки всему.

– Ума, все хорошеешь, – Рёрик обнял сестру. – Счастлив, что мы снова вместе.

– Самая большая отрада для меня – вновь оказаться под твоей опекой, – вежливо соврала дочка Умилы.

– Ума, я скучала по тебе, – Дива обняла сестру мужа радушно. Хоть Ума и не являлась Диве искренним другом, но зато она оказалась рядом в нужный момент, когда изгнаннице была важна любая поддержка.

– Я и не уповала, что мы так скоро свидимся. Имеется что рассказать тебе о Дорестаде, на которой напал твой знакомый, – хихикнула Ума Диве на ухо. – Ты поговорила с Негом о моей свадьбе с Олегом? – на уме у Умы было только одно.

– Поговорила. Но он не ответил, – Дива на самом деле выполнила то, о чем ее просила дочка Умилы. А Рёрик на самом деле ничего не сказал на такое предложение.

А сама княгиня-мать тем временем умилялась приятному зрелищу: все ее дети вместе, дружные и сильные. Когда речь заходила о чадах, ее взор будто заволакивала пелена миражей: она видела их такими, какими хотела видеть, а не такими, какими они являлись на самом деле.

– Матушка, добро пожаловать! Это честь для Новгорода! – вежливо обратилась Дива к Умиле, приложив руку старой княгини к своему лбу, как того требовали обычаи. – Матушку ждут покои, в которых она сможет отдохнуть после трудного пути...

– Мне нелегко даются подобные путешествия...– Умила смотрела на сноху не слишком тепло. Конечно, старая мудрая княгиня не поверит в эту великую отраду новгородки по случаю своего прибытия. Невзирая на могучий жизненный опыт, со своей стороны Умила сейчас позабыла изобразить восторг встречи. А Дива и не ждала в свой адрес особой любезности: ведь когда она сама, многострадальная скиталица, покидала злосчастный Дорестада, свекровь даже не вышла проводить ее.

– Матушка, – поздоровался с Дивой Рарог – ее юный пасынок. За недолгое время их разлуки он будто еще сильнее возмужал и теперь выглядел так, как положено молодому мужчине, преодолевшему путь по беспокойному морю и быстрым рекам.

– Здравствуй, Рарог...– Дива едва улыбнулась. Она не может радоваться ему, что и понятно. А впрочем, он ведь, кажется, хороший паренек, хоть и шкодник.

А Вольна тем временем стояла среди встречающих, но не в самой гуще, поскольку приветствовать ей было некого. Разве что Синеуса, с которым она еще не успела поругаться и которому всегда нравилась, как и всем прочим молодцам. Что до остальных, им было любопытно увидеть ту, о коей ходило столько пересудов.

– Вольна, ты в тягости? – Умила удивленно оглядела пока несостоявшуюся невестку. Ну хоть до свадьбы не дошло, уже хорошо.

– Скоро срок, – учтиво ответила Вольна, довольно поглаживая круглый живот.

– Будем ждать мальчика, – ответила Умила. Вольна ей не нравилась, мягко говоря, но сии чувства не распространялись на внуков.

– Вестимо... – ответила Вольна как ни в чем не бывало – словно Умила не погубила ее однажды.

Диву чуть не стошнило от этой лицемерной сцены. А главное, как удивительно вежлива Вольна! Хоть на это ее ума хватило! Странно, что не набросилась с кулаками на старую ведьму.

– Уповаю, хотя бы относительно этого твоего отпрыска у нашей семьи не будет обоснованных сомнений, – изрекла вдруг княгиня-мать, привыкшая говорить то, что хочется.

– Опять взялась за старое?! Ты в чем меня обвиняешь?! – после намека Умилы обходительность Вольны сразу умчалась, как быстрые кони.

– Я удостоверяю то, что и так всем очевидно, – ответила Умила строго и после этих слов обратила свой взор на подошедшего к ней Арви. Он был единственным человеком, который за все годы не менял стороны и оставался ей верен. И теперь, по прошествии времени, Умила это оценила. Она доверяла ему, как самой себе.

– Госпожа моя, я так счастлив, – тиун согнулся в поклоне, поцеловав руку Умилы.

– Арви, нам надобно поговорить, когда все уляжется, – подмигнула Умила своему советнику. Ей не терпелось узнать все новости из первых уст. Он о многом ведал ей в своих письмах. Но какими бы подробными они ни были, им, конечно, не заменить беседы с верным подданным. – А где же твоя княжна? Мне хотелось взглянуть на нее...

– Она нездорова... – Арви пришел встречать Умилу один. Роса осталась дома, вероятно, не желая привлекать к себе внимания, что понятно после всех событий. Хотя средней дочери Гостомысла и было любопытно увидеть легендарную правительницу Дорестадта собственными глазами.

Глава 7. Пир и прочие неприятности

Летом пиршество под открытым небом приятно и удобно. Но и в осеннюю пору не менее желанно. И пусть по ночам бывает прохладно и сыро, но свежий воздух и запах костров вполне восполняют неудобства. Все лучше, чем сидеть в избе при тусклом свете догорающих свечей. И пусть их заменят звезды и луна.

– Изрядный град. Если бы я знала, что Гардарики есмь толико благодатное для жития пристанище, я бы давно оставила Дорестагт, – призналась Умила, кутающаяся в теплую телогрею и сидящая рядом с Арви за огромным столом под навесом, где шел пир. Княгиня-мать очень устала с дороги, но жажда познания и знакомства с новым одержала верх. Немного отдохнув, Умила пожаловала на этот пир и решила задержаться на нем настолько, насколько хватит сил. Ее поразило обилие яств – видно, поварахи тут знают свое дело. И вот теперь перед Умилей стояла миска с ухой из рыбы и кореньев, вкус которой превзошел все ожидания привередливого рта старой княгини.

– Моя госпожа, это обманчивое восприятие. Зимы здесь немыслимо лютые, не каждому суждено пережить их. Люди готовятся к холодам загодя. Иначе погибель, – предостерег Арви.

– Ну, я-то переживу как-то, – усмехнулась Умила, вонзив зубы в тело еще горячего расстега с визигой, из открытой серединки которого, шел восхитительный аромат сытной начинки. Уха и пирог, с которым ее советовалось вкушать, очень понравились Умиле. – Где опять твоя супруга, Арви? Я когда-нибудь узрю ее благородный лик? Она подобна своему родителю? – давно уже Умиле было любопытно знать, как выглядел Гостомысл. Его портретов у нее не имелось, и ей было также известно, что Дива не похожа на отца. Итак, оставалось воображать покойного хозяина Новгорода только по обрывкам рассказов.

– Она сегодня нездорова... Весной мы потеряли ребенка. Ей не до праздников теперь... – уклончиво ответил Арви.

– Ты женат уже два года. А она до сих пор не родила тебе дитя, – Умила перевела взгляд с румяного пирога на побледневшее чело тиуна.

– Нет, не родила, – подтвердил Арви.

– А жена Трувора, наместника Изборска, третья дочь Гостомысла... Также не подарила мужу наследника? – лицо Умилы было озабоченным.

– Нет, старшая княжна Велемира такожде не может родить... – подтвердил тиун.

– Хм, кажется, дщери Гостомысла не в состоянии обеспечить нас потомством, – вынесла неутешительный вердикт Умила, неодобрительно оглядев Диву, сидящую поодаль. – Что совершенно очевидно, когда мы смотрим на них троих вместе, а не на каждую в отдельности...

– У Дивы есть ребенок, дочка, – напомнил тиун.

– Дочка не считается... – махнула рукой Умила. – Это еще одна причина, по которой мы должны поскорее сделать так, чтобы у Нега появилась новая жена...

– Госпожа, я уже работаю над тем, чтобы Дива поскорее сгинула... И даже более того, вместе с Дивой уйдет и Вольна... – начал тиун, желающий сменить предмет беседы.

– Ну не здесь же, Арви, – цыкнула Умила. Хоть застолье и было шумным, но не следовало обсуждать подобных тем сейчас. – Скажи мне лучше, как там другие наши земли? Ведь тут много городов. Все ли они подвластны нам?

– Боюсь, Гардарики – это иное... Здесь трудно собрать воедино в метелку непослушные прутья. Со многими князьями мы ведем переговоры, но все они самостоятельны.

– Как же так? – недоумевала Умила. – Я думала, все они были подначальные Гостомыслу, а теперь и нам.

– Боюсь, что нет. По легендам, у князя Словена было много сыновей. Старшему достался Новгород. Другие ушли по землям и основали все прочие города, отдалившись тем самым друг от друга. И с течением времени эта пропасть сделалась только глубже.

– А что же Киев? Там княжил младший брат Гостомысла, кажется? – уточнила Умила, запихнув в рот пирог.

– Да, но он не оставил преемника, – напомнил тиун. – Кстати, Аскольд с Диром отправились...

– Арви, скажи, разве можно доверять Аскольду и Диру? – перебила Умила в нетерпении. Этот вопрос ее давно волновал. – Нег отпустил их, но разумно ли это?

– Госпожа, в действительности, князь попросту не мог их удержать, – признался Арви. – Их дружина многочисленна. Они были едва подчинены нашему князю. При этом сам он не мог уйти из Новгорода, не мог возглавить поход. Ибо сперва необходимо позаботиться о близлежащих землях. Да и тут в Новгороде неспокойно. Не все в народе любят нового правителя.

– Это почему еще? – удивилась Умила, прекратив пережевывать мягкий, как пух, пирог.

– Наверное, из-за того, что князь пришел не один, а со своими варягами, которые на землях Новгорода порой держат себя безобразно, чем досаждают жителям, – пожал плечами Арви. Он видел положение трезво, но при этом не испытывал сочувствия ни к кому.

– Неужто все его варяги таковы? И ужели не могут вести себя, как положено! – Умиле не нравились слухи о недовольстве. Народ должен пребывать в приятных иллюзиях и славить своего правителя. Единство народа и князя укрепляет государство. Ей, Умиле, нужно сильное государство, а не полудохлый Дорестагт.

– Не все. Но многие из них привыкли жить без дома. И даже здесь, на этой земле, где вздумали обосноваться, подчас ведут себя дерзко и нагло, словно они тут на один день.

– Ты полагаешь, Аскольд с Диром не предадут нас? – волновалась Умила.

– Они клялись в верности. И многое мы отдали им, снаряжая их в путь. Однако разве можно быть уверенными в них. Государь не мог пойти сам, не мог не отпустить их, и теперь мы можем только ждать. Вскоре мы узнаем, верны ли нам Аскольд и Дир, заключил тиун.

– А это Гейрхард и его дружина, если я не ошибаюсь? – Умила обозрела викингов, сидящих особняком на другом конце стола. Она знала многих людей, с которыми были связаны ее дети так или иначе.

– Это он, – подтвердил Арви, глядя на нового гостя с неприязнью. – Нрав у него заковыростый. Но дружина многочисленная, сильная. И может быть полезной. Особенно, если Аскольд с Диром предадут нас.

Едва Умила и Арви успели коснуться персоны нового гостя, как его громовой бас полетел над столом. Он рассказывал одну из своих многочисленных историй, отдающих жестокостью. Его шутки были еще более грубыми и неприятными, чем его гогочущий смех.

– И когда она надоела мне своей болтовней, я засадил ее в бочку, засмолил крышку и бросил в море. Пуцай русалкой станет и плетет свои истории скучающему на дне Эгиру! – расхохотался Гейрхард.

– Мне тоже не нравилась твоя белоручка, – поддакнула сестрица, хихикнув.

– И как это ты умудрился заскучать в обществе молодой девы? – поинтересовался Синеус у сказителя.

– Да так же, как ты, Синеус, умудрился потерять целый город! – не то в шутку, не то в обиду провозгласил беспардонный Гейрхард. – Можно ли ставить тебя во главе хотя бы деревеньки после такого?! Никудышный из тебя наместник!

– Из тебя лучше что ли? – усмехнулся Синеус, хотя на самом деле слова Гейрхарда его задели. Но младший сын Умилы был не из тех, кто ищет себе оправдания или пытается объяснить свои поступки. Он не стал повествовать присутствующим о том, как трудна, непродолжительна и бесплодна оказалась бы оборона Дорестагта, построй он ее там.

– Скоро узнаем. Если твой брат позволит, – добавил Гейрхард, обнажив гниющую улыбку – боги не одарили его крепкими зубами.

Наглое заявление Гейрхарда не могло остаться без внимания. Умиле так и вовсе не понравилось услышанное: ее обидело то, что этот варяг позволил себе упрекнуть Синеуса.

– Я бы мог жениться на твоей сестре, князь Рюрик! – обратился Гейрхард вдруг к Рёрику. – Я буду защищать ее. И ту землю, которую ты дашь за ней в приданое.

Ума, которая кормила из ладони своего хорька, сидящего у нее на коленях, вздрогнула, переведя обескураженный взор на Умилу. В свою очередь старая княгиня оглядела старшего сына неодобрительно: он не должен принимать столь важных решений, не посоветовавшись с матерью. И не должен ничего обещать этому бесцеремонному варвару.

– Али, может, ты не желаешь такого разудалого зятя, способного затмить каждого? – расхохотался Гейрхард, который был высокого мнения о себе. Собрался ли он затмевать всех прочих женихов или самого Рёрика – пока было неочевидным. Но зато его наглость начинала быстро надоедать окружающим. И каким бы умелым и боевым ни был союзник, иногда его личные качества играют решающую роль.

– Ну отчего же... – кивнул Рёрик Гейрхарду одобрительно. А сидящая рядом Дива, удивленно обозрела супруга. Но он не смотрел на нее. – Мысль отменная.

– Ты согласен? – Гейрхард воспринимал любые милости как данность. Он считал, что достоин всего наилучшего и окружающие ему обязаны просто потому, что он, вообще существует в этом мире, такой неповторимый и храбрый.

– Моя сестра заслуживает лучшего жениха. Если ты таков, то я не стану возражать, – ухмыльнулся Рёрик.

Выпучившая глаза Ума не могла поверить своим ушам. Опять брат поступает с ней так же, как поступил однажды: выдал замуж с выгодой для себя самого. Будучи ошарашенной развитием вечера, она уже не видела ничего вокруг. Ее рука упала на лавку, и тут же Ума вскрикнула от неожиданности. Ее ладонь коснулась чего-то холодного и мокрого. Это была улитка, выползшая, вероятно, откуда-то из-под лавки.

Разом осушив кубок, Гейрхард шмякнул сосуд о стол и пошел к Уме и ее улитке, ползущей куда-то и не зрящей угрозы.

– Не бойся, княжна, я смогу защитить тебя от любой опасности, – громко заявил Гейрхард, обращаясь к Уме, которая уже виделась ему невестой с щедрым приданым.

Гейрхард был таков, что каждый раз на него смотрели с удивлением и ожиданием. Он мог произнести что-то вопиющее или произвести нечто такое, что привлечет внимание. Вот и теперь на него взирало множество любопытных глаз. И он не разочаровал зрителей. Ухватив с лавки съжившуюся улитку, он запихнул последнюю в свой гигантский рот. Раздался отвратительный хруст ломающейся раковины. Мощные челюсти Гейрхарда перемалывали несчастную улитку под гогот гостей.

Уме не понравился этот жест нежности. И не понравилось то, что многим сие показалось забавным. Пока они тут тешатся, она опять оказывается подарком для какого-то мужлана!

Вскочив с лавки и не проронив ни слова, княжна покинула застолье. Она не хотела ничего говорить, поскольку осознала, что ее слова – лишь пустой звук в этом обществе, лишенном сострадания.

– Мне дурно... – внезапно поднимаясь на ноги Вольна, привлекла к себе внимание доселе смеющихся над улиткой гостей. – Мне плохо! – уперев ладони в столешницу, повторила она, тяжело дыша.

– И есть с чего, – Умила также поднялась из-за стола. Ее обидело то, что Рёрик не посвятил ее в свадебные замыслы. Если он вздумал выдать замуж Уму, то мог сперва хотя бы посоветоваться с матерью! – Мне нужен отдых. Я устала с дороги. Мы уходим, – заявила Умила, подразумевая, очевидно, двух женщин – Вольну, которой стало нехорошо, и Ефанду. – Гудрун,

помоги ей, отведи ее в дом, – распорядилась Умила, обращаясь к домоправительнице, которая хоть и не была за столом, но присутствовала все время где-то неподалеку. Умила не желала, чтобы Вольна стенала или жаловалась, пытаясь привлечь Рёрика к себе. Видя, как старший сын охладил к бывшей возлюбленной, Умила не собиралась подвергать риску достигнутый успех. – Ефанда, – повторила Умила, призывая невестку покинуть пиршество сообщая, выразив таким образом протест.

– Иди, – приказал Синеус своей принцессе, которая не вняла велению свекрови тотчас. Вероятно, Ефанда рассчитывала задержаться на пиршестве, где ей было интересно разглядывать присутствующих.

Гудрун торопливо уводила морщащуюся Вольну, держа последнюю под локоть. Лебе-душка ступала медленно, но крепкая рука служанки Умилы служила надежной опорой. Одернув шаль, Умила также покинула пиршественный навес и двинулась по дорожке, ведущей к теремам. Ефанда последовала за свекровью, как приказал ей Синеус.

Дива сдвинула брови, совершенно ощущая, что Умила публично оттринула ее. Свекровь не позвала ее за собой в то время, как все женщины семьи покинули праздник.

– Ты тоже иди, – обратился Рёрик к Диве.

– Ты скоро вернешься ко мне? – шепотом спросила Дива, поднимаясь.

– Нет, – Рёрик собирался посветить время Синеусу, которого давно не видел.

Небо было темным, звездным, бездонным. Уходящее в бесконечность, оно равнодушно взирало на землю.

Этот день оказался невероятно длинным, исполненным переживаний. Еще бы, соединение родственников, которые не виделись столько времени. И все же на закате улица опустела: многие путешественники уснули, нуждаясь в отдыхе. Впрочем, кто-то оставался пировать, невзирая на усталость и желая продлить радость встречи.

В тереме Дивы было тихо. Однако спали там не все. Разве что маленькая княжна.

– Ты чего здесь? – вышедшая на крыльцо Миравы еле признала Раду, кутающуюся в плащ так, что было даже не видно ее лица.

– Вольне плохо. Отраву она съела еще утром, – тараторила Рада. – Кажись, ядие подействовало теперь... Надо княгине нашей доложить... Пушай порадует.

– Так Вольна умерла? – переспросила Миравы, вздохнув с облегчением. Теперь Умила и Арви, возможно, проявят милость к ней, исполнив единственное ее желание.

– Пока нет. Может, она и вовсе не умрет... – выразила сомнение Рада.

– Ну как же ты так оплошала?! – вздохнула Мира сокрушенно: Арви пообещал, что поможет ей только в том случае, если Вольны не станет. – Почему она осталась жива?!

– Наверное, не до конца съела утреннюю еду... Прибывшие гости отвлекли, она их пошла встречать... – пояснила Рада. – Княгиня сильно рассерчает, думаешь?

– Да она, вообще, может, не рассерчает... – махнула рукой огорченная Миравы. – Не знает она ни о чем...

– Как это?! Ты же сказала, что она велела опохмелить Вольну! – ужаснулась изумленная Рада, выпучив испуганные глаза.

– Я так сказала, понеже иначе ты бы не согласилась, – пояснила Мира, постучав своим лбом о стену терема.

– Так княгиня наша не ведает ни о чем?! – устрасилась Рада, понимая, какое суровое наказание ей может грозить. – Зачем ты тогда... Ты же сказала, что это ее веление!

– Я не это говорила. Я говорила, что ей лучше будет, если Вольны не станет, – заюлила Миравы. – И Млава тоже ведь такое утверждала.

– То есть я Вольне твой яд дала, а княгиня об этом и не знает?!

– Да. Сколько раз повторять тебе, глупая? Но мы же с благими намерениями, – постаралась объяснить Ми́ра.

– Ты же меня сейчас к беде подвела! – упрекнула испуганная Рада. – О боги, и грех на нас теперь, выходит, – Рада уже дрожала, как лист на ветру.

– А если б Дива знала обо всем, то греха б на нас не было, что ли, по-твоему?! – злилась Ми́рава. – И хватит киснуть, мы старались заради нашей княгини. Послушай, я знаю, как мы поступим. Мы не будем ей рассказывать про яд. Просто скажем, что Вольне плохо. И тогда она не рассерчает на нас, – придумала изворотливая Ми́рава.

В горнице было тихо. Свечи сгорели, осталась последняя. Она медленно таяла, а вместе с ней таяли и надежды Дивы дожидаться Рёрика. Сегодня в честь прибывших гостей устроился громкий пир. Ох уж эти пиры, конца им не будет. И каждые следующие гости, кажется, превосходят предыдущих. По крайней мере, по степени губительности.

И вот сейчас за окном уже глухая ночь, а Рёрика все нет. Видно, весело им там. А ей так страшно! Что замышляют Синеус и Умила против нее? Что наговаривают?

Раздумья Дивы прервали шаги Ми́равы и Рады, послышавшиеся на лестнице. Девушки вошли в горницу.

– Княгиня, есть некоторые новости, – начала Ми́ра, пряча взор. – Вольны касается...

– Что такое? – при упоминании о сопернице лицо Дивы сделалось недовольным. Неужели даже в ночи нужно слушать об этой мерзкой бабе?

– С Вольной плохо сделалось... – слова будто еле-еле слетали с губ Ми́равы. Казалось, она не говорит, а поет затяжную песню. – Князя звала. Да его не нашли.

– К себе его звала?! – переспросила Дива, глядя на Раду, которая стояла молча, а должна знать больше Ми́равы. – Вот, началось... Не отпускает его... Что ж ей не спится-то! С Синеусом он, пуцай не ждет его!

– За живот хватается, кровь у ней пошла, – ответила на сей раз Рада, кое-как успокоившаяся к этому часу.

– В самом деле, плохо ей? – Дива недоверчиво оглядела служанку. Вольна живучая и сильная, с чего вдруг такое... Верно, какие-то козни и притворство...

– Так что нам делать, княгиня? Она хотела князя видеть, но...

– Слышала я! – гаркнула Дива. – Что делать?.. Я не лекарь, не ведаю. Повитуху ей ведите, раз уж на то пошло...

– Так ведь ночь на дворе, – напомнила Ми́рава, подстрекательским взглядом обозревая Диву. – Может, до утра обождать? Скажем, что все спали... Ничего не ведали. А там дальше... – Ми́рава предлагала удобный выход. И неспроста. С Вольной возникла заминка: вместо того, чтоб выпить яд и умереть, та, похоже, его лишь пригубила. И теперь планы Арви рушились. В кончине Вольны можно было б легко обвинить Диву, а то, что сейчас произошло, сойдет за недомогание беременной. Но тиун, уже оповещенный Мирой обо всем, не растерялся: велел доложить молодой княгине о происшествии в надежде, что та бросит Вольну мучиться до утра. А там дальше все слуги наутро подтвердят, что просили о помощи, а княгиня Дива не помогла...

– Я же сказала, приведите ей бабу! Что я ему скажу, если она... – Дива запнулась.

– Сделаем, как велено, – поджав губы, ответила Ми́рава. – Я просто подумала, что раз князя не нашли, то...

– Князя не нашли, а княгиня уже спать в такой час могла бы... – поддержала Рада, глядя на Ми́раву украдкой.

– О, Создатель, дай мне сил! Хватит искушать! Приведите ей лекаря, не слышали меня что ли! И тотчас! – заорала Дива. Нет, она не желала Вольне добра. Она лишь приучила себя в любых обстоятельствах поступать по совести и как положено.

Глава 8. Утро

За окном забрезжил рассвет. Покрытый туманной дымкой двор был зловеще тих. А Дива так и не спала: сон как рукой сняло после новостей о Вольне. Что за напасть такая? Может, соперница претворяется, выдумала новое коварство?! Или нет? Пожалуй, не так плохо, что Рёрик сейчас с Синеусом. Кто бы знал, что и это пойдет на пользу. Пусть лучше там гуляет, чем с Вольной возится и внимает ее лживым речам и притворным стенаниям.

– Княгиня, есть кое-что существенное, – прозвучал голос Миравы в тишине горницы.

Дива вздрогнула. Кажется, она задремала прямо за столом. И вот теперь подняла голову и увидела перед собой Мираву и Раду. Они вновь пришли вместе. А она даже и не слышала, как это произошло.

– У Вольны роды случились... – проямлила Рада, поглядывая искоса на Мираву. – Раньше срока родила.

– Как это? – вот теперь Дива по-настоящему изумилась. Все-таки, не притворялась Вольна. – Что же ей, поистине, дурно было?!

– Поистине. И более она не беременна... – подтвердила Мирава. – И ребенка у ней нет...

– То есть как это? Шутите тут со мной, что ли? – Дива никак не могла осознать услышанного.

– Как же мы с княгиней шутить посмеем? Не выжил ее младенец, мертвым родился. Все так и есть, как изрекаем... Мальчик был...

– Мальчик?... у Дивы похолодела спина.

– Только вот лекарь заявляет, что Вольну отравили, – вымолвила Рада, теребя край косицы.

– Но, может, это и не точно, – Мирава укусила Раду взглядом.

– Как это? Кто ее отравил?! – услышанная новость Диву напугала. – Или это они умышленно так объявили, чтоб меня обвинить?!

– Мы не знаем, – торопливо ответила Рада.

– Что же дальше делать-то? Князя искать нам? – Мирава поторопилась перевести внимание слушательницы на другое.

– Оставьте его в покое. Потом скажете... – Дива сжала переносицу и зажмурила глаза. – Что же делать... Вольна сейчас меня обвинит... Или не Вольна, а Умила и Арви... – испугалась Дива, хватаясь за голову. – Они же во всем меня винить готовы.

В этот же миг раздался детский крик из горенки – проснулась маленькая княжна. Мирава была вынуждена пойти к малютке, но напоследок красноречиво оглядела Раду – нельзя допустить, чтобы последняя чистосердечно проболталась о том, как все происходило.

Дверь за Миравой захлопнулась, а Дива так и не могла прийти в себя. Она сидела в оцепенении и смотрела перед собой на огарок свечи, давно потухнувшей.

– Рада, говори, все что знаешь, – Дива оглядела свою помощницу вопросительно. – Ты же возле нее все время. Кто и как ее мог отравить?! Или это наговор все?

– Ну так, может, на пиру... – брякнула Рада и сама обрадовалась своей выдумке. А что, Вольна была на пиршестве, мало ли что она там съела. – А может, это и не отравы вовсе... А проглотила что-то очень скверное и не заметила...

В горнице стало тихо. Дива думала только об одном – как бы там все ни происходило в реальности, виноватой сделают ее.

– Рада, ты должна помочь мне... – Дива вдруг вскочила с места и принялась снова в горнице в поисках решения. Умила, Синеус, Вольна, Арви, Ефанда – все ее враги в сборе. Нельзя допустить, чтоб хоть тень упала на ее доброе имя, которое они попытаются опорочить. – Вот что... Ты с Вольной день и ночь, служишь в ее тереме... – в волнении потирая лоб, рассуж-

дала Дива. – Скоро Нег обязательно спросит у тебя о ней... И ты должна будешь ответствовать ему так...

Сегодняшнее утро выдалось прохладным. Окруженное пестрой лесной радугой княжеское дворище дремало после громкого ночного пира. Обычно царящее здесь оживление сменилось затишьем.

Пожилые люди просыпаются рано. Но Умила любила поспать. Ее день начинался намного позже того часа, когда петухи раскрывают клювы и оглашают кукареканьем округу. Впрочем, сегодня княгиня-мать пробудилась непривычно рано для себя. Тому способствовал интерес к новому городу и тяга к познанию. Ей хотелось знать все, что тут делается. С утра ее уже посетили швеи. Они сняли мерки, чтобы сшить ей одежду, которой теперь у нее не доставало. А затем она пригласила к себе тиуна для беседы с глазу на глаз.

– Сей напиток колико терпкий... Но в нем есть что-то приятное, – Умила сделала глоток из большой канопки, над которой поднимался пар.

– Как говорят, кипрей помогает от сотни недугов, – учтиво ответил тиун, которому этот чай не пришелся по вкусу. Арви прибыл на зов Умилы в ее избу, полагая, что беседа окажется не из легких. И не ошибся.

– Арви, скажи мне, разве ты не получил от меня письмо, которое должна была доставить Дива? – Умила взыскательно обозрела своего верного слугу.

– Получил... – нехотя ответил Арви, вытянувшись напротив стола, словно проглотив черенок. Умила сидела, а он стоял. Она всегда напоминала окружающим о том, какое место они занимают возле нее.

– Тогда почему же по приезду сюда я нахожу этих двух женщин в здравии? – Умила имела в виду Диву и Вольну. Сейчас она уже затруднялась ответить, кто из них обеих вызывал в ней больше злости. – Может статься, ты считаешь, что мои веления необязательны к выполнению? – Умила шлепнула опустевшую кружку о стол. Ее благодушное настроение сошло, едва лишь опустел сосуд.

– Считаю обязательными к выполнению, – отверг Арви упрек Умилы. – Однако не так просто подобраться к этим женщинам. Да и подходящего момента пока что не выдавалось...

– Вольна тут уже второй год. За это время ты не нашел «подходящего момента»?! – возмутилась Умила.

– Просто я хотел одной стрелой сразить обе цели... А Дива отсутствовала... – оправдывался Арви. – Но я не сидел сложа руки... Делал все, что мог. И в моих начинаниях видны успехи. Вольна уже не так любима государем. Ей не сделаться княгиней, – подчеркнул Арви.

– Ну разумеется, ведь у Нега уже есть любимая княгиня! – Умила воткнула острый взгляд в Арви. – Я же написала в письме: дочери Гостомысла тут быть не должно. – Новгород наш. И Дива нам больше не нужна.

– Я же не ведал, что положение настолько серьезное, – Арви лишь сегодня утром узнал от Умилы подробности того, как Дива провела год в Дорестаде и почему должна молчать об этом.

– А я обязана отчитываться перед тобой в письменном виде? Ужели недостаточно того, что я приказала побыстрее заткнуть ей рот? – рассердилась Умила.

– Это не так легко. Все это время она была возле государя. Или находилась под опекой пристальной стражи. Князь приказал беречь и охранять ее аки зеницу ока, – пояснил Арви. – Однако и в этих трудных условиях я кое-что предпринял, – напомнил тиун. – Вольне ночью дурно стало. Ее отравили... И я подгадал так, что всё имеющееся указывает на Диву...

– Почему тогда ничего не происходит? – Умила не впервые слышала новость про Вольну: с этого сообщения началась их с Арви встреча поутру.

– Ничего не происходит, потому что князь еще спит, – объяснил Арви терпеливо. – Все самое худшее произойдет, когда он проснется и получит эту ужасающую весть.

– А вдруг он решит, что это лишь простое недомогание брюхатой? – Умилу не устраивал неясный исход событий.

– Это исключается, моя повелительница. Как только я увижу сегодня князя, то преподнесу ему событие в нужном виде... То есть опираясь на те доказательства, которые имеются... К тому же лекари указали ясно: непростая это хворь, а насланная.

– Отчего внуков мне должны рожать именно эти гадкие женщины? Неужели нет других? – задалась вопросом Умила, глядя на желтеющую полосу леса за окном. – Вон их сколько... Но *он* всегда выбирает самых противных, – Умила имела в виду Рёрика и его возлюбленных.

– Я могу подобрать кого-то и постараться представить князю выбранную особу, – предложил Арви. – Есть дочери достойных семейств из других городов... Такие союзы будут полезны...

– Нет, не нужно. Я уже сама все подобрала, – усмехнулась Умила. – Аснё!

После окрика княгини в горницу вошла девушка. Одета она была просто, как и полагается рабыне. Но скромный наряд не мог скрыть ее красоты. Высокая и стройная, как молодая березка. Кожа ее была гладкой, почти шелковой. А волосы сбивались в мягкие локоны от малейшей влаги, попадающей на них. Кроме того, ее взгляд был робок, как и нравилось Умиле. Такая дева не будет перечить.

– Как тебе? – Умила хотела узнать мужское мнение. – Я берегла ее долгое время.

– Очень милая и прелестная... – подтвердил Арви.

– Ступай, Аснё, – Умила быстро отпустила свою прислужницу. – Я пока не хочу никаких знатных особ в нашем семействе, Арви. От них одни хлопоты. А вот покорная Аснё совсем другое дело. Она будет всё терпеть и повиноваться молча. Не пытаюсь что-то изменить в своей судьбе.

– Госпожа моя, не знаю, удастся ли такое нынче... – Арви хотел донести до слуха Умилы, что время сейчас неподходящее. – Князь и его молодая княгиня почти неразлучны...

– Ну так да. А после того, что случилось сегодня ночью с Вольной, Нег должен будет сурово наказать Диву. Так ведь? – рассудила Умила.

– Да, но... Это же не значит, что он тут же приманится к Аснё, – негромко возразил Арви.

– Ну а почему нет? Все получится. Главное, хорошо подготовиться. А вообще, знаешь, Арви, я удручена тем зрелищем, что разверзлось пред моим взором... – Умила вдруг указала тиуну на лавку напротив своего стола. Это был жест доверия. – Мои дети... Они не повинуются мне. И они не любят меня так, как бы мне этого хотелось.

– Княгиня заблуждается. Они любят и почитают свою мать... – утешил тиун.

– Это все пышнословные лясы... Единственный, кто еще почитает меня, так это моя Ума, – вздохнула Умила. – Но и она... – Умила не договорила.

– Ума – дочь. А все дщери привязаны к матерям. Посему неудивительно, что она ближе...

– А неудивительно ли тебе, Арви, что после всех своих стараний я почти потеряла моих сыновей? В большей степени меня огорчает Нег... – Умила никогда не могла подчинить старшего сына своей воле всецело. Он прислушивался к ее советам только тогда, когда сам того желал. – Синеус – хороший мальчик, хоть и озорник... – для Умилы младший сын оставался ребенком до сих пор, хотя на самом деле уже был далек от детского возраста, как Дорестадт от Новгорода. – Но он все же иногда считается со мной. Но тот... – Умила на миг замолкла, словно припоминая что-то. – А ведь для Нега я сделала больше, чем для остальных своих детей, Арви! – обиженно заметила Умила. – Если бы не я, то мать Харальда до самой старости оставалась бы женой Годслава, и мы никогда бы не смогли претендовать на его имя и наследство. Если бы не я – мой Нег навсегда остался бы в тени этого прохиндея Харальда!

– Княгиня всегда была радетельной матушкой, и дети ценят это, – уверял тиун, хотя на самом деле уже и сам сомневался. По сути, они делают, что хотят, эти дети.

– Да что Ингрид! Что Харальд...– Умила задумчиво покрутила кружку с остывающим иван-чаем в руке. – Я бы сто Харальдов смела с его пути, лишь бы только он всегда был дома, рядом со мной...Но ведь самая дорогая жертва, которую мне пришлось принести – это мои материнские чувства. Каково мне приходилось, когда я сама отправляла его в эти опасные походы, из которых он мог не вернуться? Сначала с Дражко, потом с самим Харальдом...Мое сердце умирало каждый день много раз в ожидании его возвращения...– Умила любила Рёрика больше других детей, потому что в нем было то, чего не имелось в остальных и в ней самой – он всегда действовал из необходимости. Иногда нехорошо, но как требуют обстоятельства. И порой он бывал справедлив.

– У княгини не имелось выбора: после потери князя Годслава дому требовались защитники. И княгиня воспитала их...– вторил Арви.

– Я отправила его с Дражко не потому, что мне нужен был защитник. Я бы любое чудовище растерзала б голыми руками, чтобы защитить своих сыновей...Я не о себе беспокоилась, Арви. Я старалась ради них. Я хотела, чтобы Нег с Синеусом выросли сильными. И чтобы, когда меня не станет, на свете не осталось такой беды, которая могла бы их уstrasшить...

– И у княгини это получилось. Только моя госпожа со своей удивительной силой духа смогла воспитать столь деятельных сынов. Разве то, что сейчас мы стоим у истоков нового государства, не является подтверждением моих слов?

– Является. Но как нелегко мне пришлось! – глаза Умилы заблестели. Не так часто к ней подступали слезы. Но сегодня ей было трудно. Она не видела Рёрика давно, а вчера заметила, как он изменился. – Все, что я делала, было ради них...До тех пор, пока они не возмужали, я всегда была строга с ними. А ведь в действительности мне хотелось баловать и радовать своих малышей, по крайней мере, когда имелась такая возможность...Как любая мать, я хотела дать им все. Но вместо этого я не дала ничего. Кроме наставлений. Никогда не ограждала их от трудностей. Хотя мне так хотелось помочь им, – грустила Умила. – Но они должны были научиться преодолевать свои сложности самостоятельно. Я боялась, что кто-то сможет их обмануть, обхитрить, обидеть, когда меня уже не будет рядом и я не смогу вступить за них...

– Сердце княгини должно быть спокойно: они усвоили все материнские наставления, – успокаивал Арви. – Сами боги не в силах обидеть их.

– И вот сейчас, несмотря на все мои жертвы, я оказываюсь для них лицом второстепенным...– открыла Умила истинную причину своих расстройств.

– Как можно так говорить? Они никогда не обижают свою мать...И всегда исполняют все ее желания. И даже наш князь. Он уже давно не послушное дитя. Но он берет в соображение все слова своей родительницы. Кто подтолкнул его в поход на Новгород, вселив в него всепокрушающую ярость? – напомнил Арви. – Да он сам, может, и не пошел бы сюда за тридевять земель, если б его мать не нашла способ подвигнуть его! Я же помню, как наш князь был готов разорвать это княжество на две части вместе с самим Гостомыслом!

– Ну, Нег бы все равно сюда пошел...– усомнилась Умила. – Ты же видишь, что случилось с Дорестадом. Нег и сам понимал, что этим рано или поздно кончится. Ему и без меня было ясно, что пора убираться оттуда...А Гардарики – это счастливая возможность.

– Но именно родительница указала князю на этот верный путь, – подчеркнул тиун.

– Ты прав, Арви. Это всё я, – покачала головой Умила. – Если б не мои уговоры, он бы так и остался разбойником, живущим грабежом фризских берегов! И в благодарность за мои радения я теперь на последнем месте после всех его баб! – не сдержалась оскорбленная Умила. – А ты помнишь, что я пережила за тот год, когда мы считали его погибшим вместе с Харальдом? Ведь, кажется, тогда я и поседела...

– Да, княгиня, именно тогда, – согласился Арви. Умила состарилась буквально в один день – в тот день, когда ей сообщили, что Рёрик погиб.

– Разве можно доставить матери большую боль, чем потеря взлелеянного дитя? И я пережила эту муку, Арви! Сколько сил я вложила в него! Сколько страдала и терзалась! Ни одна из этих вертихвосток не содеяла и сотой доли от моих усилий! – сетовала Умила обиженно. Она не могла отпустить своих детей, по-прежнему жаждая оставаться главным человеком в их жизни. Не понимая, что они выросли. А когда человек вырастает – самым главным для него становится он сам.

– Все эти ничтожные женщины недостойны дум княгини... – напомнил Арви. – Сегодня одна, завтра другая. Не следует волноваться из-за преходящих явлений, таких, как снег, дождь или новая женщина.

– Как мне не волноваться, Арви? Я воспитывала сына для себя. А пришли какие-то чужие девки и забрали его у меня, отдалив нас друг от друга! – негодовала Умила. – Ты помнишь то время, когда Нег привел Вольну? Я была против! Понеже я предвидела наперед, что он привяжется к этой нахалке и будет внимать ей! А он должен слушать только самого себя! Или меня. А не этих алчущих волчиц! Потому я и хотела поженить их с Любавой: с ней он бы никогда так не... – Умила недоговорила. Но мысль ее была ясна – Любава была бы удобной супругой и снохой. – Я запретила оставлять Вольну в нашем доме, но он не послушал! И мое слово перестало что-то значить! – распалялась Умила воспоминаниями. – Я сразу предварила, что и тройки лет не пройдет, как он сам захочет убить ее за поганый нрав!

– Зато сейчас князь увидел, что его разумная мать была права, – вывел Арви.

– Ничего он не увидел, – покачала головой Умила. – Он уже забыл, о чем я предупреждала его тогда.

– В юности наш князь был куда более влюбчив... – заметил Арви. – Но теперь им руководит здравый смысл!

– Откель ты знаешь, что у него на уме?! – сердилась княгиня-мать. – Теперь инда я не знаю, о чем думает мой собственный сын! А Вольна... Да, она уже не так опасна, но именно с нее все началось. Именно с нее повелось пустотное отношение ко мне! Когда мать можно ни во что не ставить! – вспыхнула Умила. – Я недаром хотела уберечь его от сильных чувств. Не нужно ему такой привязанности! Он должен легко относиться к любви, не становясь ее рабом.

– Легко – то есть никого не любя? – Арви подумал сейчас о самом себе. Слепым рабом любви стал он сам, пленившись Росой, которая разочаровала его так сильно, как ни одна другая женщина до нее.

– Ну, по крайней мере, не любя сильнее матери! – Умила не понимала разницу между любовью к женщине и к матери. Она пыталась сравнить несравнимое. – А Дива? Что за волшебство! Избалованная дочка Гостомысла вдруг сделалась владычицей помыслов моего сына! Разве для нее я растила его?! Я старалась не для этой гадюки! – сплюнула Умила в ярости.

– Княгиня, сегодня новгородская княжна отправится вслед за Вольной, то есть в забвение, – пообещал Арви, глядя на поднимающееся на горизонте солнце.

Полдень оказался теплым и солнечным. Если бы не пожелтевшая листва, покрывшая ярким ковром остывшую землю, то можно было бы решить, что теперь весна, а не осень. Васса прогуливалась по княжескому дворищу – она никогда не упускала случая приехать сюда вместе с мужем, поскольку дома сидеть ей было скучно. И даже материнство не поменяло этого, а скорее, наоборот, усилило ее желание вырваться на просторы.

Зевнув, Васса поплелась к колодцу. Хотелось пить. Набрав ведро воды, боярыня зачерпнула ладошкой ледяную жидкость и отпила, чуть облив себя. Пока она отряхивалась, к колодцу кто-то пожаловал. Васса подняла взор. Перед ней стоял красивый статный богатырь. Правда, помятый и утомленный будто, хотя было лишь утро. Потирая заспанный глаз, он подошел к ведерку, которое Васса приготовила для себя, и стал бесцеремонно умываться, обрызгав попутно боярыню. После уселся на лавку возле колодца, шурясь на обманчиво ласковом

солнце. Казалось, богатырю даже говорить трудно. Васса заметила, что кисть левой руки у него перевязана.

– Набери еще ведерко, – приказал богатырь. – Жажда у меня сегодня...

Будь на его месте кто-нибудь другой, Васса, вероятно, обратила бы его внимание на то, что она здесь не прислужница. Видно, сей муж вчера изрядно перебрал, раз сегодня он не только себя скверно чувствует, но к тому же и не может отличить, что перед ним уважаемая персона. А это легко определяется по убору: на Вассе много различных одежд из дорогих тканей, в несколько слоев, с накидками и украшениями, в то время как простые челядинки ходят в простом рубище, порой лишь пояском подпоясанным.

Украдкой разглядывая красавца, Васса молча набрала из колодца воды и поставила уже полное ведерко на лавочку рядом с незнакомцем. Она постаралась быть осторожной и не облить последнего бултыхающейся в емкости водицей. Он склонился и принялся жадно пить из ведерка. Казалось, он сейчас осушит сей гигантский сосуд. А Васса все никак не могла отвести от него взор – такой ладный и статный был этот мужчина. До замужества она не имела привычки разглядывать молодых. То ли дело теперь.

После всего богатырь принялся разматывать тряпицу, которая овивала его ладонь. Оказалось, что под перевязью – глубокий свежий порез, еще не начавший заживать. Васса не сумела сразу определить, откуда такая рана могла взяться.

– Полей-ка мне на руку, – кивнул богатырь застывшей Вассе, которая и сама не знала, почему еще не ушла. Она не стала отказываться и даже не возразила, а молча принялась поливать из ведерка, дыбы промыть рану.

После этого необходимого действия богатырь поднялся и потянулся, поглядывая на ладонь, которая все-таки постепенно окрашивалась в алый цвет. Видно, рано снял повязку. Кровь еще не остановилась,

– Пойдем-ка со мной. Перевяжешь мне, – кивнул богатырь Вассе, повелевая следовать за ним.

От такой бесцеремонности Васса растерялась. Ее муж, Мирен, никогда не говорил с ней в столь властном тоне. Он всегда был вежлив и учтив. А этот мужчина – сущий нахал. С другой стороны, что-то в нем есть... Возможно, именно потому, что Мирен так обходителен, он для нее также и пресен, как трава-мурава. То ли дело этот незнакомец! От него прямо-таки исходит какая-то невидимая сила, которая манит. Разве можно его не послушаться? Даже самая властная и сильная женщина иногда хочет быть покорной строгому мужчине.

Устыженная Васса отшатнулась от своих мыслей, невольно разглядывая широкую спину незнакомца и его красивые руки. Она даже застеснялась собственных раздумий и хотела тронуться в объяснения, что здесь, мол, куча прислуги, и пускай он к ним обращается за помощью. Но в последний миг слова замерли на ее губах. И уже ручная Васса отправилась за ним следом, даже не зная куда.

В избе богатырь дал ей сосновую смолу и подходящую для перевязки тряпицу. Васса принялась осторожно накладывать лекарство на его израненную кожу. В ее голову, как назло, лезли непристойные мысли, в последнее время все чаще посещавшие ее, впрочем, обычно не нацеленные на кого-то определенного.

– Покрепче затяни. А то я и до конюшни дойти не успею, как слетит, – ухмыльнулся богатырь, когда Васса едва подвязала, опасаясь причинить боль врачуемому.

– Врачую, как могу, – заметила Васса негромко, но строптиво.

– Лучше врачуй. Это ваше бабское занятие, – заметил верзила, разглядывая Вассу, которая, вопреки своему обыкновению, была серьезна. – И как тебя зовут, избавительница?

– Васса, – кивнула женщина. Следовало бы еще добавить «жена Мирена, дочь Добромира».

– Понятно. А я Синеус. Ты очень искусная. Будешь теперь все время меня лечить...– Синеус сразу оценил симпатичную и яркую Вассу. Зачем ему какой-нибудь надоедливый старик-знахарь? Пусть лучше она перевязывает!

– Прошу не сердчать, но я не гожусь для подобного...– растерялась Васса. Она сто раз слышала о Синеусе от Вольны и теперь удивилась, как это сразу не догадалась по его властным замашкам, кто он такой.

– Можешь не извиняться. Твое мнение в данном вопросе не учитывается, – усмехнулся Синеус.

– Я и не извиняюсь, – Васса собралась с духом, перестав смущаться своим непривычным мыслям. А тем временем Синеус смотрел на нее игриво. Было понятно, что она ему понравилась. Васса это заметила. И сие было ей, конечно, приятно. Давно она не ощущала на себе заинтересованного мужского взгляда. Мирен привык к ней и вслух уже не восхищался ни ее обликом, ни ее умениями, ни ее шутками. А Синеус не особо стеснялся проявлять свои чувства. Его глаза уже наполовину раздели прочно запакованную в тяжелое одеяние Вассу.

– Ничего себе. Ну и нравы у вас тут в Новгороде, – усмехнулся Синеус. – Вот, например, ты. Споришь здесь со мной...

– Я не спорю. Просто я не прислуга, – сообщила Васса.

Повисла пауза. Синеус оглядел собеседницу с ног до головы. Пожалуй, она правду говорит. Как-то он этим утром рассеян и не обратил внимания на ее убор. И потом, откуда ему знать, как ходят в Новгороде? А главное, у него такое мировосприятие, что для него каждая юбка – прислуга.

– Хм, – после заминки оскалился Синеус, заложив руку за руку. – Значит, я ошибся...

– Меня что, так легко перепутать со слугами? – пошутила Васса, даже не зная обижаться или нет. Былое смущение постепенно улетучилось, и теперь она по своему обыкновению оживленно улыбалась. Ранее, когда она пару раз оказывалась в подобных обстоятельствах, то напоминала себе о Мирене. И о том, что хочет быть ему честной женой. И потому всегда спешно удалялась подальше от обольстителей. Но только не в этот раз. Сейчас было уже не удержаться от кокетства. Глаза Синеуса светятся так приветливо и дерзко. Не то что усталый взгляд Мирена. Хороший Мирен муж, вот только лишний раз уже даже обнять не может, если к нему не прилипает самой!

– Нет, конечно. Вовсе нет. Инда не думай такого, – Синеусу сделалось приятно в обществе Вассы, как только она стала играть своей заразительной улыбкой. Он и сам был по нраву весельчак. И не думал грубить ей. Он же не всегда хам! Тем более если с ним по-доброму!

– Что ж, ты меня утешил. Так что теперь я могу удалиться со спокойным сердцем, – шутливо попытожила Васса.

– Ну удались пока что...– кивнул Синеус ей на прощание с задорной улыбкой.

День у Вассы выдался насыщенный, преисполненный хлопот. Однако ее мысли то и дело возвращались к знакомству у колодца.

После того, что произошло с Вольной этой ночью, Дива не могла усидеть на месте. Она пробовала забыться полуденным сном, но ей не спалось. Постаралась занять себя рукоделием, но оно никогда ей не нравилось. Тогда она решила, что дождется ночи и уж тогда-то и поспит. А пока что выполнит свои обязанности хозяйки.

– Мирава, подготовь мое платье...– распорядилась Дива, убирая волосы под платок.

Деревья шумели желтеющей листвой, будто пытаясь наговориться пред долгим зимним молчанием. Выйдя на улицу, Дива задумалась с чего начать: какую из гостей навестить первой.

Умы в отведенных теремах не оказалось – слуги сообщили, что княжна отправилась в баню. А жаль, они с Дивой вчера так и не успели переговорить основательно, все только урывками. Но даже за тот краткий срок сестра Рёрика успела сообщить главное – неспроста Эйрик напал на Дорестада: виной тому Дива. Ну не самолично, конечно, она подтолкнула его к этому. А лишь тем, что не досталась ему, как было обещано. И вот теперь, надо полагать, Дорестада уже нет. Город деревянный, защищать его некому – в таких обстоятельствах даже от большого селения мало что остается после набега варягов. А ведь этот град многое значил для Умилы – там она властвовала почти единолично. Пожалуй, к свекрови лучше не ходить сегодня вовсе, чтобы не раздражать ту еще сильнее.

– Я пришла узнать, все ли необходимое у тебя имеется, – любезно справилась Дива, глядя на бледнокожую Ефанду. Принцесса не вызывала у Дивы положительных чувств. За время, проведенное в Дорестадте, они не подружились, а даже наоборот – успели повздорить. Но как гостеприимная владелица Новгорода Дива считала своим долгом позаботиться и о Ефанде. Тем более Рёрик рассказал, как дорожит дружбой с братом принцессы.

– Все наличествует. Благодарю за беспокойство... – несмотря на краткость речи, Ефанда была удивлена такому радушию. С Дивой они расстались отнюдь не мирно. И вот теперь Ефанда здесь, в городе той, которую пыталась обидеть, когда та была на ее месте – на месте гостыи.

– Твоя служанка сказала, что ты не любишь жарких бань. А в Дорестадте осталась твоя любимая купальня, в которой можно было даже улечься... Так ведь, да? – уточнила Дива участливо.

– В бане мне делается дурно. А моя купальня напоминала большое корыто. Обычно ее выстилали тканями... Так вода остывала медленней... – поддержала беседу Ефанда.

– Если хочешь, я прикажу мастерам изготовить нечто схожее, – вежливо предложила Дива.

– Скоро мы уйдем к Белому озеру. Там и займусь сооружением купален... – процедила Ефанда, которая не желала быть ничем обязанной жене Рёрика.

– Если тебе что-то понадобится, то дай мне знать, – любезно подытожила Дива свой визит.

– Я умею разрешать собственные затруднения, – Ефанда была из тех женщин, которые сами портят себе жизнь своей злостью на окружающий мир. Но не всегда в этом только их вина.

Арви озабоченно вчитывался в содержание некоего письма, когда дверь отворилась. На пороге возник сонный князь. Казалось, он вообще ошибся дверью: шел в терем для сна, а прибыл в гридницу для хлопот. Тиун уж думал, что Рёрик сегодня не удостоит подданных своим присутствием из-за Синеуса, которому сейчас уделяется немало времени и внимания со стороны властителя.

– Государь, прошу разрешить довести сие послание... – тиун протянул Рёрику письмо.

– Что там еще? Расскажи лучше на словах, – отрицательно махнул рукой князь, не решаясь сегодня утруждать себя чтением. – Сейчас не до зауми мне...

Дверь скрипнула, в горенку вошла девушка с веничком и тряпкой в руках. Это была пригожая Аснё. Стискивая в руках тряпицу, она принялась протирать столы, лавки, сундуки. Арви умышленно так подстроил, чтобы появление красавицы выглядело непринужденным. Сперва Аснё должна быть замечена, а уж после...

– Это письмо привезла княгиня-мать. Оно было отправлено королем Карлом еще в Дорестада... – растолковал Арви. А Аснё тем временем начала уборку, взобравшись на лавку и принявшись веником смахивать паутины откуда-то с потолка. Девушка была столь грациозна и подвижна, что ее невозможно было не заметить.

– Карлом? И что этот мерзавец хочет от меня?! – Рёрик сразу же перестал зевать, услышав монаршее имя давнего врага.

– Он хочет... – Арви запнулся. – Будет яснее, если я поведаю с самого начала. Без предыстории тут не обойтись, – стрекотал тиун. – Князю, конечно, известно, что у Карла имеется сын Людовик. Но также у него есть еще и дочь – Юдифь. Так вот Юдифь является вдовой короля Уэссекса Этельвульфа. И ее похитили... Единственное, о чем просит Карл – выдать умыкателя, ежели тот окажется на землях подвластных князю Рюрику.

– Потрясающая наглость, – Рёрик скривился. – Он замучил в своих темницах моего брата Харальда, чуть не убил меня самого, а я должен ему на выручку спешить? Неужели он все еще мнит себя моим сюзереном?! – распалялся Рёрик. – Видимо, Карл упустил из виду, что нынче я не нахожусь у него в зависимости.

– Он может не знать этого наверняка, – негромко пояснил Арви, не желая злить князя. Тот всегда сердился, когда вспоминал о королях-братьях Карле и Лотаре, которые втянули его в свои страсти по делению наследства отца, пообещав вернуть земли Рарожья и отняв полжизни Рёрика на ерундовые приключения. А Аснё тем временем уже терла стол, за которым сидел Рёрик. Ее гибкий стан яркой лентой извивался перед княжеским взором и прямо-таки отвлекал на себя внимание. – Вероятно, новости о том, что князь Рюрик теперь в Новгороде, до него пока не докатились, и он по-прежнему считает своим вассалом того, кто много лет таковым являлся...

– Его ждет неожиданность. Я в его покровительстве не нуждаюсь... И ловить похитителя его дочери не собираюсь. Еще и помогу умыкателю, если он ко мне обратится по какой-либо причине. Вот она, спесь королевская... – негодовал князь, потянувшись к кувшину, в котором должна была находиться вода. Но тот оказался досадно пуст. – Еще смеет у меня чего-то требовать после смерти Харальда в его земляном узилище.

– Повелитель, я думаю, он решил обратиться за помощью, поскольку на то есть основания... – добавил Арви.

– Нет никаких оснований. Их гадкому семейству я ничем не обязан. Он, видно, думал, что я всю жизнь буду разбойничать в его честь, – рассерженный Рёрик даже не стал облачать свою мысль в благозвучную форму. Он сам про себя всё знал и не пытался обманываться. Его жизненный путь не был идеальным и не был лишен ошибок. Ну что ж.

– Государь, этим основанием, вероятно, надо считать личность самого похитчика... – пояснил Арви, а после перевел выразительный взгляд на недогадливую служанку. – Аснё, воды, – кивнул тиун на кубок, который следовало наполнить. Исполнительная Аснё схватила все тот же злосчастный кувшин, который, разумеется, оставался по-прежнему пуст. Растерявшаяся прислужница Умилы оторопело повертела кувшин в руках и вышла из гридницы, вероятно, собираясь добыть живительной влаги где-то на улице. Хотя не простое это дело. Любая вода не сгодится. Надобно сперва сыскать кравчего, ответственного за еду и напитки, которые до правителя доходят. – Ведь Карл надеется, что князь приспешет к нему на подмогу, когда узнает, что коварным похитителем оказался давний неприятель наш... – продолжал Арви, недовольным взглядом проводив Аснё. Кажется, не все красавицы одинаково умны. – А так как «враг нашего врага – нам друг», то Карл решил, что найдет поддержку у нас...

– И кто же он? Кто тот достойный муж, что нахлобучил самого короля? – настроение Рёрика резко поменялось. Вместо того, чтоб приготовиться содействовать Карлу в виду какого-то общего врага, он уже симпатизировал похитителю, поскольку на свете не существовало человека, которого он ненавидел бы сильнее Карла.

– Это граф Бодуэн, известный под прозвищем Железная Рука... Князю, вероятно, его имя известно...

Рёрик удивленно оглядел Арви, медля с ответом. Но потом, вероятно, принял какое-то решение.

– Известно. У нас был некоторый спор на севере у Шельды...– князь прикусил губу. И вправду, граф Бодуэн – давний недруг. По крайней мере, защищаясь, тот тогда изрядно потрепал дружину Рёрика и Харальда. За что и получил своё прозвище «Железная Рука».

– В том и дело. Вот Карл и посчитал, что князь захочет наказать наглеца Бодуэна...

– Еще чего, – недовольно хмыкнул Рёрик. Как бы ни были пренеприятны воспоминания о графе, они ничто по сравнению с обидой на Карла. – Пусть сам спасает дочку и гоняется за мятежным графом...

– Но ее не нужно спасать, государь, – аккуратно заметил тиун, мельком глянув в окно с тем, чтобы понять, куда запропастилась Аснё. А девушка шла по дорожке по направлению к колодцу с такой скоростью, что с ней могли бы соперничать улитки. Зачем она идет к колодцу? Ее не пустят сюда с обычным кувшином воды. – Дело в том, что Юдифь сбежала с графом по доброй воле...– продолжал тиун. – Кстати, принц Людовик – брат Юдифи – помог Бодуэну похитить ее из-под стражи в канун Рождества...

– Даже так? – удивился Рёрик. – В таком случае, я, уж точно, не стану мешать воссоединению влюбленных сердец. Я очень впечатлителен в вопросах чувств, – за глаза глумился Рёрик над Карлом.

– Да, всеконечно, князь понимающий и возвышен в понимании любви...– растерялся Арви, привыкший всегда поддакивать сначала Умиле, потом ее сыновьям. – Но я опасюсь, как бы беды не содеялось...

– Не содеется. Напиши Карлу. Пообещай от моего имени, что если я поймаю Юдифь и Бодуэна, то непременно передам их ему...– оскалился Рёрик.

– Да, это, пожалуй, лучше всего...Княгиня-мать рассудила точно так же...– сообщил тиун. Вот только он не сказал, что Умила на полном серьезе собиралась помогать Карлу, а не насмехаться над ним с расстояния.

– Я только одного не пойму...– задумался Рёрик, потянувшись к блюду, на котором лежали румяные яблоки, так и манящие к себе своей сочной сладостью и ароматом. – Насколько мне помнится, Бодуэн был вассалом Карла и как раз защищал королевство от... Да...Ну вот. Неужели король не в силах припугнуть своего распоясавшегося феодала?

– Он в силах. Он так и поступил. Объявил, что лишит графа его ленных владений, если тот не вернет дочь...– Арви вздохнул. – Это самое сильное оружие, которое может устрашить любого подданного...

– И что? – Рёрик даже перестал жевать яблоко, которым занялся для того, чтоб проснуться и частично утолить жажду.

– Граф отказался вернуть Юдифь...Любовь...– Арви развел руки в стороны.

– О, Бодуэн удалец, – Рёрик снова вернулся к яблоку. – Только сюда, ко мне, он вряд ли заявится.

– Как сказать, – пожал плечами Арви. – Граф может не знать о том, кто есмь князь Рюрик – владыка новгородских земель.

– Не вижу смысла разъезжать с Юдифью по белу свету. Залег бы где-нибудь...

– Все не так просто. Дело в том, что граф и принцесса тайно поженились. Еще в Бургундии. Однако Карл объявил их союз недействительным и приказал отлучить графа от церкви. Что и было немедленно сделано церковниками...– повествовал Арви, с напряжением глядя в окно. Но вместо Аснё и кравчего в помещение влетела муха и тут же прилипла к канопке, где у тиуна оставался недопитый сладкий сбитень. – По этим причинам наши влюбленные поспешили в Рим, желая припасть к Римскому папе Николаю I за защитой. Ведь токмо он сможет снять отлучение, а также узаконить их союз...

– Я понял, – коротко отозвался Рёрик, положив на стол огрызок. Он сам, князь Новгорода, пожалуй, не занимался бы всем этим. Для него вопросы женитьбы никогда не были столь

уж неотложными и священными. Хотя история про графа восхищает. От нее прямо веет благородством. Такой противный граф был при их последней встрече, а оказался сущим рыцарем.

– Король также отправил письмо епископу Утрехта Хунгеру и некоторым другим. Он просит не впускать Бодуэна и Юдифь в их владения, а по возможности поймать их и выдать ему...Все-таки он отец. Растил и оберегал Юдифь...А граф не только украл ее, но и заставил предать собственного родителя.

– Я в любом случае ничем помочь не могу. В Дорестадте – еще куда не шло, но в Новгороде...– Рёрик задумался. Дочери – это отложенные сложности. Неужели и Ендвинда когда-то вырастет и станет такой же, как Юдифь?! Сейчас дочка – такая милая крошка. Не верится, что однажды она тоже пленится каким-нибудь громилой. Нужно быть внимательнее, чтоб не оказаться в положении простофили Карла. Хотя, поделом этому негодяю...

Рёрик основательно отвлекся от беседы, погрузившись в собственные думы. В этот день он и так был не слишком бодр. Но сейчас мысли окончательно поглотили его, и он даже не слушал, что повествовал тиун, живо жестикулирующий.

– Повелитель...– негромко обратился тиун, желая вернуть внимание рассеянного князя к разговору.

– Ты что-то сказал? – зевнул Рёрик, опомнившись.

– Я сказал, что раз уж мы не очень дружны с Бодуэном, не следует ли нам воздать ему при случае...– Арви не успел завершить всей речи.

– Дело былое, я уже не сержусь...– пошутил князь, вспомнив храброго графа, который все-таки сумел дать отпор и выпереть со своих земель алчных захватчиков. Рёрик умел чтить достоинство и отвагу.

– Но все же...Ежели вдруг по неотвратимости судьбины они окажутся на наших землях...Это вряд ли, но с другой стороны их ищут по всей Европе...И граф может ошибочно предположить, что путь через Гардарики в Рим самый безопасный...Так что князь прикажет на случай, если граф и его супруга объявятся здесь?

– Задержать, несомненно, – усмехнулся Рёрик. Всегда хотелось захватить графа. А теперь так тем более, коли тот еще и влюблен.

– И передать Карлу? – на случай отсутствия князя в Новгороде уточнил тиун самое главное.

– О, нет. Конечно, нет! Привести ко мне. А если меня не будет на месте, то запереть где-нибудь тут. При этом Юдифь не обижать...– и после паузы Рёрик добавил, – и графа тоже не трогать. Все, я пошел, – Рёрик поднялся на ноги.

– Ежели я верно уразумел, то в яму для дюжинных преступников графа пускать не следует? – переспросил удивленный Арви.

– Ну, разумеется, нет. Граф – это тебе не какой-то бандит, Арви. Достойного соперника следует уважать, а не пытаться унижить.

– Есть еще кое-что, государь, – Арви склонил голову, не зная, как преподнести следующую новость так, чтобы личность виновного лица в ней не вызвала сомнений. – Утром ко мне пришла наша домоправительница Гудрун...Она доложила, что с Вольной случилась беда. Этой ночью она потеряла ребенка...Повитухи уже осмотрели ее, однако нет ясности в том, что произошло...Быть может, ее отравили...Это совершенно немыслимо: разве может Вольна мешать здесь кому-то? Найдется ли человек, не желающий рождения того дитя...– рассуждал Арви со страдающим лицом.

Едва Рёрик покинул гридницу, как дверь вновь скрипнула – Аснё вернулась с кувшином воды.

– Тебя только за смертью посылать, – отругал тиун служанку, выплеснув в окно остатки остывшего сбитня вместе с мухой в окошко.

В избе Вольны царила непривычная тишина и темнота. Ставни были открыты, но окна занавешены тканью. Дети ушли гулять, их мать нуждалась в покое. Громкие звуки, визги и яркий свет помешали бы ей.

– Что произошло? – спросил Рёрик у Рады, встретившей его на крыльце, залитом солнцем. В такой теплый и светлый день даже не верилось, что могло случиться что-то плохое.

– Не знаю, князь... Но она разволновалась накануне... Что-то ее огорчило, когда гостей встречали... Кажется, ей было сказано нечто обидное... – осторожно ответила Рада, намекая на сомнения Умилы в отцовстве Рёрика младшему сыну Вольны, выраженные в резких словах. – А потом ночью случились преждевременные роды...

Рёрик проследовал в опочивальню, где в постели лежала ослабевшая Вольна. Она была бледна, лицо ее осунулось. Ее укрывало несколько теплых одеял, но она не могла согреться.

– Как ты? – спросил Рёрик, оглядев белую, как полотно, Вольну – она потеряла много крови этой ночью.

– А как я могу быть?! Ты обещал защищать меня. Но не сдержал своего слова! – упрекнула Вольна сторяча. Прошло уже полдня, а он только сейчас явился к ней. Мог бы и пораньше навестить ее! – Твоя матушка уже не впервые покусилась на меня. Но ты вновь бездействуешь, – Вольна была убеждена и винила в произошедшем Умилу, которую ненавидела всем сердцем. И очень сильно желала наказания для княгини-матери. Тем более утром Рада так и сказала – это проделки Умилы! Только княгиня-мать прибыла в Новгород, и началось. А ведь Вольна сидела недалеко от Умилы на пиру, на котором лебедушке и стало нехорошо. – Вероятно, ты не хотел, чтобы наш ребенок родился. Раз дозволил такое.

– Я ничего не позволял, – ответил Рёрик просто. Вольна была из тех людей, которым даже не всегда удастся сочувствовать, не рискуя при этом не вызвать их гнев.

– В этот раз Умиле снова ничего не будет за злодейство?! – бледные губы Вольны растянулись в мстительную полоску обиды. – Или ты опять поставишь ее во главе города?!

– Выздоровливай... – единственное, что ответил Рёрик на прощание.

В сенях Рёрик заметил бабку, сидящую на лавке без дела и жующую что-то, вероятно, кусочек целебной смолы. Он изначально и не заметил тут повитухи. Очевидно, ее помощь уже была не нужна, и все же она оставалась в доме на случай, если состояние больной ухудшится.

– Почему это произошло? – Рёрик оглядел бабку вопросительно.

– Княже, на все воля богов. Только они знают, отчего такое происходит, – ответила бабка, выплюнув в ладонь кусок смолы и поклонившись.

– Она думает, что ее отравили, – Рёрик имел в виду Вольну.

– Государь, я в таком не смыслу. Знаю токмо, что от иных ядов и не спастись. Но она жива, – бабка имела в виду Вольну. – Может, съела что-то скверное... А может, судьба такая. Вот намерен у одной бабы точь-в-точь самое приключилось, за мной посылали. Не все зародыши становятся детьми, к печали нашей, – вздохнула повитуха.

На крыльце Рёрика ожидал тиун. Заложив руки за спину, Арви глядел на помрачневший осенний лес, обступивший Новгород.

– Государь, я немедленно проведу расследование, – Арви склонил голову в знак готовности служить. Он заготовил речь, которую собирался произнести и которая должна была помечать это утро навсегда. – Если Вольну кто-то отравил, то я найду этого злодея и заставлю его предстать пред очами князя...

– Я не думаю, что ее кто-то отравил, – Рёрик не допускал мысли, что обвинения Вольны против Умилы могут оказаться истинными. Или не хотел допускать.

– Государь, всем известно, как молодая княгиня любит своего супруга...– осторожно начал Арви, медленно подводя разговор к Диве. – Любовь иногда толкает человека на страшные поступки...

– И что? – Рёрик выглядел озадаченно.

– Я лишь говорю, что княгиня Дива есмь единственное лицо, которому выгодно сие несчастье...– тараторил тиун.

– Арви, да как ты смеешь обвинять мою Диву в подобном? – Рёрик оглядел тиуна неожиданно грозно.

– Нет, но...– растерялся Арви. Он был уверен в том, что Вольна указала на Диву, как на виновницу произошедшего, а вовсе не на Умилу. – То есть я не допускаю и мысли, что княгиня Дива дозволит себе этакое коварство. И другие также не должны так думать. Я проведу расследование, отыщу истинного злоумышленника, дабы оправдать имя нашей княгини...И токмо ради этого, – подчеркнул тиун. – Я убежден, что мы можем узнать, кто и когда изготовил ядие, кому оно было отдано и...

– Я не хочу даже слушать это...– последние слова Арви казались Рёрику бредом больного, трясущегося в горячке. Какое ядие Арви собрался искать и где?

Глава 9. Долги

Утро в Изборске выдалось холодным, но солнечным. Ночью прошел дождь – обычное явление для этого времени года. Дороги совсем развезло. Да что дороги – и по городу пройти теперь было непросто, не промолив ног. И вот так-то и подкрадывались к жителям осенние хвори.

Орм с усилием заставил себя подняться с постели. На сегодня в гриднице было запланировано заседание. Множество вопросов ожидало внимания опытных умов, пропустить сей сход было бы немислимо. И все же Орм мечтал о том, чтобы остаться дома, хотя и знал, что такое невозможно в сей важный день. Однако простуда подступила к нему так неожиданно и оказалась столь коварна, что вполне оправданным было помышлять о дне отдыха.

– Выпей это, полегчает, – послышался заботливый голос любимой женщины, а после на столе оказалась канопка с чем-то горячим и, кажется, хвойным.

– Тома, я так скверно себя чувствую, что кажется, будто мне не поможет никакой отвар, – отозвался Орм, безнадежно потянувшись к сосуду с напитком. – Что это?

– Это заваренные сосновые иголки. Лишь только заболел, надо сразу выпить настой, и недомогание быстро оставит тебя, – заверила Тома.

– Мне бы только продержаться на сходе и не упасть прямо там, – посетовал Орм.

– Продержишься. Пей.

Подходя к гриднице, Орм обреченно обзирал деревянные крыши, выглядывающие одна из-за другой, как опята на пне. Пока что хваленые иголки не дали ожидаемого, и Орм шмыгал носом через каждый шаг. Собственный воспаленный нос Орм теперь ощущал как огромную тяжелую репу, затрудняющую не только дыхание, но даже и речь.

– Приветствую! – голос Велемиры резанул ухо Орма, словно хворостина. Что опять задумала эта хитрая баба? Сегодня он сам, уважаемый тиун, не готов поддакивать ей.

– Княжна... – поздоровался Орм, сопроводив приветствие чиханием.

– Я хотела обговорить готовящийся праздник. Осенины в честь Перуна, Велеса и Морены... – начала Велемира воодушевленно. – Изборск будет славить могучих богов, просить их милостей... Однако вместе с богами следует чествовать и тех, кто им служит! Перун, к примеру, не токмо властитель огня небесного, но и покровитель дружины. Я думаю, в этом году нужно восславить вместе с Перуном и правителя Изборска. Как воеводу, готового защитить город в любой миг.

– Кажется, осенние чествования богов происходят скромно, – выразил предположение змееглазый тиун. Владеющий в совершенстве множеством языков, он был человеком общительным. Бесконечные разговоры оказывались по сути основным видом его деятельности. Оттого он много знал обо всем и обо всех, имея приятельские связи повсюду, где бы ни оказывался. Вот и теперь он уже знал об Осенинах достаточно, чтобы поддержать беседу с княжной.

– Это обычно. Но в этот раз я хочу, чтобы изборчане собрались на площади. Восславили Перуна. А потом своего защитника! – талдычила Велемира нетерпеливо.

– Я подумаю, как это лучше устроить... – шмыгнул распухшим носом Орм, собираясь покинуть княжну. Сейчас ему было даже не до того, чтобы вникать в ее задумки. Но тут к тиуну приблизился человек. Орм хорошо знал его – это был гонец.

– Вести из Новгорода... – гонец протянул тиуну послание и что-то шепнул на ухо.

Орм читал быстро, не меняясь в лице и не сопровождая прочитанное речью. А впрочем, ему было нелегко говорить: каждое слово давалось с трудом из-за першения в горле.

– Что там, Орм? Нечто важное? – забеспокоилась Велемира отчего-то. – Поддай сюда, – княжна протянула властную руку к посланию.

– Это личное письмо, – отрезал тиун, пряча послание в котомку.

– Это письмо от Рюрика к Трувору? – Велемира уже собиралась возмутиться: неужели Орм думает, что она не может читать письма, которые смеет читать он сам?!

– Это письмо от Арви ко мне... – пояснил Орм, громко высморкав нос.

– Ах вот как... Прощу прощения... Уповаю, у Арви и моей сестры все ладно... – выразила надежду Велемира.

– Тиун жив и здоров. Другие дочери Гостомысла также здоровствуют, – подтвердил Орм. В этот самый момент он вдруг почувствовал неожиданное облегчение – его нос вновь смог дышать, и воздух показался невероятно свеж и приятен.

– Другие дочери? – не поняла Велемира.

– Жена князя Рюрика, княгиня Дива, вернулась в Новгород из своей ссылки, – сообщил Орм.

– Вот как?.. – на лице Велемиры изобразилось разочарование. – Я думала, ее изгнали надолго.

– К счастью, княгиня оправдана и возвращена, – повторил Орм. – И теперь, по словам тиуна, княгиня Дива властвует не только в княжестве, но и в сердце своего князя.

– Что-то не верится! – завистливая Велемира пристально следила за судьбой младшей сестры и теперь корила себя за то, что пропустила эту новость.

– Но так есть: князь и княгиня живут в согласии и счастье. Очевидно, в скором времени нужно ждать наследников.

– А как же Вольна? Ведь Рюрик любит Вольну! – разъярилась Велемира полученным новостям.

– Кажется, эти слухи сильно преувеличены, – усмехнулся Орм. – Прощу прощения, мне необходимо собраться к заседанию... Сегодня в гриднице будет обсуждение подготовки к зиме... – Орм сдержанно поклонился и отправился своей дорогой.

Глава вече Барма возвращался из гридницы, где, как обычно, выступал на собрании. Заседание прошло мирно, хоть и затянулось. Зато обсудили множество вопросов: и урожай, и возведение стены, и даже заготовку красителей и смолы на зиму. День удался. После сходки Барма в отменном расположении духа направлялся домой: там его ожидал ужин. А собственно, почему главе вече не пребывать в добром настроении, если все его начинания преследует успех? Уже второй год Барма возглавляет изборских бояр, играя роль посредника между ними и правителем. Кроме этого, его земли обширны и приносят урожай. Для дочерей он подыскал достойных женихов. А самое главное – торговые дела Бармы идут превосходно. Ведь, когда сюда пожаловали варяги, Барма с их помощью занялся торговлей. Его приятель – купец по прозвищу Рядович – представлял их совместные интересы на далеких рынках. Прибыли росли от раза к разу. А однажды Барма с Рядовичем и вовсе отделились от пришлых, занявшись своим делом обособленно, уже без обязанности делиться с кем-либо прибытком. Как раз сейчас Барма подсчитывал в голове размер барышей, обещающих быть этой осенью значительными, ведь урожай проса в нынешнем году уродился. Вдруг на пути боярина возник рослый человек, одетый в строгие дорожные одежды. Барма, явно, не обрадовался, увидев крепко сложенного путника.

– Глава вече, нам надобно переговорить, – обратился человек к Барме. – Где мы можем это сделать?

– Ах, это ты, Сборен... – губы Бармы скривились. – Признаться, сейчас я не располагаю свободным часом. Зайди на следующей седмице... – постарался отделаться боярин. – Или даже будет лучше, если я сам найду тебя...

– Я здесь всего на один день и тот, чтоб перемолвиться с тобой, боярин, – пояснил Сборен холодно. По всему было понятно, что он не такой уж добродушный человек.

– Ну коли так... – заерзал Барма. – Говори, только скорее, у меня нет охоты сейчас обсуждать пустое...

– Я пришел по наказу новгородского волхва Ягины, у которого ты занимал, – напомнил гость громко. Барму даже передернуло. Он выпучил глаза, всем видом давая понять, что это обстоятельство не нужно предавать огласке, крича на всю улицу. – И теперь ты должен вернуть долг.

– Вещай тише, ты не на площади! – цыкнул Барма. – Доедем до моего дома, там и поговорим. Тут недалеко.

Усадьба Бармы утопала в ярких осенних красках. На дворе сустились слуги – теперь их было достаточно у главы вече и его супруги. Некогда грустные события покинули этот дом, оставив ему заслуженные спокойствие и тишину.

– Где Хлебослава? – спросил Барма у служанки, метущей с крыльца пожелтевшие листья, разбросанные осенним ветерком.

– Хозяйка в саду.

Сад Бармы представлял собой причудливые заросли терновника. Изогнутые стволы затайливо извивались, прижимаясь друг к другу, образуя местами непролазные дебри. На ветках громоздились созревшие темно-синие плоды, еще неубранные, но зато украшающие сад ожерельем ярких бусин.

На траве стояла высокая кошица в три локтя шириной – корзина, расширяющаяся кверху – куда Хлебослава укладывала сорванные ветки.

– Слава, привет тебе, – Барма поцеловал жену. Между супругами установился мир, жизнь их наладилась: Хлебослава простила Барму и больше не упрекала его за все подряд. Сам глава вече вернулся на стезю верного мужа и теперь старался для жены так, как она всю жизнь старалась для него. – Чем ты занята? – рассеянно спросил Барма, ум которого был поглощен гостем, стоящим подле него.

– Собираем терновник, – ответила жена главы вече, утерев исцарапанной ладонью лоб. Несмотря на то, что Барма привел ей в помощь прислугу, Хлебослава и сама продолжала трудиться, будучи неприученной подолгу сидеть без дела. – Ты разве забыл? Будем скоро жечь терновник, дабы громовержец-Перун обошел нас пожарами и молниями.

– Ах да, – ответил Барма, а затем указал Хлебославе на гостя, пришедшего вместе с ним. – Это мой добрый друг Сборен. Мы отобедаем у нас...

Сегодня стол главы вече был полон пирогов, которые румяными месяцами обсыпали огромное резное блюдо. Стоящий в избе аромат выпечки располагал к настроению и беседам.

– С этой стороны сочни с мясом и яйцом, а здесь – с кашей и грибами... – Хлебослава подсказала, где можно обнаружить пирожок с нужной начинкой. – А вот тут сладкие сочни с терном, – Хлебослава поставила на стол еще одно блюдо с такими же точно пирожками-половинками, из которых выглядывала яркая густая начинка.

– Отведаю с удовольствием, – вежливо ответил Сборен Хлебославе, потянувшись к пирогам. – Так что относительно долга? – сей вопрос посланника Ягины был обращен к главе вече и звучал не столь любезно, как предыдущие слова.

– Ты должен знать, что я не для себя у Ягины занимал. А по поручению племянника самого князя Рюрика, – Барма на самом деле занимал для себя и своего друга Рядовича, но пообещав долю от будущей деятельности Годфреду; последний потому и поручился за боярина и его купца.

– Годфред уже как год среди почивших. Так что теперь долг полностью твой, – заключил Сборен, зажевав терпко-кислый пирожок с терном, не лишенный приятной сладости.

– Я это понимаю. И не отрекаюсь от долга... – Барма пододвинул ближе к гостю блюдо с пирогами, надеясь задобрить грозного посланника. Но не все затруднения можно уладить таким простым способом, как стол с пирогами и радушие. – Однако ныне у меня лишнего не наличествует. Все в товарах... Вот вернется Рядович, и мы заплатим тотчас... Ткани, вина, пряности, орехи – все, чего душа пожелает... – пообещал Барма.

– Монеты. Ничего другого не нужно, – сурово отрезал Сборен.

– Да где же я столько монет возьму? Это не так просто, – затынул Барма.

– Возврати то, что брал взаймы, – повторил Сборен.

– Что ж, монеты, значит, монеты, – кивнул Барма, попутно раздумывая, как избавиться от обременительного долга. – Но нужно дождаться Рядовича. Корабль придет и... – Барма не успел договорить, как оказался снова прерван.

– Мы договаривались на теперешнюю осень. И вот она наступила, – напомнил Сборен сурово.

– Да, это так, мы улаживались. Но нынче я не состоятелен! – у Бармы, и правда, не имелось свободного имущества, не занятого в торговле. Кроме того, дела у них с Рядовичом пошли в гору не так давно. И изъять сейчас из оборота такие значительные величины, грозило бы тяжело-преодолимыми трудностями. – А на мне еще дом и семья. Уразумел?!

– Я-то уразумел, а вот ты, похоже, не соображаешь, – предостерег Сборен, прикончив очередной пирожок. – Нет у него, видите ли! Это твоя сложность. Возврати заём, или мы пожалуемся наместнику. Трувор заставит тебя вернуть долг. Инда если пристанет распродать все твое имущество, – погрозил Сборен, обозревая хоромы Бармы, которые хоть и не изобиловали роскошью, но говорили о достатке хозяина. Да и широкий двор со слугами подтверждает то, что Барма не бедняк.

– Да как же так?! – стоящая за спиной Бармы Хлебослава даже схватилась за сердце от столь пугающих угроз гостя. Ей следовало невероятных усилий все это время хранить молчание и не вмешиваться в разговор. Но теперь она уже не могла вытерпеть: только в семье все наладилось – и тут вдруг новые беды.

– Слава, ступай в сады, – Барма не хотел, чтобы жена вмешивалась. Неизвестно, что она скажет и как он сам почувствует себя после ее слов. Доверие между супругами едва установилось. И Хлебослава не должна сомневаться в том, что он решит эту проблему. – Послушай, Сборен, я же и не отказываюсь от обязательств! А всего лишь прошу о небольшой отсрочке, – попросил Барма уже более любезно. – Даю слово... Пара лун, и все будет возвращено! Я сам доставлю искомое в Новгород Ягиле...

– Пара лун. Долг. И четверть сверху, – вдруг заявил посланец круглого волхва Ягилы.

– Четверть за столь короткий срок?! – раскрыла рот в изумлении Хлебослава.

– Слава, не вмешивайся, – Барма желал вести переговоры лично, без женской поддержки, которая иногда только мешает. – Сборен, послушай, это ведь, и впрямь, слишком много...

– Или плати сейчас, – предложил Сборен резонно. – Али мы обращаемся к Трувору... А может, и к Рюрику... Сам осознаешь, какое наказание полагается за сие злоупотребление... – наперед предрек Сборен. – И думаю, ты не сохранишь своей должности и уважения после такого.

– Уговор! Долг и четверть сверху, – Барма стиснул зубы. Окаянный сборщик облупил его, аки вареное яйцо!

Летняя спальня, устроенная из сухого сена, располагалась на чердаке и являла собой хоть и скромное зрелище, но все-таки была уютным местом. Аромат скошенных трав и цветов наполнял помещение, где было удобно отдыхать в любое время суток. Тут всегда оказывалось тихо, темно. И сюда никто не мог ворваться просто так.

– Тома, как бы ты поступила, если бы твой друг, которому ты обязана всем своим положением и даже жизнью, попросил бы тебя об услуге? Но не о простом одолжении, а о чем-то таком, что сделать непросто. Совсем непросто. И рискованно, – Орм задумчиво смотрел в потолок, перебирая в уме какие-то события былые, а может, наоборот грядущие. Прижавшись к нему, на постели из сена дремала женщина. Это не была какая-то молодая красавица. Избранница изборского тиуна являлась женщиной зрелой и мудрой. За ее плечами остался брак с состоятельным, но незнатным человеком, который оставил после себя процветающее дворище с большим хозяйством. Дети Тома пока не возмужали, но уже вышли из возраста, когда хватались за материнскую юбку, не давая ей ступить и шагу. Так что вдова оказалась в той поре своей жизни, когда могла позволить себе думать не только о чадах, но и о своей собственной судьбине.

– А о чем столь трудном ты хочешь меня попросить? – пошутила Тома, зевнув.

– Ха-ха, – тиуну нравилось, что его избранница обладает подвижным умом, с ней интересно. К тому же она из тех редких людей, которые всегда оказывают какую-то помощь и поддержку. Вот только он заболел, как она быстро вылечила его.

– Это Барма? – уточнила Тома, надевая платье.

– Ну, разумеется, нет, – усмехнулся Орм, который хоть и приятельствовал с главой вече, но своим другом того не считал. – Человек, о котором я говорю, не живет в Изборске.

– Арви? – догадалась Тома, собирая волосы в пучок.

– Да, он, – подтвердил Орм.

– Ну что ж, коли ты ему должен, то долг следует отдавать, – рассудила Тома.

– Знаешь, а ведь то, о чем Арви меня попросил, в некоторой степени отвечает и моим собственным интересам... – задумался Орм. – Ты никогда не задавалась вопросом, отчего это наместником Изборска был поставлен недалекий вояка, погрязший в разврате и пьянстве?

– Я думаю, что знаю ответ, – отозвалась Тома, подвязывая волосы лентой. Ее руки были не только необычайно умелыми и целебными, но и красивыми. Ее покатые плечи и круглые локти особенно нравились Орму. Хоть она и не невинный бутон, но зато красивый цветок. – У Трувора может иметься множество недостатков. Но он верен князю Рюрику. А верность – это самое главное. Особенно ее ценит властитель, у которого пропасть врагов.

– Откуда ты все знаешь? – усмехнулся Орм. – А впрочем, так и есть. Трувор ничего не умеет, ничего не знает и не в состоянии думать так, как требуется от государственного ума, – серчал Орм. – Наместником Изборска следовало назначить кого-то более опытного и глубокого. К примеру, того же Арви. Или хотя бы меня... – рассуждал Орм. – Значит, верность? И отчего же ты полагаешь, что Арви не предан Рюрику так, как предан Трувор?

– Потому что твой Арви прежде всего думает о себе самом, а не о своем князе. Даже сейчас, когда он просит тебя поквитаться с Трувором... – Тома была знакома с тиуном Новгорода по подробным рассказам Орма.

– Арви просто любит свою жену, – пожал плечами Орм.

– Вот я и говорю. Верность Трувора превыше всего. Превыше любви, чести и собственных устремлений. Трувор выполнит любой, даже самый неприятный для него приказ, если приказ сей будет исходить от князя Рюрика.

– Да, это правда, Трувор повинует, не думая и не противясь. Он как преданный пес, готовый укунить любого, кто приблизится к хозяину, – слова Орма прозвучали уничижительно.

– Я думаю, ни один властедержец не живет безмятежно. Взять хотя бы сельского старосту. И он сталкивается с досадными трудностями, не все из которых удастся решить мирно. То ли дело князь. Потому и нужен верный «пес», который всегда рядом. К тому же, наместником должен быть не только человек верный, но и грозный в достаточной степени, чтобы напугать окружающих, – усмехнулась Тома. – Как бы ни был плох Трувор в государственных делах, но он умеет заставить других повиноваться. Вряд ли кто-то дерзнет перечить столь могучему детине.

– Сила есть, ума не надо, – недовольно отозвался Орм.

На широком подоконнике были разложены бусы и браслеты. Рядом на лавке покоился плащ, подбитый мехом. Приготовленные вещи ожидали своего часа. Помимо того, тут же стоял большой сундук, набитый различного рода ценными вещами.

– Сегодня ночью меня не будет дома, – предупредила Велемира, занятая сборами.

– Куда ты собираешься? Опять в храм Макоши? – зевнул Трувор, растянувшийся на лавке.

– Да. Я приготовила подношения богине, – Велемира кивнула на сундук. – А после обрядов я останусь ночевать в храме на капище.

– Зачем только тебе это нужно? – недоумевал Трувор.

– Макошь обратит на меня свой взор, и я подарю тебе долгожданного сына, который наследует все твои земли, – объяснила Велемира. После новостей из Новгорода княжна ощутила себя так, словно отстаёт от каких-то сроков. И теперь ей хотелось нагнать сестер, по крайней мере, Диву.

– Веля, у меня нечего наследовать, – усмехнулся Трувор, подложив руку под голову.

– Есть. Изборск, – заметила Велемира, прилаживая к голове нарядный кокошник, украшенный кокетливыми колтами.

– Я же тебе говорил – я не хозяин Изборска. Я всего лишь ставленник тут, – напомнил Трувор.

– Это необходимо поменять, – взялась за старую песню княжна.

– Это нельзя поменять, – отрезал Трувор.

– Это можно и нужно поменять, – настаивала Велемира. – Своим успехом в Новгороде Рюрик обязан и твоему клинку. Ведь ты пришел с ним вместе в город моего отца и помог сделаться там князем.

– Ну не один же я пришел тогда в Новгород вместе с Негом, – напомнил Трувор, поднимаясь с лавки. – И не каждый из пришедших сделался наместником.

– Ты достоин быть князем не меньше, чем он! – долбила Велемира. – Да и сам посуди, если ты согласен на то, чтобы уступить свой пост другому – то так однажды и произойдет. Но ты не понимаешь, что и сам изменился навсегда. Ты уже не тот, что был раньше. Ты не сможешь отныне быть простым воином, каким был когда-то.

– Веля, прекрати! – гаркнул Трувор и вышел вон, хотя до этого разговора намеревался вздремнуть.

Стояла дивная погодка. Солнце сияло так ласково, что казалось, это не осень на дворе, а весна. Княжеский детинец, обрамленный золотой стеной пожелтевших берез, стоял в хрустальном мареве прошедших дождей.

Барма бодрой поступью шел по двору, огибая лужи и насвистывая песенку, когда на его пути возник тиун. Боярин добродушно кивнул другу Арви в знак приветствия. Орм подал главе вече знак остановиться.

– Боярин, ты-то мне и нужен, – начал Орм, поздоровавшись с Бармой за руку. По долгу службы они общались часто. Изначально обсуждали только дела княжества, но со временем перешли и к житейским историям. Так незаметно между ними завязалось подобие дружбы. По крайней мере, они часто пособляли друг другу в тех или иных вопросах. – Наместник желает видеть тебя. Сей же час.

– Что-то стряслось? – Барма уже шествовал в ногу с Ормом в направлении гридницы. – Ты заранее скажи, чтоб уж я готов был, коли так...

– Скажу...Итак...С утра пожаловал к нам в гридницу некий Сборен. Говорит, денег ты должен новгородскому жрецу...– пояснил Орм.

– Да, но мы с ним договорились об отсрочке! – ошарашенный Барма наступил в лужу, не заметив оной. Зачем поверенный волхва, его сборщик долгов, приспел к Трувору после уговора дожидаться оплаты от Бармы?

– Не знаю, о чем вы договорились, но Сборен требует заплатить тотчас.

Трувор стоял возле окна и с довольным выражением лица жевал пирожок. Вдруг дверь в гридницу отворилась. Скорой поступью в горницу проследовали Орм и Барма. При их приближении наместник тут же сделался суров, брови его строго нахмурились. Пирожок пришлось отдать птичкам, чирикающим за окном.

– Вот и ты! Где тебя носит?! – сразу же набросился Трувор на Барму. – Мне по всему Изборску тебя вылавливать?! Я, кажется, велел, чтобы каждое утро ты приходил в гридницу. Хочешь оставаться старшим – будь всегда под рукой моей. Иначе мне придется назначить главой изборского вече другого, более усердного! – пригрозил Трувор.

– Прошу принять мои искренние извинения. Князь вызывал меня? – подхалимски начал Барма, стесненно переглядываясь с Ормом, сохраняющим подозрительное спокойствие.

– Вызывал! Ты знаешь некоего Сборена?! – повысил голос Трувор.

– Княже, я знаю его. Одначе уверяю, словам этого проходимца не следует верить всецело... – замялся Барма, непроизвольно вжав голову в плечи.

– Этот Сборен утверждает, что сюда его отправили жрецы из Новгорода, дабы он взыскал с тебя долг, который ты брал у них два года назад. Это так?! – выпучил глаза Трувор.

– Не совсем, правитель. Дело в том, что этот заем мы брали вместе с Годфредом, – не растерялся Барма. – Вернее, Годфред брал. А я лишь исполнил его поручение касательно полученных средств...

– Что это значит? – нахмурился Трувор.

– Годфред хотел, дабы Рядович привез ему товары из Царьграда, которые можно было бы продать на местном рынке, – пояснял Барма, сбиваясь. Изначально он не был намерен слишком перекраивать факты, но потом решил, что это обоснованно. Сборен посетил его дом, вкушал его пищу, был представлен его жене – и несмотря на все это, дерзнул нарушить уговор и нажаловаться наместнику.

– «Рядович»? – Трувор вопросительно оглядел тиуну.

– Купец... – пояснил Орм невозмутимо.

– Годфред, видно, думал торговать... А посему эти деньги не мне были даны взаймы, а племяннику князя Рюрика... – торопился объясниться Барма. – Я лишь выступил посредником между... – тараторил глава вече, но был прерван наместником.

– Я понимаю, что ты считаешь себя самым умным, а всех остальных слабоголовыми, в том числе, видать, и меня... – теперь уже Трувор угрожающе наступал на Барму. – Это опасное заблуждение.

– Князь превратно истолковал мои слова... – Барма почувствовал холодок, пробежавший по его спине. Что еще тут сказал этот Сборен? Почему Трувор столь зол?

– Предупреждаю, если еще раз набрешешь мне, я сам оттяпаю тебе башку, – пригрозил Трувор. – Нет ничего проще, чем свалить всю вину на того, кто уже ушел. Однако, помимо этого осознания, я также располагаю достоверными сведениями о твоей договоренности с новгородскими жрецами. Они давали взаймы именно тебе. Хотя и под поручительство Годфреда. На случай, если с тобой что-то случится и ты не сможешь вернуть долг. Годфред взял на себя это обязательство, ведь ты пообещал ему часть своей прибыли. Кажется, так? – уточнил Трувор у застигнутого врасплох Бармы. Последний не ожидал столь потрясающей осведомленности от наместника. – Как видишь, я тоже кое-что понимаю в торговых делах... – оскалился Трувор.

– Князь, я... – оторопел Барма, испуганный последствиями, которыми ему грозит вся эта история. Вероятно, Сборен привел каких-то свидетелей, коли Трувор знает так много.

– Кроме того, сей уговоренности вашей имеются видоки – дружинники Годфреда, а ныне мои гриди, – перебил Трувор боярина. – К ним же – новгородский староста, удостоверивший ваше соглашение, – перечислял Трувор все обстоятельства, указывающие на факт заключения сделки. – Надеюсь, ты не заставишь меня тащить сюда этого старика, чтоб он лично ткнул тебя носом в твоё трусливое вранье?! – рывкнул Трувор.

– Как я смею... – блеял Барма, поглядывая на Орма, слушающего беседу с непричастным видом.

– Внимай, подлая гадина: мне не нужны здесь сложности. И я не хочу, дабы наш великий и справедливейший князь подумал, что я замешан в столь недобросовестных плутнях! – вопли Тривора слышались уже даже на дворе.

– Князь, я обещаю, что все выправлю... – поспешил заверить Барма слабым голосом.

– Конечно, выправишь! – орал Трувор на уже трясущегося Барму. – Или я вырву твои кишки и скормлю их своему псу! – Тривору было не нужно, чтоб казалось, будто он не может справиться с боярами. Нога споткнется, а голове достанется. – Ты вернешь этим новгородским жрецам все до самой последней монеты, шкуры, камня или что ты у них там занимал! Ты понял меня, падла?! – Тривор был очень зол.

– Князь, клянусь Перуном, я все возверну. Токмо прошу дать хоть сколько-то времени... – скулил Барма. Что за чертовы варяги! Прежний князь никогда бы не позволил себе такого грубого обращения с подданным! Тем более из-за новгородских жрецов.

– Я даю тебе времени до Солнцесияния! – обозначил дату разъяренный Тривор. – И ни днем позже!

– До дня празднования... Зимнего Солнцестояния... – негромко поправил Орм. Если наместник может позволить себе перепутать имена богов, людей, даты и события, то тиун не обладает таким же правом. Кроме того, он сам, рассудительный Орм, как раз для того и дан в помощь правителю, чтобы подсказывать тому при затруднениях. – То есть до Каляд...

– До Дня Каляд! – гаркнул Тривор. – И вбей в свой пустой котелок следующее: для тебя нет никакой возможности уклониться от этого долга. Если по какой-либо роковой случайности с этими жрецами что-то стрясется, то ты вручишь всю сумму лично мне, – вдруг утвердил Тривор. – А я передам ее в казну князя Рюрика... Ибо, надо думать, они занимали тебе не из личных сбережений... – неожиданно объявил Тривор, хотя, вероятно, так вовсе не думал.

Барма вышел из гридницы сокрушенным. Торговые дела только наладились. Нельзя сейчас все испортить, изъяв что-то из оборота. И Рядович расстроится таким новостям... Тут же главу вече нагнал Орм.

– На обед к жене? – кивнул Барма тиуну для поддержания беседы.

– Точно, – подтвердил Орм. – Если желаешь, можем отобедать вместе. Я приглашаю тебя...

– Признаться, мне так дурно сейчас, что в горло ничего, боюсь, не полезет, – расстраивался Барма.

– Приятного мало, – согласился Орм. – Но, как говорится, однажды и самая запутанная кудель становится ровной нитью...

– Но не всегда время на это имеется... – подчеркнул повесивший нос Барма.

– Времени у тебя еще достаточно до Зимнего Солнцестояния. Выход обязательно найдется...

– Нежелательный выход всегда быстро сыскивается, – поджал губы боярин. – Меня такой не устраивает.

– Конечно, не устраивает. Ведь, помимо долга, есть и другая опасность: твоя должность. Тривор может лишь тебя места. И поставить кого-то другого. Кого-то своего.

– Ты прав...– вздохнул Барма напряженно. – Это почти неизбежно. Как же мне быть, Орм? Посоветуй.

– Да у тебя по сути всего два пути...– загадочно изрек друг новгородского тиуна, за рукав оттаскивая Барму от новой лужи, в которую тот грозил наступить от расстройства. – Либо вернуть долг в срок, либо...

– Либо? – Барма замедлил шаг.

– Либо молиться, чтоб тебя спасли обстоятельства...– подсказал Орм.

– Если беда с волхвом и его посланником случится...– прошипел Барма.

– Но даже сия трагедия твоего положения не поменяет. Наместник ясно дал понять, что если со жрецом лихо содеется, то ты все равно останешься должен...– напомнил Орм.

– Ты считаешь, Трувор, истинно, в случае, допустим, кончины жреца передаст мой долг в казну Рюрика? – сдвинул брови Барма в недоумении.

– Что-то сомнительно, – усмехнулся Орм. – Не пойми неправильно: он бы обязательно передал, если б эти деньги были выделены точно из казны. Однако я слышал, что средства сии являлись личным достоянием новгородского жреца. Так что, похоже, наместник хочет одной стрелой убить двух зайцев: не уронить лица в случае, если история вылезет пред Рюриком, и нажиться, если она канет в безвестность, когда ты избавишься от своего одолжателя...Зачем добру пропадать? Ты должен вернуть долг хоть кому-то!

– Короче, негодяй он, – заключил Барма, уже ненавидя Трувора. – Лучше бы его вообще не было. Или б он умер. Взял и умер. Сей же час, как в сказке, – процедил Барма.

– Шутишь, наверное, – предостерег Орм от опасных бесед посреди улицы.

– Шучу, вестимо, – опомнился Барма. – Что может случиться с наместником, который всегда под охраной, а его напитки и еду пробуют...

– Я уверен, что выход имеется...– заверил Орм. – Ко мне тут подходила княжна Велемира. Она хочет отпраздновать Осенины особенным образом. Восславив не только громовержца Перуна, владыку тьмы Велеса и повелительницу Зимы Морену, но и более зримых персон. Точнее, своего мужа и его дружину...

– Да? – для порядка поддержал беседу Барма, хотя настроение его было испорчено и он уже ничего не хотел сегодня слушать.

– Да. Но понравится ли Рюрику, если Трувор захочет быть самостоятельным князем, а не наместником лишь?...– подсказал Орм.

– Трувор разве жаждет такого? – Барма не сразу уразумел суть замысла змееглазого тиуна. Однако взбодрился, выйдя из мрачных дум. Беседа заинтересовала его.

– Ну а кто откажется? Особенно если на празднике люди будут чествовать князя Трувора...А не князя Рюрика, – разъяснил Орм уже начинающему прозревать Барме. – Ну так что, может, отобедаем вместе у меня? – повторился тиун.

– Пожалуй. Ты, кажется, говорил, твоя жена искусная стряпуня...– ответил Барма, попутно раскланявшись с каким-то знакомым, проходящим по той же дороге, где стояли они с Ормом. – Мне не терпится изведать ее кушаний...

Глава 10. Коварные

Это утро в Новгороде выдалось пасмурным, крапал дождик. Слабый, почти незаметный. А на горизонте виделось просветление. Есть надежда, что к вечеру распогодится.

Уверенной походкой Вольна возвращалась из бани, устроенной возле реки. Потемневший от дождей деревянный настил скрипел и гнулся, зато спасал обувь от луж и грязи. Самочувствие красавицы улучшилось, лишь настроение осталось прежним. Невесело ей было с тех пор, как вернулась соперница. В тот день Вольна осталась и без любимого, и без подруги. А потом еще появление Умилы и потеря дитя. Разве есть чему радоваться этой осенью? Но нельзя поддаваться унынию и показывать окружающим свою слабость.

– Как придем, сваришь мне сбитень, – приказала Вольна Раде, которая следовала за ней и несла корзинку с коробочками и крыночками, в которых хранились мази и масла, помогающие Вольне поддержать красоту на зависть врагам. – Замерзла я что-то, согреться хочу.

– Князь запретил мед хмельной добавлять, – напомнила Рада.

– Ну и где князь? Разве он в моей избе и видит, что я ем и пью? – гневилась Вольна, вернувшись к своей пагубной привычке, расстаться с которой оказалось непросто особенно теперь, когда на улице осень, а в душе печаль. – Я сегодня сон видела. Будто Нег пришел ко мне... – делилась Вольна по пути. – Вот и подготовилась на всякий случай, – Вольна провела по бархатистой коже, напитанной медовой маской, изнеженным перстом. Белые руки вольны оставались по-прежнему красивы. Однако кольца сделались туги. Ранее утонченные худые пальцы теперь выглядели будто опухшими. А может, это был тот лишний вес, который незаметно накапливался в ленном теле.

– Чистая, как снег, – поддакнула Рада. Вольна в самом деле выглядела свежее после банных усилий. Бархатистая кожа, разгладившееся щеки. Но в то же время поплывший овал, усилившаяся на лице одутловатость.

– Еще бы, я же... – не успела Вольна завершить мысли, как вдруг ощутила резкий болезненный щелчок прямо под глазом. Что-то маленькое, но плотное врезалось в нее на большой скорости. Затем раздался шлепок по мостовой – отскочив от кожи Вольны, снаряд свалился на пол – тугая красная рябинка. Резво подпрыгивая, проворно покатила по доске и провалилась в щелку, сгинув под настилом. – О, Макошь, что это?! – схватившись за место удара, Вольна искала глазами источник зловерной атаки. И вскоре ее око приметил злодея. – Ах, это ты! Вырос большим, як великан, но остался все таким же недоумком! – заорала оскорбленная Вольна. – Ты какого лешего без дела болтаешься?! Еще и напал на меня! Хочешь палок получить?!

– О, боги... – раздался огорченный вздох откуда-то из-под навеса, где сушилась трава. Зарывшись в сеновале, Рарог отдыхал в одиночестве, мечтая о подвигах и, наверное, о девичьей любви, которая пока что была ему доступна лишь в воображении. В его руках была тростниковая трубочка, из которой он намеревался сделать дудочку. Отправившись отдохнуть на сеновал, он по пути наткнулся на обсыпанное ягодами дерево, и сорвал огненную гроздь. На вкус плоды оказались горько-кислыми, и Рарог сперва хотел их выбросить. Но потом придумал, как можно потратить их с толком и развлечься заодно. Сначала он пытался попасть по голубям, но это оказалось непросто. И тогда он решил попросту направлять ягодные пули наугад: пущай летят, куда хотят. Он и предположить не мог, что одна из рябинок угодит в Вольну, которую он знал по Дорестадту. Красавица запомнилась ему злой и несправедливой, поскольку часто жаловалась его строгому родителю, и Рарог бывал наказан в итоге. – Прошу прощения.

– Ну-ка подойди сюда, негодник паршивый! – завопила Вольна в гнев. В поступке сына Рёрика она видела злой умысел. – Лентяй! В твои годы уже многие держат в руке меч или плуг, а ты токмо пакостишь и слоняешься без дела! – голосила Вольна.

– Ты тоже без дела слоняешься, – обиженно выплеснул Рарог.

– Что?! Ну-ка замолчи! – заорала Вольна. И, задетая замечанием подростка, ухватила его за чуб, резко дернув к себе.

– Ай, – теперь уже был недоволен и Рарог. Он отпихнул руку Вольны от себя, а затем толкнул и ее саму.

– Да как ты решаешься?! – Вольна не ожидала встретить сопротивление и потому разозлилась еще сильнее. С размаху ударив Рарога по лицу, она осыпала его новыми ругательствами. – Щенок нагульный! Ты кто такой, чтоб нападать на меня!

– Ты первая начала! – огрызнулся Рарог.

Эта перепалка, прерываемая рукоприкладством, могла бы длиться неизвестно сколько, если бы на дорожке внезапно не возникла Дива. Ее появление отвлекло Рарога, а Вольну насторожило – лебедушка не хотела, чтобы соперница стала свидетельницей их ссоры с сыном Рёрика.

– Что тут происходит? – издалека Дива видела и слышала все, а сейчас посчитала нужным вмешаться.

– Не твое дело! Иди куда шла! – гаркнула Вольна, дотронувшись перстами до припухлого нижнего века. Все-таки крохотная рябина, попавшая в нежную кожу, смогла нанести некоторый урон красавице.

– Ты еще поучи меня, – ответила Дива, лицо которой оставалось беспристрастным, на удивление. – Я в своем доме, на своей земле. Куда захочу, туда пойду. А вот ты не смеешь так со мной разговаривать.

– У тебя здесь прав не больше, чем у меня! – заорала Вольна. – Я мать наследника, а ты никто!

– Дива тут княгиня вообще-то! – неожиданно вмешался Рарог.

Заступничество пасынка явилось для Дивы неожиданным. А тем временем ничего поразительного в том не было. Если для нее он виделся некой угрозой, то она для него казалась доброй матушкой по сравнению с Вольной. К тому же он не забыл, как однажды в Дорестадте Дива защитила его от Синеуса. Поначалу он отнесся к ней с опаской, но потом понял, что бояться ее не нужно.

– Что ты знать можешь! Молчи, сопляк! – Вольна вновь отвесила Рарогу оплеуху, а тот со своей стороны опять толкнул ее в ответ.

– Рарог, отойди от нее, – строго позвала Дива пасынка.

– Он посмел поднять на меня руку! – Вольна все никак не могла успокоиться.

– Она первая начала! – не отставал паренек.

– Рарог, мужчина не всегда должен давать сдачи, – Дива решила одарить пасынка разумными наставлениями.

– И что делать, если она меня бьет?! – возмущался Рарог.

– Не оказывайся возле драчливых женщин, – резонно заметила Дива.

– Преумная нашлася тут! – Вольна разбушевалась не на шутку. Присутствие Дивы действовало на нее как рогатина на медведя. – Шагай за своей девчонкой смотри, покуда сынков нет!

– В этом княжестве я могу каждого назвать своим сыном, – усмехнулась Дива нарочито самодовольно, хотя на самом деле уже чувствовала, как забилося ее сердце от волнений. – Пойдем, Рарог...

Мачеха и пасынок пошли к теремам, в то время как лебедушка продолжала слать им вслед проклятия. Нрав красавицы был известен. А Диве уже начинало надоедать, что какая-то баба непрерывно задирает ее и разговаривает с ней неподобающе. Но неопытная княгиня пока не видела способа прекратить это.

– Рарог, тебе следует избегать ее. В противном случае всегда будешь оказываться виноватым, – напутствовала Дива, знающая по опыту, как любое дело Вольна разворачивает в свою сторону. И не просто себе на пользу, а таким образом, чтобы недруги ее пострадали.

– Куда мы идем? – накуксился Рарог, видя, что они приближаются к внушающей трепет обители правителя, то есть к гриднице. Вообще, все, что было связано с родителем, пугало Рарога где-то глубоко на подсознании.

– К нашему князю, – ответила Дива.

– Ты все расскажешь отцу? – Рарог уже видел себя наказанным.

– Ты сам ему все расскажешь. Иначе это сделает Вольна, – предугадала Дива.

– Пушай рассказывает, – пожал плечами Рарог.

– Я же объясняю: в этом случае на тебя падет тень как на виновника происшествия. Нужно первому воззвать к правде, – Дива кое-чему научилась, живя в змеином гнезде.

– Не нужно мне к ней взывать. Понеже я окажусь виноватым в любом случае, независимо от моих слов, – вздохнул Рарог обреченно. – А так еще, может, Вольна промолчит, и все затухнет само.

Дива оглядела пасынка удивленно. Его горькое откровение неожиданно задело какую-то струну ее души. Рарог, кажется, не надеется, что его слову кто-то поверит. Не надеется на справедливость своего отца. Было время, когда она сама, в тот момент еще глупая княжна, также опасалась нареканий со стороны старшей сестры и чужих жалоб отцу, который всегда почему-то верил продуманной Велемире, а не рассеянной Диве.

– Рарог, твои показания важны, чтобы наш князь рассудил верно...

– Да не рассудит он верно, когда меня касается. Всегда я у него виноват во всем, – пробурчал Рарог себе под нос. А потом добавил неожиданно громко, – а жаловаться я не буду!

– Если Вольна обратится к разбирательству первой, то ты окажешься обвиняемым, – Дива уже знала, как поступают все прохиндеи: затевают ссору, а потом бегут за справедливостью.

– Я не девчонка, чтоб плакаться, – повторил Рарог, упрямо встав посреди дороги. Очевидно, он решил не двигаться с места.

– Рарог... – Дива несколько растерялась. Она только сейчас поняла, что он прав. В том смысле, что она дает ему совет, который приемлем для нее, Вольны, других женщин, но не для него. Все-таки Синеус не так уж дурно его воспитал. – Что ж, поступай, как знаешь...

В гридницу Дива пришла одна, то есть без Рарога. Но и Рёрика там не оказалось. Однако не успев и порог переступить, Дива запнулась от увиденной картины. Около окна с метелкой в руке самозабвенно хлопотала прелестная девица. Дива и сама была хоть куда, но эта... Сложно вообразить, чтоб в одном человеке сосредоточилось столько изящества и грации. Из-под тонюсенького алого венчика выглядывали длинные волосы, упругими кудрями спадающие с плеч. Большие ясные глаза, нежный румянец. Дивная фигура. А руки! Маленькие ладошки, ласково смахивающие пыль с полок. Дива замерла в ступоре. Что же это такое? Откуда берутся эти чаровницы?! Сначала величественная Вольна, теперь эта милая кудесница!

– Ты кто такая? – опешила Дива, приближаясь к девице с тем, чтоб лучше разглядеть ту.

– Аснё, – потупив взор, служанка вежливо поклонилась.

В этот миг дверь отворилась, и внутрь вплыл мрачный Арви. Настроение у него сегодня было отвратное: Роса вновь закатила ему сцену ревности, на сей раз подозревая его в тяготении к упомянутой Аснё. Ведь теперь эта рабыня непрерывно хлопотала в гриднице, где тиун бывал чаще, чем дома.

Увидев княгиню, застывшую в немом изумлении, Арви вмиг переменился. На его лице вспыхнула самая любезная улыбка, какую только можно вообразить. Казалось, он сейчас прослезится от счастья, что встретил свою государыню в это утро. А Дива, не зная, у кого еще выведать о новой девушке, решила задержаться для разговора со старым недругом.

– Выйди, – Дива кивнула служанке в сторону выхода.

Аснё почтительно поклонилась княгине и тиуну и легко выпорхнула из горницы, точно птичка.

– Арви, кто это? – проводив девицу встревоженным взглядом, спросила Дива, все еще пребывающая в неприятном изумлении. Она даже забыла узнать у тиуна, где есть, собственно, сам князь. Хотя именно в поисках мужа приспела в гридницы – ранним утром он покинул ее и не возвращался.

– Это Аснё... – пожал плечами тиун, принявшись радостно раскладывать по столу какие-то писания.

– Я вижу, что Аснё! Я спрашиваю, откель она здесь взялась?! – Дивой овладели неясные ощущения. И что-то подсказывало ей, что появление новой горничной неслучайно. – Кто такая?

– Она всего лишь рабыня. Синеус подарил ее князю, – сообщил тиун со скользкой улыбкой.

– Зачем?! У нашего князя достаточно прислуги! – Дива была готова рассвирепеть. Она не полагала, что Рёрик тут же влюбится в Аснё, но само присутствие этой красавицы возле мужа ей неприятно, что и понятно. Кому такое по душе.

– Ну как же... Князья часто дарят друг другу лошадей, оружие, красивых женщин... Этакая девица – приятный дар для любого правителя... К тому же, она девственна, точно первый снег. Мужчины такое любят.

– Ты что такое мелешь?! – заорала Дива, чуть не подавившись. – Она ему не нужна!

– Ну как же не нужна? Князь принял дар, и вот она теперь здесь, – размышлял Арви ехидно. – Значит, нужна. Мало ли как, вдруг пригодится для чего-нибудь...

– То есть, Нег уже видел ее?! Он говорил с ней?! – у Дивы даже в глазах потемнело от злости.

– Видел. Говорил. Все как полагается. Как же иначе-то! – развел руки в стороны тиун.

– И что? Что он... – Дива запнулась, не зная как выразить мысль. Млава была права... Враги будут строить козни. Для начала с помощью красивых женщин.

– Что-что! А что он? – тиун прикрыл глаза, доверительно приблизившись к Диве. – Да княгиня же сама видит... Одного взгляда достаточно бросить на Аснё, чтобы понять об этой девушке. Как она смотрит, как ходит, как говорит! Сущее любование. Хорошавушка... Что он должен был делать? Сослать ее на скотный двор? Да пускай княгиня сама порассуждает: такой девице место в тепле... – размышлял Арви.

– Прекрасна, как принцесса... Проклятый Синеус...

– Да какая там принцесса! Умоляю княгиню не расстраиваться! Всего лишь жалкая рабыня! Ее и незаметно-то вовсе! Будет тихонько хлопотать *в гриднице*! – «утешал» Арви. – Дочь Гостомысла и какая-то горничная – разве тут можно что-то сравнивать?

Прекрасное утреннее расположение Дивы умчалось, словно лисицы с горящими факелами на хвостиках. Умила тоже всего-то кухарка была, а в итоге где теперь принцесса Ингрид...

– Отправь ее в Изборск Трувору! – придумала Дива.

– Нельзя... Ой, не годится такое, – тиун покачал головой. – Так невозможно. Это ж дар князю от родного брата. Да хоть бы и не брата, а даже какого-то далекого кагана, все равно нельзя отослать – неуважение! – нагнетал тиун.

– Тогда я забираю ее себе. Будет служить *мне*, – измыслила Дива наконец.

– Не можно такое статься, – Арви все больше настораживало, что она еще здесь и спорит с ним, а не бежит прямо к Рёрику с ревнивыми упреками. Ее сестра Роса так бы и поступила. – Сам князь распорядился ей в гриднице смотреть за порядком...

– Сам?! – Дива пошатнулась, внезапно у нее закружилась голова.

– Что такое? – Арви даже испугался, увидев, что довел княгиню почти до обморока. И поспешил усадить ее на лавку, подать мису воды.

– Ну что ж...А теперь она моя, – рассудила Дива, сделав глоток воды. – А сюда я Мираву...Или нет, лучше Добродее пришло! – решила Дива.

– Ой, не годится такое. Добродее ему не понравится...Больна грузна, – тиун никак не мог остановиться и все больше распалял княгиню.

– Что значит «не понравится»?! Ему тут уборка нужна или что?! – взвизгнула Дива в возмущении.

– Да что княгиня так растревожилась-то? Вот лавка. Вот водица. Надобно дух перевести и подумать, – тиун собирался проделать с Дивой тот же трюк, что и с Вольной: женщины так легковёрны. Ему ничего не стоит обмануть их, хотя они и знают, что он на такое способен. – Князь – он ведь не только правитель. Он мужчина. И он имеет право оценить красоту вокруг себя. Что в этом дурного? – измывался тиун.

– Никакой красоты! Я сказала, не будет такого! – Дива снова вскочила с лавки.

– Да что ж так переживать-то? Княгине лишаться покоя не престало. И поберечься должно. Степенство и терпение, – наставлял Арви. – Тем более какая-то малоумная рабыня, уж точно, не должна лишить княгиню покоя! Таких, как Аснё, будет еще сотня: что же из-за каждой девки убиваться? Да и потом, уж об этой можно, точно, не думать...Она ведь уедет в Белоозеро скоро...Так решено.

– И славно, пусть быстрее уезжает, – вздохнула Дива с облегчением. – Так еще ладно, Велес с ней...

– Да и я говорю о том же! Велес с ней! – для вида поддержал тиун, в действительности же готовясь к новой гадости. – Ничего ужасающего. Князь только там с ней и будет видаться...Так выразиться, она всего лишь забава на время его пребывания в тех землях...Ведь, как известно, никакой мужчина не может обходиться без женщины, – продолжал рассуждения тиун, словно не замечая выпученных глаз собеседницы.

– Чего?! – Дива постепенно начала догадываться, что Арви умышленно ее ковыряет.

– А что тут неясного? Вот уйдет князь скоро к Белому озеру. А чтоб было, кому о нем позаботиться там да скрасить грустный досуг, поедет Аснё! – сообщил Арви так, словно ничего неприятного в этом сообщении нет.

– Да я лучше сама поеду! – взвизгнула Дива, которую вконец уstraшили размышления тиуна.

– Негоже, – Арви неодобрительно покачал головой. – Княгине должно в своем граде оставаться. Покойно дожидаться мужа...– наставлял Арви. После чего с гадкой улыбкой добавил, – вон, пушай всякие Аснё путешествуют по болотам да кочкам! Им, вертихвосткам, туда и дорога.

– Мне без разницы, что гоже, а что нет! Не пойдет он без меня! – запротестовала Дива с жаром, только сейчас понимая, как неправильно, когда муж и жена в разлуке.

– Как это «не пойдет»? Всю жизнь ходит и что же...Жив и здоров! И сейчас точно таким же путем отправится! Ужели княгиня решила, что князь теперича возле ее юбок сидеть станет?!

– Нет, но...Но я поеду тоже, – решительно заявила Дива. Хотя понимала, что Арви прав: ей поистине недолжно покидать города.

– Княгиня может жаждать чего угодно. Только с собой супруг не возьмет ее, – пожал плечами Арви. – Вот вспомянем мое слово.

Дива хотела что-то возразить. Но услышала голос Рёрика в сенях – очевидно, он пришел в гридницу. И она как раз тут, ждет его, чтобы пригласить на утреннюю трапезу. Давно они не завтракали вместе. Гости занимают его время.

Торопливо поправив накидку, Дива поднялась с лавки, собираясь встретить Рёрика. Но ее улыбка внезапно померкла: зычный голос соперницы звенел неподалеку, становясь все громче.

– Я хочу, чтобы справедливость существовала и для меня также! – настаивала Вольна. Ее обычно приятный бархатный голос теперь резкой волной вырывался из сеней, словно пар из раскаленного горшка, обжигая тех, кто рядом. – Твой сын напал на меня. Ударил. Он должен понести наказание за такое! Вся твоя семья покушалась на меня и продолжает это делать. И никто из них так и не получил по заслугам! Ты никогда не защищал меня, никогда не заботился обо мне, именно поэтому меня тут все обижают!

Дверь отворилась, порог переступил мрачный Рёрик. Дива и Арви застыли в молчании. Каждый по своей причине. Дива – потому как растерялась, а тиун – оттого что недоумевал: он ничего не знал о ссоре Вольны и сына князя.

– Приведи Рарога, – приказал Рёрик слуге.

– Пушай она уйдет! Ее это не касается! – потребовала Вольна, ткнув пальцем в застывшую у окошка Диву. – Пошла отсюда! Вон, сказала!

Вопли соперницы возымели на Диву действие ледяного ливня. Недозволенное поведение этой нахальной наглой женщины уже допекло до такой степени, что молодая княгиня желала и была готова ответить соразмерно. И грубо, и резко, и зло. Однако в последний момент передумала. Должна ли она бросаться в бой лично? Если она уповает на то, что Рёрик защитит ее, то должна предоставить ему такую возможность.

– Нег, я не уйду, – твердо возразила Дива, взяв себя в руки. – То есть я хочу сказать, что меня это касается. Понеже я видела, что произошло.

– Ничего ты не видела! Не сочиняй! – заголосила Вольна, догадавшаяся, что может оказаться в меньшинстве. – Нег, она обязана уйти! Выгони ее. Пошла отсюда! – последние слова Вольны были обращены к сопернице.

На миг Диву накрыло пологом смятения. От услышанных наглых требований и визгов у нее уже путались мысли, и она вдруг ощутила себя так, как раньше – бесправной, ненужной, нелюбимой. Слово Вольны часто оказывалось весомее ее собственного. И поникшая Дива по привычке стала ожидать, что Рёрик послушает лебедушку.

– Не горлань возле меня, – несмотря на кажущуюся простоту, обращение Рёрика к Вольне прозвучало строго. Взгляд князя не касался шумящей, но выражал неодобрение. Да, он не смотрел на Вольну. Даже тиун, желавший до этого момента высказаться, передумал держать речь.

– Ладно. Я расскажу, как все было, – у Вольны хватило ума прекратить кричать, хотя замечание Рёрика ей не понравилось. И все же она почувствовала, что если продолжит в том же духе, что и начала, то до конца ее здесь не дослушают. Именно так. Рёрик не станет с ней спорить или убеждать в чем-то, ее просто выдворят отсюда. Или он сам уйдет, как часто поступал, когда не хотел слушать ее.

– Нег, чтобы принять решение, нужно внять и Рарогу, – заметила Дива. Слова пасынка, сказанные им еще на улице, отчего-то затронули ее сердце, ей стало жаль его. И она решила хотя бы сегодня встать на его сторону. – Или тебе неважно, что он ответит?

– Что за вопрос такой? – Рёрик озадаченно оглядел Диву. А потом добавил, – позовите-ка Рарога сюда...

Расторопный слуга выбежал за дверь. А князь подошел к окну и упер ладони в подоконник, глядя на редеющий вдали лес.

– Это не мой вопрос, – ответила Дива наконец. – И мне кажется, твой сын не верит в твою справедливость.

– Почему это?! – Рёрик вдруг поймал себя на мысли, что сейчас очень зол на сына. Хотя не видел Рарога сегодня. Это не впервые. Вольна и прежде часто жаловалась на мальчика.

– Потому что в любом происшествии виноватым оказывается он. Вне зависимости от обстоятельств... – ответила Дива, смело повторив слова Рарога.

– Выйдите все на улицу. Вернетесь вместе с Рарогом, – приказал Рёрик.

Вольна выступила первой – она всегда силилась быть центральной фигурой даже в незначительном шествии. Двери должны открыться пред ее особой в начале начал. Она величаво выплывает, аки владычица, а потом пусть уже плетется и Дива.

Приподняв вверх левую бровь, из гридницы вышагнул и Арви, корящий себя за то, что пропустил нечто важное.

Дива же была рада тому, что не покинет гридницу в одиночестве, как того изначально требовала Вольна. С другой стороны молодая княгиня уже была огорчена. Ведь оказалась в глазах своего князя равной Вольне и Арви.

– Дива, останься... – Рёрик неожиданно остановил свою княгиню, когда та двинулась на выход. И, лишь оставшись с ней наедине, продолжил, – Рарог пожаловался тебе?

– Нет, конечно. Нет! Как ты мог подумать такое? – Дива уж испугалась, что ухудшит положение паренька вместо того, чтоб улучшить. – Я уверена, что он не посмеет жаловаться на своего отца или других старших родственников. Просто, мне кажется, ты строг с ним непомерно, – Дива подошла к Рёрику со спины и обняла его, прислонившись к нему щекой. – Ведь ты еще ничего не выяснил, а уже сердись на него.

– А я не должен быть строг?! – удивленный Рёрик развернулся к Диве.

– Должен, но... – Дива теперь ясно видела: он, кажется, не понимает того, что она хочет сказать.

– Дива, если со мной и Синеусом что-то случится, то Рарогу придется защищать себя самостоятельно. Он должен быть готов к тому, что мир вокруг враждебен, – Рёрик развернулся к окну и вновь устремил взгляд на мрачный осенний лес. – А также он должен знать, что любой поступок имеет последствия...

– Он знает. Просто он слишком юн, – пожала плечами Дива. Не так много времени прошло с тех пор, как она сама девчонкой резвилась на полях и лугах. Были шалости и проступки, которых сейчас она бы уже не совершила. Это все возраст. – А я знаю, что ты любишь его. Но только этого почти незаметно, – для Дивы любовь представлялась как нечто явное и торжественное. – Нашу дочь ты берешь на руки, играешь с ней... А Рарог...

– Ну я же не могу и его взять на руки, – заметил Рёрик.

– Знаешь, это ведь и не только одного Рарога касается, – осторожно заметила Дива. – Твоя сестра... Она переживает из-за твоего решения о женитьбе с Гейрхардом.

– Это она тебя подослала? – усмехнулся Рёрик.

– Она не подсылала. Она страдает, ей плохо. И обидно, что ты вновь не слышишь ее. Любящий брат не должен оставаться глух к мольбам сестры. Со стороны можно подумать, что ты и вовсе ненавидишь ее.

– Я?! – удивился Рёрик, который, уж точно, был далек от подобного чувства. – Да что я такого сделал?

– Я же говорю, твое решение ее печалит. Это совсем не то, что ей нужно.

– Ну разве женщина может знать, что ей нужно? Ты вот, к примеру, выбрала изборского княжича, думая, что тебе нужен он, – напомнил Рёрик.

– Нег, ну это же разные вещи, – примирительно заметила Дива.

– Никогда не вмешивайся в мои решения. Особенно если они тебя не касаются, – предостерег Рёрик неожиданно.

И его голос прозвучал холодно. Так холодно, что Дива не нашлась, что ответить сразу. Она медлила. Хотя понимала, что ответить необходимо.

– Не буду, – Дива опустила глаза, напоминая себе о том, что обязана быть смирной, не выражающей недовольства на каждом шагу. Ей надобно скрашивать жизнь мужа, а не омра-

чать. И все-таки обидно слышать от него такое. Его не волнует ее мнение, и он прямо сказал ей об этом сейчас.

– Ты что, обиделась? – Рёрик заметил перемену, произошедшую в Диве. Если недавно ее глаза светились, она была рада видеть его – то теперь даже не смотрит в его сторону.

– Разве я смею на тебя обижаться? Ты же столько делаешь для меня, – Дива, и впрямь, не могла себе позволить роскошь обид. Ведь это она от него зависит, а не он от нее. Впрочем, разве это правильно всегда замолкать, уступая ему? Но так страшно хоть на миг отдалиться от него. И как побороть этот страх? – Я просто очень устала.

– Я тоже устал, – признался Рёрик, хотя на дворе было только утро. Он имел в виду совсем другую усталость, как и Дива, подразумевая нечто иное под этими словами. К осени ум понимает, как утомился за бурное лето, кишашее переживаниями разного рода.

– Ты сам все слышал. Эта женщина непрерывно оскорбляет меня в моем собственном доме; гонит отсюда, словно я не родилась здесь и не провела в этих стенах всю свою жизнь, – посетовала Дива на хамство Вольны. – Никто не говорит со мной так нагло и неуважительно, как поступает она. Я ничего не забирала у нее, не делала ей зла. И единственное, чего я хочу от нее, чтобы она оставила меня в покое. Ибо я не имею возможности защититься от нее, не пострадав при этом самой. И я понимаю твоего сына, который не знает, как ему спастись от нее.

– Что произошло между ней и моим сыном? – сейчас Рёрика интересовал только этот вопрос.

– Только вдумайся! Этот наглый мальчишка посмел напасть на меня! – злилась Вольна, стоя на крыльце вместе с Арви, внимательно выслушавшим ее рассказ. Дождь прошел, на улице было свежо и прохладно. Однако сквозь рассеивающиеся тучки уже начало проглядывать солнышко. – Он ударил меня. Посмотри на мое лицо! – под глазом Вольны словно в доказательство ее слов образовалась припухлость.

– Если видоки подтвердят сие нападение, то молодому княжичу придется несладко, – выразил предположение Арви, щурясь на солнышке, словно ленивый кот. – Кажется, княгиня Дива оказалась свидетельницей того...

– Она не подтвердит мне назло! – сердилась Вольна.

– Зачем князь оставил свою жену, а нам повелел удалиться? – задался вопросом Арви. – Я уверен, что сейчас он слушает ее повествование об этом злополучном утречке. Затем придет Рарог и также изложит свое видение произошедшего. Дива и Рарог не будут слышать друг друга. Если кто-то задумает солгать, то государь это быстро обнаружит, найдя несоответствия в ваших трех рассказах... – рассуждал Арви. – Однако если вдруг ее слова ненароком совпадут со словами Рарога, то... – тиун недоговорил, но этого и не требовалось. Вольна лучше него знала, что так и будет.

– Меня не волнуют ее пустые слова. Главное – истина! Рарог толкнул меня! И ты должен помочь мне доказать это! – Вольна знала о том, что Арви недолюбливает Диву, и потому рассчитывала на его поддержку.

– Все-таки ударил или толкнул? – усмехнулся Арви, который допускал, что Вольна преувеличивает произошедшее. – Одно могу сказать: у княгини Дивы нет причины лелеять своего пасынка. Ведь если у нее самой родится сын, то неизвестно, кто все-таки наследует престол Гостомысла.

– Известно. Наш с Негом сын! – вскипела Вольна. – Он старший законный сын, отцом которого является Нег! А кто отец Рарога – это вообще неизвестно!

– Ну, разумеется, в таких вещах доподлинно никогда неизвестно, – согласился Арви. – Однако удивительное сходство Рарога и нашего князя указывает на их явное родство, уже не вызывающее сомнений даже у самых взыскательных глаз.

– Мало ли кто на кого похож! Мой сын – старший законный сын Нега! – долбила Вольна, уверенная, что от многократного повторения ее слова обретут силу.

Вскоре на дорожке, ведущей в гридницу, показалась фигура Рарога. Он медленно плелся, словно в конце пути ему должны отрубить голову. Увидев издалека Вольну, он уныло вздохнул, уже представляя, что сейчас начнется. И не ошибся.

– Ты напал на меня! – уперев руки в бока, кричала Вольна на Рарога, продолжая талдычить свою версию уже по возвращении в гридницу. – Скажи токмо, что это не так! Ты поднял на меня руку прямо посреди улицы!

– Рарог, это правда? – задал вопрос Рёрик, взыскательно глядя на сына. Тяжко вздохнув, паренек медлил с ответом. Он же, кажется, не нападал на нее. Однако кое-какая стычка все-таки произошла.

– Да, поднял! Он напал на меня! Сколько это будет продолжаться?! – твердила разъяренная Вольна. – Еще будучи в Дорестадте, ты не унимался! – гаркнула Вольна на Рарога. – Как сейчас памятью, испортил мне платье, искупал мою кошку в корыте с краской, сломал мне ступеньку на крыльце!..А сегодня и ударил меня, негодный!

– Ничего я не делал! – выпалил Рарог, стараясь перекричать Вольну. Его попытка открититься сразу от всех обвинений играла не в его пользу: уж прочие упреки лебедушки были обоснованы. Отрицая их и в то же время настаивая на своей невинности, он будто приравнивал былые проступки к сегодняшнему.

– А это что?! – Вольна ткнула пальцем в образовавшийся синячок размером с вишню.

– Это рябинкой! Я же извинился! – запротестовал паренек.

– Рарог?! – Рёрик вопросительно оглядел свое строптивое чадо.

– Да. То есть, нет. Не совсем...Отец, она же первая схватила меня, – вздохнул Рарог. – Я лишь оттолкнул ее от себя.

– Что ты брешешь здесь?! – нарочито возмутилась Вольна. – Я шла своей дорогой, а ты набросился на меня, думая, что тебе все сойдет с рук!

– Нег, он защищался, – негромко добавила Дива, которой уже было жаль пасынка и саму себя. Рёрик будто не слышит их. Ужели всегда внимают самому горластому и наглому? Вот потому Вольне так легко кого-то оклеветать и опорочить.

– Тебя не спрашивают, везде острый щучий нос суешь! – по своему обыкновению вопила Вольна, даже сделав устрашающий выпад в сторону Дивы. – Он напал на меня! Напал! – настаивала Вольна с жаром так, что ее щеки покраснели. – Нехай он будет наказан, дабы впредь и не думал ко мне подступать!

– Рарог, буде ты когда-нибудь нападешь на Вольну, то я потом нападу на тебя самого, – посулил Рёрик сыну.

Дива и Рарог безнадежно переглянулись между собой. Неужели Рёрик не поверил им? Голос его звучал грозно и строго. А лебедушка с самодовольным видом смотрела на паренька и соперницу, которые будто языки проглотили.

– Вольна...– Рёрик развернулся к виновнице сборища. – Ежели ты еще раз нападешь на моего сына или оскорбишь Диву, то окажешься под замком на год вперед. Ты не сможешь выйти из своей избы, и это уберет тебя от повторения подобных ошибок...А теперь ступай-ка отсюда...

Измученные Рарог и Дива вновь переглянулись, но на этот раз их лица сияли.

– Закрыть меня?! – изумилась Вольна. – Я шла из бани! Никого не трогала! Что они тут выдумывают?! Они сговорились! Они ковы куют против меня, а ты им внемлешь!

– А продолжишь перечить мне, и окажешься в заточении навсегда, – недобро добавил Рёрик, кивнув на дверь.

– Как знаешь... – обычно дерзкая Вольна теперь не отважилась продолжить спор, прочитав в глазах Рёрика решимость претворить угрозы в жизнь. А ей самой, красавице из красавиц, немисливо оказаться взаперти. И лучше уж не испытывать судьбу и уйти пока что.

– Государь, мне надобно сообщить важную новость, – проявился вдруг Арви, который все это время молчал и даже сумел слиться со стеной. Так его никто и не замечал.

– Вы тоже ступайте. Готовьтесь к пиру, – отпустил Рёрик жену и сына. – Особенно ты, Рарог. Явишь свое боевое мастерство вечером...

– К пиру? – удивилась Дива, которая и не знала, что затевается пир.

– Пир, на котором князь объявит о своем решении относительно судьбы княжны Умы, – провозгласил Арви с довольной ухмылкой.

– Уповаю, это решение будет всем во благо, – выразила надежду Диву, украдкой глядя на Рёрика.

– Это конечно, – усмехнулся Рёрик, почесав затылок.

Дива и Рарог вышли на то же самое крыльцо, на котором еще совсем недавно Вольна требовала возмездия для нашкодившего Рарога.

– Отец поверил мне! – счастливый Рарог не мог сдержать своей радости. Глаза его светились, а улыбка тянулась к ушам. – Он не стал слушать Вольну!

– Да. Это потому как за тобой истина, – подбодрила Дива, которая была из тех людей, которые на самом деле убеждены, что добро и правда побеждают всегда. – Я пойду. Надо готовиться к пиру... – Дива не представляла себе, что еще она может сказать этому юноше. Кажется, она сделала для него все, что было в ее силах. И это важнее слов.

– Что-то срочное, Арви? – Рёрик уже и сам собирался поскорее покинуть гридницу. Сегодняшний вечер обещает быть необычным. И нужно хорошенько все обдумать.

– Вообще-то, да, князь, – губы Арви сложились в мстительную фигуру. – Пришли новости из Изборска...

– Я надеюсь, там все ладно...

– К сожалению, не совсем... – кашлянул осмотнительный тиун, раздумывающий, как получше приступить к убедительному изложению. – Ходят слухи, что Трувор самостийность неуместную проявляет... Ведет переговоры с князем Полоцка, к примеру...

– Я знаю, что Ярополк был в Изборске, – подтвердил Рёрик.

– Трувора теперь не иначе кличут, как князем, – осторожно заметил тиун. – Он токмо наместник, но, кажется, забыл об этом... Или, по крайней мере, позволяет подобное обращение...

– Неужели... – Рёрик сдвинул брови.

– Как говорят, народ величает его князем... Возможно, это только нелепые сплетни... Ведь Трувор должен знать, как опасно подобное попустительство... – ядовито заметил Арви. Он понимал только одно – пока соперник дышит, покоя ему самому, мстительному тиуну, не будет. Ни расстояние, ни время не смогут стереть из памяти то, что произошло в Изборске. Точнее, много ранее...

– Мне казалось, он не из таких... – то ли самому себе, то ли в ответ на слова тиуна произнес Рёрик, который теперь выглядел озадаченным и огорченным.

– Не допускаю мысли, что у него имеются дурные намерения... Однако он не первый несчастный, которого испортил высокий пост... К тому же он часто бывает подстрекаем супругой... Старшая дочь Гостомысла Велемира крайне властолюбива, как князь мог догадаться... Даже ее имя указывает нам на сию ее слабость...

– Как не вовремя... – Рёрик выглядел озабоченным полученной новостью.

– Повелитель, я не смею давать советы...Однако, как известно, проще раздавить яйцо, чем взрослую змею...– аккуратно подступил Арви. – Возможно, Трувор и сам не знает, куда ведет эта дорога. Но он уже ступил на нее...

– Пусть придет Ньер...– повелел Рёрик мрачно.

Глава 11. Хлопоты

– Мы собрались теперь, чтобы обсудить грядущее. Сегодня будут устроены состязания, перемежаемые застольем. Нас ждут перемены, – Умила вещала посреди просторной светлицы, а вокруг нее по лавкам расселись слушатели – домочадцы. Не хватало только двоих – княжеской четы. – Сей вечер решит судьбу моей дочери и определит дальнейшее для Белого озера. Целый город на кону. Ныне враг жаждет покуситься на то, что принадлежит нам. Все вы уже догадываетесь, о ком идет речь... И как одна большая семья мы объединимся и защитим друг друга, в нужный момент придя на помощь...

– А врагом сегодня для всех нас выступает Гейрхард? – поинтересовался любопытный Рарог, покручивающий в руках небольшой кинжал, который всегда таскал с собой для разных нужд, как каждый свободный мужчина.

– Именно так, – подтвердила Умила.

– Я не понимаю, матушка, – слово взяла княжна Ума. – Зачем мы вообще позволяем Гейрхарду претендовать на что-либо? Почему не выгнать этого настырного горлохвата вон вместе с его обнаглевшим стадом?! Я только нынче слышала историю о том, как они отправились гулять в город и устроили там побоище, убив кого-то. Сегодня они убили каких-то жителей, а завтра покусятся и на нас! Разве мы не можем отказать Гейрхарду сразу и без всяких единоборств?!

– Мне тоже интересно знать сие, – отозвалась Ефанда, скорчив недовольную гримасу. Она понимала, что Умила не просто так собрала родственников вместе, позвав в том числе и Олега. Старой княгине что-то понадобится от принца. А она сама, принцесса Ефанда, не хочет, чтобы ее возлюбленный брат рисковал жизнью по чужому слову.

– Это тонкий вопрос, – задумчиво изрекла Умила, не умеющая обходиться без запутанных рассуждений. – Ежели Гейрхарда просто выгнать, то это будет означать, что мы боимся его или считаем серьезным противником. Он может объединиться с нашими врагами. Или станет распускать слухи о нашей слабости... Вместо этого слабым и ничтожным должен прослыть он сам, этот наглец! – постановила Умила, подняв к небу указательный перст. – Мы унизим его на глазах у всех его людей, и он усвоит свое место. И больше никто не посмеет по его примеру претендовать на то, что является нашим. Итак, соревнования станут происходить в несколько ступеней. Как известно, Гейрхард славится своим умением метать копье, как и ты, Синеус, – обратилась Умила к сыну, которого прочила на место правителя Белоозера. – И это состязание мы оставим на самый конец пира. Заключительный поединок, где ты, сын, раздавишь этого охальника.

– А если Гейрхард захочет принять участие в других состязаниях и выиграет их? – забеспокоилась Ума.

– Для каждого поединка в нашей семье найдется непобедимый воин, – Умила ощерилась, обнажив ряд удивительно ровных и белых зубов, которых не трогало время. – В метании кинжала никто не превзойдет Рарога, хотя он пока юноша. Так ведь? – Умила вопросительно смотрела не на внука, а на сына.

– Да, матушка, я кое-чему обучил нашего бездельника, – подтвердил Синеус, который хоть и старался выглядеть равнодушным, однако гордился своими успехами в наставничестве племянника.

– В обращении с секирой никто не одолеет Олега, – Умила милостиво оглядела принца. – Гейрхард будет повержен, что бы он ни предложил и чего бы ни выдумал.

– Матушка, пуцай все мы и умелые бойцы, но не можем с непоколебимой уверенностью утверждать, что никто не превзойдет нас, – заметил Синеус справедливо. – На любого ратоборца всегда сыскивается другой более опытный и хваткий воин.

– Никто не превзойдет вас, – повторила Умила упрямо. И у сей убежденности имелся фундамент. – В начале пиршества мы откроем бочонок меда, который нам поднесет наш подданный. И этот мед опьянит Гейрхарда. Так что не пейте много, дабы оставаться трезвее всех... А лучше, вообще воздержитесь от сего напитка. Да, именно так, дети...

– Еще на прошлом пиру Гейрхард хвастался, что никто не может перепить его, – вспомнила Ума, в ушах которой все еще стоял хруст улиточного панциря.

– Он заблуждается, всеконечно, – ухмыльнулась Умила. – Итак, самое первое состязание будет для тебя, Рарог, – Умила перевела взгляд на внука.

– Я знаю. Отец сказал, что я смогу показать себя с лучшей стороны, – вздохнул Рарог. Кажется, он жаждал военных забав. Но в то же время не чувствовал уверенности в себе, что часто бывает в юном возрасте, в незнакомом или широком кругу.

– Показать себя умелым воином: ловким, искусным, – добавила Умила.

– Строго говоря, я ещё не воин. Ведь я никого не убил и даже не победил ни в одном бою, – улыбнулся Рарог чуть растерянн.

– Ну и что. Сейчас главное – научиться владеть оружием. Все должны видеть, что ты достойный сын своего отца, – подчеркнула Умила.

– Да им всем без разницы, кто я такой, – вздохнул Рарог.

– Как это – без разницы? Нет, не без разницы. Все хотят видеть наследника Новгорода, – заверила Умила.

– Бабушка, я же не наследник Новгорода, – напомнил Рарог.

– С чего ты взял? Дива тебе сказала такое?! – Умила во всем была готова винить неугодную невестку.

– Нет, не Дива. Вольна, – Рарог не думал жаловаться, просто ответил на вопрос.

– Разве Вольна решает, кто есмь продолжатель нашего рода? Случалось прежде, твой отец нередко угождал её желаниям. Но это ушло. Посему не слушай, что она болтает, – посоветовала Умила. – А сейчас ступай и готовься к состязаниям. Тебе пора участвовать в мужских забавах наравне со всеми. И думай не только о победе, но и о заслуженной тобой награде.

– О какой награде? – глаза Рарога радостно вспыхнули.

– О такой, которая желанна всякому бойкому молодцу, – княгиня-мать лукаво подмигнула. – Ты уже вошел в возраст...

– О, боги, бабушка... – смутился Рарог, догадавшись, на что намекает Умила.

– А что? В этом нет ничего такого, – успокоила Умила под умильные смешки слушателей. Никто не прерывал ее и не смел сбивать с мысли: в этой семье правила соблюдались в полной мере. – Не нужно позволять робости и неуверенности захватить тебя. Тем паче вскоре настанет день, когда любая девушка, ступающая по этой земле, сочтет за великую честь разделить с тобой ложе.

– Я лучше пойду... – Рарог вскочил с лавки и двинулся к выходу, по пути запнувшись, хотя половицы были ровными и не выступали.

– Да, я и говорю, иди, вестимо. Ступай и готовься... – отпустила Умила внука, улыбаясь ему вслед.

Раздумывавшийся Рарог выбежал на улицу, вероятно, последовав мудрым советам. А может, желая избежать всеобщих обсуждений смущающей его темы. В действительности он и сам часто размышлял о таинственных девичьих прелестях, влекущих его неискушенный ум. Но одно дело размышлять в одиночестве, и другое – рассуждать о подобном при старших родственниках!

– Матушка, зачем раззадоривать его? Он не может наследовать Новгород, – послышался голос Умы, когда Рарог покинул покой.

– В чем я раззадориваю его? Он сын княжеский, – подчеркнула Умила, которая сегодня все чаще отвечала вопросом на вопрос, а не по сути.

– Он может хоть сотню раз приходиться сыном князю. Но это не значит, что он может наследовать стол Гостомысла. И это не мои слова, – Ума напомнила матери то, что та утверждала постоянно, обсуждая всевозможных наследников.

– Это мои слова, – не стала отпираться Умила. – Для поддержания порядка и во избежание волнений в народе престол Гостомысла должен наследовать его внук, то есть сын Дивы. Однако у этой новгородки нет сыновей. И неважно, кого называют наследником днесь.

– Я сейчас не о Диве говорю. А о Рароге. Все знают, откуда он взялся: его мать была обычной женщиной. Мы даже не помним ее имени. И все же всякого младенца из подола простолюдинки нельзя провозгласить наследником. У сына Вольны больше прав: мы хотя бы видим его матушку.

– «Больше прав»?! Вольна принесла нам готового ребёнка и заявила, что он – сын Нега, – вскипела Умила, которая до сих пор не виделась с маленьким внуком, отказываясь от знакомства. – Нам нужны наследники от Дивы. Если она не может их дать, то потребна новая жена для князя. И новые отпрыски, – постановила Умила, обосновав свое желание избавиться от невестки этим убедительным предлогом. – Если Дивы не станет, то никто не будет осуждать нас за новый союз с дочерью иного знатного рода.

– И почему ее должно не стать? Она что, испарится? Нужно просто подождать до того времени, пока она вновь понесет, – пожала плечами Ума.

– Ты что, защищаешь ее? – Умиле не нравилось, что в этой битве ее мало кто поддерживает.

– Я не защищаю ее. Однако она единственная из всех, кто попытался мне помочь... – заявила Ума, не обращая внимания на присутствующих, с любопытством внемлющих перепалке матери и дочери.

– О чем ты говоришь, дитя мое? – Умила обожала изображать недоумение даже после многократных объяснений.

– Я не хочу замуж за Гейрхарда. И многих просила поговорить с Негом об этом. Но разве кто-то в этой горнице откликнулся на мой зов? – упрекнула Ума.

– Ты зря сердчаешь, моя березка. Я имела беседу с твоим братом, – заверила Умила.

– И что он ответил? – Ума сдвинула брови.

– Послушай свою мать. И пойми, сегодняшней вечер зело важен. Ты обязана выглядеть надлежащим образом. Аки снежинка. Ослепительная и сияющая. Остальное не должно тебя заботить.

– «Не должно заботить»?! Я не хочу замуж за вашего варвара Гейрхарда! Сколько повторять?! И желаю, чтобы меня оставили в покое! А мне продолжают твердить одно и то же! – рассердилась Ума. Обычно спокойная, теперь она уже кричала.

– Нет, никто ничего не твердит. Мы все просто ищем верное решение. Дружина Гейрхарда многочисленна, это важно особенно нынче. Знаете ли вы, что происходит в Изборске? – на сей раз Умила обращалась ко всем слушателям. – Трувор, кажется, затеял предательство. Кстати, Аскольд с Диром ушли, но, возможно, окажется, что не под нашими знаменами. Силы князя Рюрика тают. Людей нынче меньше, чем было тогда, когда он прибыл сюда. Часть из них осталась у Белого озера, другая часть – в Ладоге. Новгород защищается верной, но небольшой горсткой людей всего лишь. И этого недостаточно. Именно поэтому нам так важно получить подкрепление хотя бы от Гейрхарда. Ежели его дружина присоединится к нам, мы станем сильнее. Он сможет защищать, к примеру, Белое озеро. Там обычно спокойно, однако и оттуда может прийти опасность...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.